

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

*А. Г. Григорьян, В. И. Кузнецов, Б. В. Левшин,
С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,
А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Яшин (председатель),
М. Г. Ярошевский*

Е. В. Дорогостайская

Виталий Чеславович
ДОРОГОСТАЙСКИЙ

(1879—1938)

Ответственный редактор

Д. В. ЛЕБЕДЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
НАУКА
1994

ББК 28г (2)

Д 69

УДК 92 В. Ч. Дорогостайский 58

Дорогостайская Е. В. Виталий Чеславович Дорогостайский (1879—1938). — СПб.: Наука, 1994. 136 с.

Книга посвящена жизни и деятельности известного советского биолога и географа профессора Иркутского университета Виталия Чеславовича Дорогостайского. Ученый с широкой амплитудой интересов, охватывавших ряд разделов теоретической и прикладной биологии, основное внимание уделял проблеме Байкала. Ему принадлежит, в частности, заслуга создания первой биологической станции на этом озере, им разработана оригинальная гипотеза происхождения уникальной байкальской фауны. Талантливый исследователь, энергичный организатор науки в Восточной Сибири, воспитатель научной молодежи — таким он вошел в историю науки. Трагические события 30-х годов, жертвой которых он стал, не дали Дорогостайскому завершить все им задуманное.

Рецензенты:

Г. Г. МАТИНСОН, Я. И. СТАРОБОГАТОВ,

С. Я. ЦАЛОЛИХИН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Таймырского регионального отделения Петровской Академии наук и искусств.

Д $\frac{1805040900-652}{054(02)-94}$ 72—91 НПЛ

ISBN 5-02-026681-7

© Е. В. Дорогостайская, 1994
© Российская академия наук,
1994

© Оформление — И. П. Кремлев,
1994

Предисловие

Настоящая книга открывает еще одну, до сих пор фактически закрытую страницу истории отечественной науки. Хотя труды выдающегося советского биолога и географа Виталия Чеславовича Дорогостайского не были изъяты из обращения, а сам он давно реабилитирован, только сейчас в монографии его дочери представлена целостная картина жизни и деятельности ученого, рассказано о его трагической судьбе.

Восточная Сибирь была обычным местом ссылки поляков, участвовавших в борьбе с царским правительством. Для многих из них она стала второй родиной. К их числу принадлежал и В. Ч. Дорогостайский, отдавший все свои недюжинные силы и способности изучению богатой природы Сибири. Получив образование в Московском университете, где ему была обеспечена блестящая научная карьера, он вернулся к берегам Байкала, приковавшего его к себе на всю жизнь. Имя Дорогостайского навечно вошло в историю этого уникального природного объекта, нашего национального богатства. Байкал в настоящее время находится в центре внимания и заботы всего советского народа. И когда мы размышляем о бедах Байкала и задумываемся о его будущем, надо вспомнить о человеке, бывшем во многих отношениях первопроходцем в комплексе наук, слагающих современную байкалистику.

Здесь, на Байкале и вокруг него, раскрылось все многообразие научных интересов Дорогостайского, энциклопедичность его знаний. Он с одинаковой свободой переходил от водорослей к птицам, от ракообразных к млекопитающим, от рыб к насекомым. Был он подлинным натуралистом, неутомимым собирателем биологических коллекций, охотником за фактами и в то же время глубо-

ким мыслителем. Именно ему принадлежит приоритет в создании современной концепции истории формирования фауны Байкала, ее относительной молодости. Эта гипотеза Дорогостайского является серьезным вкладом в эволюционную теорию, в частности в учение об адаптивной радиации.

Научные исследования Дорогостайского органически связаны с решением актуальных практических задач. Особенно много им сделано в разработке научных основ пушного звероводства, охотничьего хозяйства, борьбы с гнусом — этим бичом животноводства Сибири. Он был одним из пионеров и страстным пропагандистом охраны природы.

Не меньшее значение, чем непосредственная научно-исследовательская работа Дорогостайского, имела его деятельность как организатора науки в Восточной Сибири. С его именем связана организация Байкальской биологической станции, первого в нашей стране Государственного питомника пушных зверей, а затем и Пушного института, кафедры зоологии позвоночных Иркутского университета. Он был организатором и руководителем многочисленных научных экспедиций.

Наконец, нельзя не отметить, что Виталий Чеславович был прирожденным педагогом, воспитателем научной молодежи, которую тянула к нему не только энциклопедичность его знаний, но и те прекрасные человеческие качества, которыми обладал Дорогостайский. Доброта и отзывчивость, мужество и принципиальность, демократизм и чувство юмора — все это не могло не привлекать к Дорогостайскому молодых людей, группировавшихся вокруг него.

Рыцарь науки — таким предстает перед нами этот человек в книге его дочери Евгении Витальевны Дорогостайской.

Д. В. Лебедев.

Страницы родословной. Детство и юность.

16 (28) сентября 1879 г. в с. Тулун Нижнеудинского уезда Иркутской губернии у поляка-поселенца, бывшего политкаторжанина родился сын, Виталий, человек трудной и сложной судьбы. Его отец, Чеслав Станиславович Дорогостайский был родом из Каменецк-Подольска, но рано оставил свой город, присоединясь к польскому восстанию 1863 г., и вскоре оказался в Сибири. Принадлежность к роду Дорогостайских Виталий ощущал всю жизнь, мечтал разыскать и повидать родственников, но это ему так и не удалось.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообщает следующее: «Дорогостайские — литовский дворянский род герба Лелива. Родоначалником их был Римовид, живший в начале XV века. . . Христофор Николаевич Д. был маршалом великим литовским (1598—1614). Потомство его внесено в VI часть родословной книги Киевской и Подольской губерний» (т. 21, с. 58). В XVI и XVII веках Дорогостайские принадлежали к аристократии, играли важные роли в политической жизни Польши. Все они были военными, имели высокие чины. Христофор (1562—1615) был также писателем; главный его труд — «Гиппика, или Наука о лошадях» — иногда упоминается в литературе. Сын его Владислав-Монвид (умер 1691), так же как его предки, владел многими селами: Дорогостаем, Олавчицами, Шелепиным, Дерстечным, Чудковым и др., но поделил недвижимое имущество между пятью детьми. Старший сын Антон (умер 1720) в свою очередь разделил имущество между четырьмя детьми, и внук Андрей (умер 1763) имел только одно село Олавчицы, переданное единственному наследнику Павлу (1726—1802).

Павел Дорогостайский продал это село в 1785 г. С этого времени началась трудовая жизнь Дорогостайских. Может быть, Павел дожид свой дни на вырученную сумму, но сыновьям его Михаилу и Казимиру (близнецы, 1775 г. рождения) и их потомкам пришлось зарабатывать на жизнь и время от времени доказывать в правительствующем сенате принадлежность к дворянству. Казимир был управляющим имением богатой графини, как трудился Михаил — неизвестно. От близнецов пошли две ветви Дорогостайских, из которых каждая дала в третьем поколении политкаторжанина.

Разыскивая в Иркутском архиве (Государственный архив Иркутской области) (ГАИО) данные о Чеславе, внуке Михаила и отце Виталия, я неожиданно натолкнулась на документы другого каторжника — Дорогостайского Ивана-Непомучена-Антоня (как потом выяснилось, внука Казимира), тоже родом из Каменец-Подольска. Он учился в петербургском Институте путей сообщения, бежал в 1863 г. в Виленскую губернию, став адъютантом Феликса Вислоуха. После поражения восстания был осужден на шесть лет каторги.

Чеслав Станиславович в 1863 г. сражался в повстанческих отрядах близ Киева, был взят в плен и сослан в Сибирь также на шесть лет каторги. Отбывал ее на Николаевском железодельном заводе близ с. Братска, крупнейшем в то время в Сибири. После освобождения по амнистии 1867 г. (дворянство возвращено в 1875 г.) он остался конторским служащим, а затем коммивояжером фирмы братьев Бутиных, которым принадлежал завод. В 1875 г. Дорогостайскому было разрешено ездить по делам фирмы по Иркутской губернии, а в 1882 г. даже до Нерчинска Забайкальской области, но при условии полицейского надзора за ним во время проживания в Иркутске. В этом городе он женился на одной из трех дочерей чиновника Ильи Черных, Марии Ильиничне. С какого-то года он стал полноправным доверенным лицом фирмы Бутиных в Тулуне, а в 1890 г. — в с. Тунке. Братья Бутины были не только богатыми, но и просвещенными людьми. Они владели еще другими заводами, в том числе в Забайкалье, и были активными членами Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ВСОРО). В 1870 г. они отправили из Нерчинска экспедицию из 16 человек под начальством А. П. Лосева с целью исследования торговых путей в Китай, опубликовали

«Исторический очерк сношения русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-Дзин» (Изв. Сибир. отд. Рус. Геогр. о-ва. 1870. № 4—5 и 1871. № 1—2).

Хотя экспедиция состоялась на девять лет ранее рождения Виталия, рассказы и очерк о ней могли затронуть его воображение, позднее вспоминаться ему при собственных поездках по Монголии.

В 80-х годах дела на бутинском заводе пошли плохо, они не выдерживали конкуренции с уральскими заводами и, чтобы поправить их, Бутины выписали с Урала нового управляющего заводом Н. Глотова. Его сыновья Костя и Коля, особенно последний, стали близкими друзьями Виталия до конца его жизни. Их сближала страсть к охоте, которой Виталий стал увлекаться очень рано (возможно, отец друзей снабдил ружьями всех трех мальчиков). Неизвестно, в каком году Ч. Дорогостайский переселился в Тулун, расположенный в живописной долине р. Ии, но, судя по воспоминаниям Виталия, раннее его детство прошло там. Отец сам учил мальчика, по своей методике воспитывал: давал много свободы, не стеснял инициативы, но в случаях нарушения немногих запретов наказывал (лупил) нещадно.

Когда Виталию было 10 лет, примерно в 1890 г. отец скончался, а мать, Мария Ильинична, переселилась в родной Иркутск, отдала сына в гимназию и завела «дело» — небольшой магазин на главной улице города, где торговала книгами и календарями, а в особенности открытками и тетрадями. На доходы и жила с сыном. Мне рассказывала моя учительница С. С. Рубина, что она и ее подружки покупали в детстве тетрадки только в магазине Дорогостайской, ибо там они были отличного качества и с ленточкой-закладкой, прикрепленной картинкой. Оказывала ли мать в детстве влияние на Виталия — неизвестно. Сам он рассказывал только о своей тетке по матери Анне, о которой речь ниже. Мария Ильинична любила наряды, театр, сама участвовала в любительских спектаклях. Таких ее увлечений сын не разделял, театра не любил, а всякий свободный час проводил на природе, о чем писал он сам: «В гимназии в то время естественные науки не преподавали, во мне же уже тогда загорался огонек будущего натуралиста-исследователя. Много часов мне пришлось просидеть „без обеда“ за преступные по тогдашнему понятию занятия — коллектирование жуков и бабочек,

собрание растений, ловлю птиц и зверушек, загородные экскурсии и охоту. К счастью, все это не убило во мне натуралиста. Справедливость обязывает меня сказать, что среди преподавателей-чиновников были и живые люди. Одним из таких был Яков Павлович Преин, преподаватель географии и физики, ботаник по специальности. Ему я обязан весьма многим, как и другие мои товарищи, такие же любители природы, как и я».¹

С троюродным дядей своим Иваном-Непомуценом Виталий так никогда и не встретился, хотя тот не мог миновать Иркутска по меньшей мере дважды. В конце 90-х годов его мать Бригида с большими трудами выхлопотала сыну освобождение от поселения в Сибири, на которое тогда был обречен почти каждый амнистированный политкаторжанин. В течение нескольких лет, поэтапно, Непомуцен вернулся в Каменецк-Подольск. Он ушел воевать 18-ти лет, Чеслав — 20-ти. Не знаю, хлопотали ли об освобождении Чеслава, может быть, он сам к тому не стремился. Был он гордым и вряд ли мог стерпеть те унижения, которым подвергся Непомуцен в письмах матери, утверждавшей, что он был вовлечен в восстание «по глупости», «по младости лет» и т. п. Похоже, что это было совсем не так, оба юноши знали, на что они шли.

В записках жены В. Ч. Дорогостайского, обнаруженных после ее смерти, имеется такая фраза: «Дальний родственник А. А. Сибиряков имел стеклянную фабрику на Байкале в Больших Котах, и это место с детства стало любимым для мальчика». Она немного ошиблась: дальним родственником Виталия — мужем его тетки Александры Ильиничны был некто А. Серебряков, главный бухгалтер стекольной фабрики в с. Тулун. Очевидно, он часто навещал по делам службы и дружбы хозяина стекольной фабрики в Больших Котах А. А. Сибирякова и его часто сопровождал юный племянник. Так с раннего детства еще познакомился Виталий с Байкалом, с падью Большие Коты, где в будущем проходила его активная организаторская деятельность.

Фотооткрытки с видами Иркутска и Байкала с примечанием внизу «По заказу М. И. Дорогостайской» встречаются в Иркутске и теперь. Вот как пишут о них иркутяне: «. . .Имея в своем распоряжении прекрасные снимки Иркутска и Сибири, Мария Ильинична заказала москов-

¹ Архив ИГУ. Личное дело проф. В. Ч. Дорогостайского, л. 162.

ской типографии Шерера и Набгольца первые открытки. Пробная партия была мгновенно распродана в Иркутске в 1902 г. Это были первые открытки нашего города, которые получили иркутяне. Правда, есть данные, что первыми выпустили виды Иркутска Макушин и Посохин, но у Дорогостайской налицо точная дата — 1902 г., и оспаривать ее пока трудно. В магазине Дорогостайской бывало много покупателей, да и просто любопытных, ибо Мария Ильинична часто устраивала выставки видов европейских и российских городов, а также Иркутска. Издания Дорогостайской отличали высокая культура и техника исполнения, номерные серии, отличная печать, с большим вкусом подобранные образцы. Первые же виды нашего города стали предметом большого внимания иркутян, их собирали, коллекционировали, ими обменивались, их дарили. И неудивительно, что выпуски Дорогостайской встречаются и ныне, и, как правило, в хорошем состоянии и нередко в комплекте».²

В 80-х годах прошлого века фирма братьев Бутиных потерпела крах. К 1 января 1891 г. дефицит составил два с половиной миллиона рублей и большая часть дел была ликвидирована. Во главе группы иркутских кредиторов и по сумме претензий, и по личному влиянию стоял некто И. С. Хаминов, он предъявил фирме иск на 147 тысяч рублей. Это был богатый человек и ловкий делец, но вскоре он скончался и весь капитал перешел к сыну С. И. Хаминову, который умел лишь тратить деньги и ко времени своей смерти (вскоре после отца) значительную часть капиталов «пустил по ветру». Оставшееся наследовала его жена, Анна Ильинична Хаминова, в девичестве Черных, любимая тетка Виталия Дорогостайского. Это была женщина сильная, умная, предприимчивая и довольно культурная. Она вскоре купила дом в Москве и переехала туда с тремя детьми. Это событие оказало некое влияние на судьбу ее племянника.

Непросто было попасть в классическую гимназию, имея лишь бессистемное домашнее образование, и 1890 год ушел у Виталия на подготовку к поступлению. В 1-й иркутской гимназии он учился с 1891 по май 1896 г., когда Анна Ильинична увезла с собой племянника и отдала его в одну из московских гимназий и одновре-

² Козлов И., Токарев М. Издатели старинных открыток // Сибирь. 1987. № 3. С. 116—120.

В. Дорогостайский в год поступления в университет. 1898 г.

менно в Строгановское художественное училище. Властная меценатка признавала для своих детей и племянника только «художественную» карьеру. Девочки учились в балетной студии «босоножек» Ирмы и Айседоры Дункан, и одна из них стала балериной, а другая дочь и сын — актерами. Виталий не поддался влиянию тетки, несмотря на свои художественные способности и влияние художника-сибиряка В. И. Сурикова, завсегда гостиней Хаминовой. Он сбежал от тетки и с 1897 г. вновь ученик иркутской гимназии, мечтает только об изучении природы, Байкала. . .

Гимназию Виталий окончил с посредственными оценками, проявив «особую любознательность» (согласно аттестату) только к физике. Решение стать биологом бесповоротно, чему способствовало и влияние Я. П. Прейна. Изучая растительность Иркутской губернии, Прейн часто устраивал гимназистам экскурсии в природу, учил собирать гербарий, насекомых, наблюдать за животными. Охота, которой Виталий занимался очень много, сделала его хорошим таксидермистом. По совету того же Прейна особо удачные коллекции и чучела ученики несли в музей ВСОРГО. Таким образом, Виталий стал в ВСОРГО в какой-то мере «своим человеком» и завязал знакомство даже с крупными учеными, например с А. В. Вознесенским, В. Б. Шостаковичем, Г. Н. Потаниным и др. В Государственном архиве Иркутской обл. (ГАИО) имеется документ, озаглавленный «Чучелы птиц. Перечень коллекций Иркутского музея, 1898 год»,³ в нем перечислены чучела по полкам с указанием латинского названия и места сбора, все одним почерком, по-видимому В. Дорогостайского. Точно известно, что он составлял описи коллекции птиц этого музея и позднее; возможно, что к 1898 г. относился первый его опыт такого рода.

Еще один факт: летом 1897 г. на Байкале близ с. Голоустного недалеко от с. Большие Коты группой ученых, главным образом Вознесенским и Шостаковичем, была организована частная метеоролого-зоологическая станция, на которой около двух лет работал студент-зоолог В. Гаряев, исключенный из Московского университета по политическим мотивам. Думаю, что Виталий бывал на этой станции и не раз. Гаряев был как бы предшественником В. Ч. Дорогостайского — оба ссыльные, оба занимались сборами бокоплавов и оба пытались создать на Байкале первую постоянную научную станцию, но Гаряев — частную, Дорогостайский же — государственную. Может быть, неудачная попытка Гаряева — Вознесенского послужила в дальнейшем уроком Дорогостайскому.

В 1898 г., окончив гимназию, Виталий поступил в Московский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. В первые годы он работал в лабораториях у орнитолога М. А. Мензбира и у ботаников К. А. Тимирязева и И. Н. Горожанкина.

³ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 166.

На каникулы ездил в Иркутск, на Байкал. В лаборатории Горожанкина он обучился методике сбора микроскопических водорослей и в 1902 г. собирался ехать на Байкал и братья за самостоятельные капитальные сборы, как вдруг. . . над университетом «проносится гроза».

Московское студенчество бунтовало уже давно, с тех пор как в 1884 г. была отменена автономия университетов. В 1902 г. под влиянием общей обстановки в стране бурные «студенческие волнения» и более сдержанные протесты профессоров и преподавателей (в которых одними из передовых были М. А. Мензбир и молодой тогда учитель и друг Дорогостайского П. П. Сушкин) приняли уже не столько академический, сколько политический характер. В результате сотни студентов были исключены из университета, в их числе Дорогостайский. Насколько мне известно, в тот день он только лишь шел в толпе студентов, выкрикивая какие-то лозунги. Этого было достаточно для ареста.

Виталий Дорогостайский был выслан сначала в Архангельск, где просидел в тюрьме Соломбальской крепости пять месяцев, а затем «по месту жительства», т. е. в Иркутск. Ученый учится работая, учится всю жизнь, однако в его карьере имеются этапы: окончил вуз — поступил на работу — написал статью и т. п. У Дорогостайского порядок этапов нарушен. Университета еще не окончил, но научная работа уже «на мази». Как все удачно сложилось, однако «щуку бросили в реку», т. е. Дорогостайского за казенный счет отправили к месту работы, о котором он только и мечтал. Конечно, тяжела разлука с любимыми Учителями — Горожанкиным, Мензбиром, Сушкиным, Кожевниковым и другими, нелегко проститься и с товарищами, особенно с Костей Мейером. Запомнились прощальные слова Мензбира: «наука — прежде всего», они отныне — девиз Дорогостайского.

Первый печатный труд. Окончание университета

В. Ч. Дорогостайский покинул Москву в феврале 1902 г. Настроение удрученное: пять месяцев тюрьмы, впереди — неизвестность. И вдруг ссылка в Иркутск, почти на Байкал, и свобода, свобода научной деятельности. Вероятно, он старался убедить себя, что едет в научную командировку, и спешил. О, как он спешил, надеясь захватить еще для работы остаток лета! Успел, о чем засвидетельствовал в статье. Очевидно, до Иркутска уже ехал поездом, но до Байкала поезда еще не ходили. В ВСОРГО в это время года пусто, приходится самому и без субсидий отправляться в свою первую «экспедицию». Но Байкал, условия жизни и передвижения там — все знакомо. В первый год проведено альгологическое обследование речек Большие и Малые Коты, Черной, Крестовки, впадающих в Байкал, и соответственного им участка озера. А осенью — охота. В отчете музея ВСОРГО за 1902 г. записано: «...Поступило от Дорогостайского В. Ч. — 31 предмет... Гловых К. Н. и Н. Н. — 27 предметов». Славно друзья потрудились!

На следующее лето была уже настоящая экспедиция, только в составе одного человека. Согласно заявлению в ВСОРГО от 1 апреля 1903 г., отдел выдал ему открытый лист, обеспечил бесплатный проезд на пароходах, фиксационные жидкости, посуду и проч. За лето он успел объездить южную половину Байкала, может быть, на следующий год намечал северную, но в сентябре пришло письмо от Мензбира о том, что он вместе с другими профессорами добились возможности возвращения Виталия в университет, что нужно подавать заявление. 11 сентября оно было послано, а 23-го он был в Москве.

Потянулась студенческая рутина, к тому же еще зачеты по тем предметам, которые не сдал своевременно.

Но все нетрудно преодолеть, если тут же увлекательное определение байкальских водорослей, написание рукописи. . . Все было закончено в один год, но, увы, любимый профессор Горожанкин заболел, передал ученика М. И. Голенкину, а вскоре скончался. Это было горе.

В 1904 г. совершилось важное событие в истории исследования Байкала: вышла в свет работа В. Ч. Дорогостайского — первая монография о байкальской альгофлоре, содержащая список 350 видов и разновидностей (Drogostaiski, 1904). Опубликовало ее Московское общество испытателей природы (МОИП), на французском языке. Автор позаботился, чтобы она была опубликована и на русском (Дорогостайский, 1906). Он спешил, во-первых, надеясь, что труд этот послужит ему дипломной работой при окончании университета, как оно и вышло. Во-вторых, вероятно, он немного боялся конкуренции со стороны первой со времен Б. И. Дыбовского крупной биологической экспедиции А. А. Коротнева (Киевский университет) на Байкал. Беспокоился напрасно, ботанические сборы той экспедиции были невелики.

Дорогостайский привел в работе 27 литературных источников, но лишь два из них касались непосредственно Байкала. Это были маленькие статейки поляка Р. Гутвинского, не бывавшего на Байкале, но использовавшего в 1890—1891 гг. сборы Б. И. Дыбовского, сделанные в 60-х годах. Число видов водорослей в них весьма невелико, а содержание одной из них по существу неверно, что и было указано Дорогостайским. Дело в том, что Дыбовский со свойственной ему добросовестностью и скрупулезностью в науке тщательно указывал, на какой глубине сделан каждый сбор. Гутвинский решил воспользоваться этим и написать статью о вертикальном распространении водорослей в Байкале. Однако он не учел того, что имеет дело с фиксированным материалом, в котором живые водоросли не отличаются по внешнему виду от мертвых (особенно диатомовые — 87.5 % видов водорослей, встречающихся в Байкале, по Дорогостайскому). Судить о том, жила ли данная водоросль в том или ином слое воды или же попала туда, падая на дно, по материалам Дыбовского было невозможно, и выводы Гутвинского неправильны по существу.

Дорогостайский выделил в монографии 14 «сомнительных» видов, но лишь два из них описал как новые для науки. Такая, может быть, излишняя осторожность начи-

В. Ч. Дорогостайский в год окончания университета.

нающего исследователя помешала ему подчеркнуть оригинальность, большую степень эндемизма альгофлоры Байкала. Это на многие годы создало в научном мире представление, будто бы альгофлора Байкала малооригинальна (в отличие от его фауны); такое мнение можно встретить в работах многих ученых. Только К. И. Мейер, друг Дорогостайского, окончательно его опроверг.¹

Работа Дорогостайского была встречена ученым миром с большим интересом и одобрением, как первая ботаническая монография о Байкале. Руководитель Виталия М. И. Голенкин предложил ему остаться при кафедре ботаники для подготовки к профессуре. Аналогичное предложение сделал ему и М. А. Мензбир, с которым у В. Ч. завязалась прочная творческая дружба и чье имя он всю жизнь произносил с любовью. Но Дорогостайскому не удалось воспользоваться ни тем, ни другим предложением — слишком крутой поворот сделала личная жизнь. Осенью 1904 г. он у своих друзей Мендельсонов познакомился со слушательницей исторического отделения Высших женских курсов Марией Юдиной, влюбился, собирался жениться. Богатый тульский купец Иван Федорович Юдин воспротивился было браку любимой дочери с бедным заезжим студентом. Но Виталий поехал в имение Юдиных и своим умом и веселым, общительным нравом очаровал все многочисленное семейство. Согласие было дано.

Не против брака была и мать Виталия. Она к этому времени потерпела значительные убытки: шла русско-японская война, военные перевозки сильно задерживали, а то и совсем исключали гражданские. Она поступила опрометчиво: заказала в Москве партию дорогих календарей на 1904 г. Календари попали в Иркутск слишком поздно — их уже не покупали. Был и более ценный груз, какие-то книги, тот вовсе пропал, и бедную Марию Ильичну ждало полное разорение. Могла помочь удачная женитьба сына.

Юдин давал за дочью приданое — 25 тысяч рублей! Оно обещало безбедное существование, жизнь в Москве, профессуру. . . Молодости и влюбленности свойственно строить воздушные замки, но жизнь сурова. Почему-то Виталий не закончил 5-го курса, отложил на год. Спешил

¹ Мейер К. И. Введение во флору водорослей озера Байкал // Бюл. МОИП. Отд. биол. Нов. сер. 1930. Т. 39, вып. 3—4. С. 179—396.

со свадьбой, обвенчались 27 апреля 1905 г. и сразу же выехали в Иркутск к весенним токам глухарей; их Виталий не мог пропустить, они ему важнее, чем традиционное заграничное турне с молодой женой. Жена на все согласна, лишь бы не разлучаться.

Мария Ильинична осталась в Москве «улаживать дела». Молодые приехали в Иркутск почти без денег, никакой квартиры, родственники встречают неприязненно — бедняки (Мария Ильинична разорена). С трудом нашли пристанище, затем отправились на Байкал собирать материал по рачкам-гаммаридам, которых Виталий избрал для новой научной работы. Вернувшись в конце июня в Иркутск, узнали, что 26 июня 1905 г. в Монголии произошло сильное землетрясение. 10 июля было второе, еще более сильное.

Экспедиции: Монголия, Кавказ, Африка, Дальний Восток

Монгольскими землетрясениями более всех в ВСОРГО заинтересовался Аркадий Викторович Вознесенский, заведующий Иркутской метеорологической обсерваторией, организовавший в Иркутске в 1901 г. первую в Сибири сейсмическую станцию. Он заторопился с исследованием эпицентральной области землетрясений, писал в Центральную сейсмическую комиссию, прося субсидии. В субсидии было отказано, и он решил ехать на собственные средства. В спутники пригласил студента В. Ч. Дорогостайского, предположив, что это как раз тот человек, на которого можно положиться в условиях наспех и со скудными средствами организованной трудной экспедиции. И не ошибся!

Выехать смогли лишь 23 августа. Несмотря на сетования молодой жены, остающейся одной в чужом городе, Дорогостайский был непреклонен. В Тунке купили лошадей и оформили четырехвьючный караван, пригласив двух тункинских бурят. Начали работу — маршрутную съемку, барометрические и астрономические наблюдения — уже в долине верхнего Иркута. С переходом через границу Монголии тележная дорога разделилась на множество едва видных верховых троп, мостов не было.

Дорогостайский кроме помощи Вознесенскому имел в экспедиции свои цели. Он любил Байкал, но водоросли его особенно не увлекли; он был по натуре зоолог и в Байкале решил в дальнейшем изучать самую обильную видами группу животных — гаммарид. Однако на Байкале зоологи лишь коллекционировали и систематизировали фауну без особого осмысления условий ее существования. Последним только-только начал заниматься Дыбовский. Совсем иное в Монголии. Здесь молодой ученый живо

почувствовал себя звеном целой цепи орнитологов-зоогеографов: Н. А. Северцова — М. А. Мензбира — П. П. Сушкина, своих учителей. Каждая добытая птица что-то говорила ему из области зоогеографии и экологии животных. Он, увлеченно занимаясь коллекционированием, тщательно записывал в дневник и наблюдения по экологии. В своем первом (и предпоследнем) письме к жене из Монголии он писал: «...Около самой юрты ходили дикие гуси и не боялись людей, до того не пугана птица в Монголии, но хозяйка просила их не стрелять, считая это грехом <...> Птиц в Монголии много, бью и чучело помаленьку. На перевале встретили „красный снег“, красный от живущей на снегу водоросли хламидококка. Планктон идет плохо, все вымерзло <...> Думаю, что это письмо будет последним до моего возвращения, т. к. случая, подобного этому, наверное, не представится...».¹ На топографическую съемку путники не жалели времени в течение всей экспедиции, как и на различные наблюдения и записи этнографического характера. Однажды Виталий записал в дневнике на всякий случай, для следующего письма к жене: «А знаешь, Маруся, монгольская юрта очень хорошая вещь, и чем строить дачу на Байкале, лучше завести юрту, особенно если в ней поставить железную печку <...> В часы досуга собираю монгольские орнаменты, конечно, срисовывая их, иногда даже в красках».¹

В долину р. Тес (Тес-Хем) перевалили по никем еще из русских не пройденному маршруту, в верховьях р. Агыр встретились с первыми трещинами землетрясения. Повалил снег, и при нелегком спуске пешком в сильном снегу было открыто ущелье и в нем верховья впервые появившейся на географической карте р. Гогыс-Хыл. Проследили ее до впадения в Тес (50 км) (Вознесенский, 1962, с. 24). В снежном буране прошли вблизи главной трещины первого землетрясения. Дорогостайский обнаружил ее уже на обратном пути в одиночном маршруте.

Вскоре достигли Вангай-хурэ, монгольского монастырского городка, подвергшегося наибольшему разрушению от землетрясения 26 июня. Из него Виталию удалось отправить последнее письмо к жене, в котором 15 сентября он писал «...Я совсем омонголился, купил меховые

¹ Иркутский государственный объединенный музей (ИГОМ). Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

сапоги, монгольскую трубку (ганзу), табакерку <...> (делаю вид, что нюхаю табак) <...> в Монголии уже зима, все озера покрылись льдом и планктон мне приходится добывать из-под льда; птиц я немного настрелял, купил шкурки сурков-тарбаганов».²

Однако от монголов и китайцев почти ничего нельзя было узнать о землетрясении. Иначе, очень гостеприимно, с готовностью ко всякому содействию встретили их русские на заимке купца Д. С. Котельникова, которую они и сделали базой экспедиции. Оказалось, что главная трещина второго землетрясения (10 июля) была длины невероятной — 320 верст, по Вознесенскому; такой еще никто не описывал. Вознесенский решил разделить экспедицию на два отряда: на себя взял обследование главной трещины, а Дорогостайскому поручил обследовать трещины и вообще район первого землетрясения, находящийся севернее. «И ту и другую работу, — писал А. В. Вознесенский (1962, с. 30), — нам удалось, хотя и ценою очень больших напряжений, вполне закончить». Вознесенский нашел следы землетрясения большой разрушительной силы — все жилые помещения одного из поселков, Агван-Дзасыка, числом около 50, были превращены в сплошную грудку мусора. Толчков было много, и много осталось трещин самого разного размера.

Вознесенский вернулся в Иркутск 11 ноября, Дорогостайский значительно ранее, ведь он спешил в университет. На одной из заимок он оставил длинное письмо-отчет на имя Вознесенского. В нем он писал, что не жалеет о времени, проведенном в Монголии; если оно «мало дало по части зоологии и ботаники, то зато послужило хорошей школой для будущего». В целом обоими путешественниками было покрыто маршрутной съемкой свыше 3000 верст. Отчет об экспедиции Вознесенский доложил на заседании сейсмической комиссии в Петербурге 8 декабря 1906 г., но не опубликовал, считая одну экспедицию недостаточной. Однако по съемкам Вознесенского и Дорогостайского в 1905 г. были опубликованы Географическим обществом три карты. В 1963 г. в книге «Гоби-Алтайское землетрясение» об этой экспедиции писали: «Из эпикентральных областей была изучена, и то бегло, лишь единственная Танну-Ольская, где 9 и 23 июля произошло два катастрофических одиннадцатибалльных землетрясе-

² Там же.

ния. Русский энтузиаст — сейсмолог А. В. Вознесенский, по существу без всякой помощи, на личные средства, пользуясь примитивным транспортом, осенью того же года совершил путешествие в Сев. Монголию и первым из ученых наблюдал в Центральной Азии на протяжении трехсот километров современный разрыв земной коры. К сожалению, самоотверженный труд А. В. Вознесенского не был доведен до конца; ученому удалось опубликовать лишь краткие сообщения». ³ Карты и рукопись Вознесенского и личные письменные консультации у Дорогостайского были еще ранее широко использованы в книге Г. Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (1914—1930). Все экспедиционные сборы Дорогостайский передал в Московский университет.

Теперь В. Ч. Дорогостайский мечтал только об экспедициях по Монголии. Не знаю, рассчитывал ли он позаимствовать средства на свои экспедиции из богатого приданого жены, может быть, и рассчитывал. Старался как следует закончить пятый курс. Удастся ли организовать экспедицию после экзаменов, не будет ли поздно? Родился сын. Это осложнение. Но экзамены сданы блестяще, Виталий окончил в 1906 г. университет с дипломом первой степени. И тут... опять «гроза», теперь семейного порядка. Оказалось, что Мария Ильинична получила в банке по доверенности почти все приданое его жены, и чтобы «возродить из пепла» свой почти прекративший существование магазин, закупила огромную партию товара. Но товар этот каким-то образом опять пропал (то ли ее надули, то ли снова трудности перевозок, о том семейные предания говорят по-разному). Узнав об этом, разгневанный тесть, И. Ф. Юдин заявил, что не даст теперь приданого ни за одной из семи остальных дочерей, а сестры не пожелали даже видеть бедную Марию Ивановну. Она мне рассказывала, что, услышав эту новость, В. Ч. почти лишился сознания. Кроме материальных соображений была ущемлена его гордость, его польская честь — нельзя было теперь и показаться в семью Юдиных. Они с женой стали изгоями. Средств к существованию у создавшейся семьи не было. Прощай «подготовка к профессорскому званию» (по-теперешнему — аспирантура), ведь стипендий тогда не существовало, а найти в Москве работу с жалованием,

³ Гоби-Алтайское землетрясение / Ред. Н. А. Флоренсов, В. П. Солоненко. М., 1963.

В. Ч. Дорогостайский с женой.

достаточным для содержания семьи из четырех человек, было невозможно. Кроме того, велика притягательная сила родины, Сибири, Байкала... Было решено ехать в Иркутск. А пока друзья-однокурсники К. И. Мейер, Л. И. Курсанов, Л. М. Кречетович и другие пригласили поехать с ними по озерам Финляндии, каждый со своими научными целями. В. Ч. согласился, любя друзей, но никакого научного «задела» у него там не было, потому он страшно скучал. Прогулок не любил. Мысленно был уже в ВСОРГО.

Перед отъездом в Иркутск В. Ч. подал подробное, тщательно обоснованное письмо в Географическое общество в Петербурге. Это заявление было рассмотрено на заседании совета общества 18 декабря 1906 г., и совет постановил ассигновать Дорогостайскому «на поездку в Монголию с общегеографическими целями 1000 р.».

В. Ч. Дорогостайский был назначен сначала препода-

вателем естественных наук (тогда уже появилась такая должность) 1-й Иркутской женской И. С. Хаминова гимназии, а вскоре также и 1-й Иркутской мужской гимназии, той, где когда-то учился. Его жена преподавала историю в женской гимназии, жизнь устраивалась. Поселились во флигеле дачи Сукачевых на горе, куда его пригласил дядя его знакомого В. Н. Сукачева (будущего академика). 6 мая в «Иркутских губернских ведомостях» появилось сообщение о командировке Географическим обществом преподавателя Дорогостайского в Монголию для исследования флоры и фауны; ранее сообщалось, что он избран кандидатом в старшины правления Союза охотников.

Когда власти узнали о предполагающейся экспедиции Дорогостайского, они прикомандировали к нему капитана Генерального штаба Виктора Степановича Михеева. Еще он взял с собой препаратора В. Е. Попова и четырех казаков из пограничной с Монголией области, знающих монгольский язык. Капитан Михеев имел задание — выяснить положение русских купцов, проживающих в Монголии и особенно в Урянхайском крае (Туве), так как с нашествием туда китайского купечества торговля и положение русского населения заметно ухудшились. Это были слухи, нужно было их проверить, а затем установить в этих областях с кочевым населением твердую административную власть. Таким образом, экспедиция Дорогостайского оказалась «политико-зоологической» и, конечно, общегеографической и топографической, как почти все экспедиции по Монголии того времени. 16 мая Дорогостайский выехал из Иркутска, а 20 мая караван, состоящий из 7 верховых и 10 вьючных лошадей, стартовал из Тунки. Седла были местного типа, очень легкие, с потниками из войлока, разрезанными посередине. Вьючные сумы — из брезента и деревянные, для перевозки зоологических коллекций.

В. Ч. ликовал: первая самостоятельная экспедиция! Сколько раз еще удастся выезжать вот так в Монголию? Не посвятить ли ей всю свою жизнь, подобно другим русским путешественникам, чьи имена вызывают трепет уважения и восхищения? Так он думал, а писал в дневнике следующее (1908, с. 234): «...Весна была в полном разгаре, всюду пестрели первые весенние цветы, летали бабочки и другие насекомые, пели птицы (<...> На Тункинских гольцах белели пятна снега и с окрестных гор

с шумом неслись вешние воды. Весь путь до границы мы совершили в три дня и утром 23 мая вступили в Монголию. Монголия встретила нас неприветливо, как и в первое мое путешествие, т. е. ветром и дождем пополам со снегом. Направо от нашего пути изредка показывался из-за быстро мчавшихся туч величественный Мунку-Сардык, почти весь покрытый снегом, вдали виднелась необозримая ширь Косоогола». В. Ч. хочется скорее доехать до хребта Танну-Ола, являющегося природной границей между Сибирью и Монголией: северные склоны его покрыты тайгой, южные — степной растительностью. Вероятно, Михеев смотрел на хребет иначе, вспоминая слова прошедшего этим путем в 1905 г. капитана В. Попова, который считал, что хребет Танну-Ола следует признать за русскую границу, а обширную и богатейшую область верховий Енисея считать русской землей.⁴

Озеро Косогол (Хубсугул), еще скованное льдом, но изобилующее перелётной дичью, огибали отдельно: Михеев по восточной, Дорогостайский — по западной стороне. Оба производили топографическую съемку, описывали растительность, записывали фенологические данные, что заняло примерно неделю. 29 мая встретились на р. Эгин-гол (Эгийн-Гол). Леса кончились, началась холмистая лесостепная Монголия. У р. Тельгир-Морин характер флоры и фауны резко изменился: появились монгольская береза, тополь, карагана, затем следовало горное плато с множеством пресных и соленых озер. Ящики наполнились коллекциями, дневники — записями.

8 июня подошли к истокам р. Тес. С историей исследования истоков одной из самых значительных рек северо-западной Монголии связано странное недоразумение. Г. Е. Грум-Гржимайло, отмечая, что Вознесенский, Дорогостайский и Михеев были одними из первых путешественников, описавших эту местность, в 1914 г.⁵ заметил, что их описания истоков Теса явно противоречат друг другу, и доказывает это противоречие цитатами. Но противоречие кажущееся. Путешественники ехали вместе. Миновав какое-то озерко, они поехали вдоль сухого русла какой-то речки, а когда речка перестала быть сухой,

⁴ Попов Виктор. Через Саяны в Монголию. Омск, 1905. Ч. 1. С. 1—175.

⁵ Грум-Гржимайло. Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. СПб., 1914—1930. Т. I—III.

Михеев описал ее, вскоре она стала увеличиваться и выяснилось, что эта речка и есть Тес. Дорогостайский же назвал истоком Теса то озеро, от которого отходило русло, к тому времени пересохшее. Он писал (1908, с. 239): «...Эти озера, как мне кажется, и служат главными источниками, питающими р. Тес в верхнем течении. Само русло р. Тес сухое; лишь кое-где в глубоких ямах встречается вода, течение же заметно лишь в 20 верстах от истока и то очень слабое».

Путь шел степью. Заехали на сверхсоленое озеро Буст-Нур и сделали ценные наблюдения. От озера пошли к Тесу через перевал, лишенный растительности, спустились к реке и доехали до буддийского монастыря Вангайхурэ, главного религиозного и административного центра северо-западной Монголии. Повелитель ее Да-ван, получивший власть от китайского правительства, принял их приветливо; он был охоч до фотографирования, и путникам пришлось потратить плёнку на монголов. Монголы же устроили для них охоту на антилоп-дзеренов, которая была удачной, и к тому же попалась под выстрел редкая птица — розовый скворец.

Через густые заросли караганы, под дождем и снегом, с трудом поднялись на хребет Танну-Ола. На вершине — арктоальпийская флора и фауна, со страшной силой дует северный ветер. Пошел снег, и все побелело, как зимой. На хребте произошла взволновавшая Дорогостайского встреча с горным дупелем на местах токования и гнездовий, о которой он давно мечтал. Она была позднее описана им в очень поэтической форме (1912, с. 3—4). Спуск по северному склону был очень труден, лошади устали и пришлось сделать остановку на оз. Тери-нур (Тере-Холь).

29 июня подошли к истоку Ха-кхема (Ка-Хема), одной из двух рек, дающих начало Енисею. Тут Дорогостайский записал свое соображение: хребет Танну-Ола является одной из самых крупных орографических единиц северо-западной Монголии, более важной, чем Саяны. Он служит естественным продолжением горного кряжа, тянущегося по западному берегу Косогола и через горный узел Мунку-Сардык продолжается на северо-восток, переходя в Тункинские гольцы. Долина Ха-кхема была узким ущельем, заросшим густым еловым лесом с сосной. Надо было пустить в ход топоры и прорубаться сквозь тайгу. Через две версты путь преградила отвесная скала.

Пришлось вернуться, обойти скалу. Этот маневр повторялся затем многократно. Обходы были очень тяжелы для людей и для лошадей; еловый лес сменился могучим кедрово-лиственничным. Идти гребнем хребта вдоль Ха-кхема было не легче. Две лошади упали с кручи, и погиб весь запас сухарей. Консервы на исходе. Все время льет дождь. Одна лошадь пала. С обеих сторон Ха-кхема — сплошные каменные стены, лишь у воды небольшая полоска земли. Отход от реки оказался невозможным. Дичи не стало. Отощали, выбились из сил. Надежда на благополучный исход все таяла. Вдруг на противоположном берегу мелькнули и исчезли люди.

24 июля весь день строили плот. Переправились, лошадей перегнали вплавь. На следующий день добрались до аула урянхайцев, блуждание по Ха-кхему кончилось. Через три дня были на русской заимке. Впоследствии Дорогостайский описал весь этот почти месячный переход довольно эпически, но Михеев — драматически, говоря, например, что переправа их была совершенно отчаянной, что люди и лошади не раз были на волосок от гибели.

Теперь путники находились в Урянхайском крае. Дорогостайский живо заинтересовался урянхайцами, их трудным бытом (суровая зима в шалашах, покрытых березовой корой). Хотелось как-нибудь помочь им. Если монголы, их быт, культура вызывали любопытство, то урянхайцы — совсем иные эмоции. Он продолжал ратовать за них на лекциях, писать в газетах (1926, с. 6) еще в 20-х годах.

На заимке караван разделился. Дорогостайский, педагог, спешил в Иркутск и потому поплыл на плоту вниз по Енисею до Минусинска и затем в Иркутск, а караван во главе с Михеевым отправился вверх по другому истоку Енисея, Бей-кхему (Бий-Хему), перевалив перед тем через Саянский хребет. Итог экспедиции в сжатой форме, но достаточно полно изложен у Дорогостайского: «Экспедицией снято на карту 2900 верст пути, считая оба маршрута, мой и В. С. Михеева по Бей-кхему, определены анаэроидами и гипсометрами высоты в 63 пунктах, произведены метеорологические наблюдения за все лето, собрана коллекция по фауне позвоночных с-з. Монголии и Урянхайской земли (15 видов млекопитающих, 147 видов птиц, 6 видов пресмыкающихся и земноводных и 10 видов рыб), коллекция бабочек и других насекомых (около 1000 экземпляров), составлена карта распределения древесной

растительности в Монголии, собран гербарий (600 экземпляров). Во все время путешествия велся подробный дневник, заключающий в себе описание пути, наблюдения и заметки разного характера. Кроме того, моим спутником В. С. Михеевым собраны сведения о состоянии торговли в с-з. Монголии и Урянхайской земле и вообще о положении русских в Монголии» (1908, с. 246).

Итак, экспедиция 1907 г. оказалась трудной, но интересной и плодотворной общегеографической экспедицией. В 1907 г. Дорогостайский был избран в действительные члены ВСОРГО и, как всегда, вел в музее отдела большую работу: на этот раз привел в порядок коллекцию птиц (как в 1904 г. рыб), обработав птиц отряда хищных. На объединенном заседании отделений физической и математической географии Географического общества Ю. М. Шокальский весьма подробно доложил об экспедиции Дорогостайского и сообщил, что В. Ч. просит командировать его в Монголию следующим летом. Ввиду того что в обществе ассигнования на экспедиции (6000 р.) и так уже не обеспечивали заявки (12 000 р.), постановили просьбу отклонить. В ВСОРГО дела были еще хуже: если в 1901 г. на научные поездки было затрачено 1097 р., то в 1902 г. — 600, в 1903 — 700, в 1906 — 50 р., а на 1 января 1907 г. долги ВСОРГО достигли 4635 р., и распорядительному комитету не приходилось ни думать об организации каких-либо научных работ, ни заботиться о расширении отдела.

И все же деньги нашлись! Но сколько? Имеется подробнейшее заявление Дорогостайского 1908 г. с описанием маршрута и с упором на материальную сторону. Не только он согласен ехать за свой счет, но даже его лаборант согласен «нести небольшую часть расходов — 25—30 р.». У отдела Дорогостайский просит 165—200 р. и обещает в дар все собранные коллекции. Такую сумму нашли. Но... прощайте мечты о дальних странствиях, о фауне соленых озер пустыни Гоби... Даже на наем лошадей не хватает. Что делать? Ясно: своими руками построить в Тунке лодку, переправить ее на Косогол и плыть вдоль его берегов, выходя время от времени на берег и отходя в сторону. Однако ВСОРГО предложил ему заняться изучением самого озера, несмотря на то, что оно уже существенно обследовано С. П. Перетолчиным, опубликовавшим в 1903 г. «Физико-географический очерк озера Косогол». В. Ч. не отказался. Вероятно, Косогол интересовал его как

объект для будущих сравнений с Байкалом, которого ведь не миновать, живя в Иркутске. ВСОРГО отпустил 150 р.

Экспедиция состояла из двух человек — В. Ч. Дорогостайского и его помощника С. Я. Сизых. Они приобрели или построили в Тунке две одноместные лодочки, на них путешествовали, гребя веслами без упора, иногда ставя парус. Сначала — вдоль восточного берега Косокола. Метеонаблюдения вели регулярно, три раза в день с 17 июня по 23 июля, регулярно же измеряли температуру, цвет, прозрачность воды в озере — эти данные сохранились в архиве А. В. Вознесенского.⁶

Когда достигли р. Эгин-гол, вытекающей из Косокола и впадающей в Селенгу, у В. Ч., вероятно, было искушение проплыть по ней и Селенге до Байкала, но он остался верен распоряжению ВСОРГО.

Странно: ведь Косогол уже давно изучался, разве нельзя было как-то иначе использовать энергичного «открывателя новых земель», каким был Дорогостайский?

Как известно, территории к западу и востоку от Косокола резко отличаются по своей природе, и, наскучив холмистой равниной востока, В. Ч. радостно затрепетал, увидев цепь крутых гор Баин-Ола, тянущуюся с севера на юг и отделяющую долину озера от системы р. Аросай (Арсайн-Гол), где вершины гор уже выходят за пределы лесной растительности и речки стремительно несутся по узким ущельям.

Конечно, в 1908 г. основной интерес Дорогостайского привлекали, как всегда, птицы. Был период гнездования большинства птиц, и было собрано много птиц разного возраста, а также яиц. Недели на две—три задержались в районе северных берегов озера, поднялись на гору Мунку-Сардык. В конце августа вернулись в Иркутск, где 19 ноября было доложено о работах на закрытом почему-то заседании ВСОРГО. Карта Косокола была опубликована вскоре (1908).

В 1908 г. В. Ч. Дорогостайский был избран в распорядительный комитет ВСОРГО, что отнюдь не помогло ему осуществить свои планы, скорее помешало — он был очень щепетилен. Во всяком случае, более никаких асигнований на его поездки распорядительный комитет не выделял, в 1909 г. ни в какие дальние экспедиции

⁶ Архив ВГО, ф. 34, оп. 2, № 65.

он не ездил. В этом году Дорогостайский впервые послал сборы в центр (до того все сдавал в ВСОРГО): из отчетов Академии наук видно, что от экспедиции на берега Косогола В. Ч. Дорогостайского и С. Я. Сизых получено 309 гербарных экземпляров, а в 1910 г. значительные сборы В. Ч. Дорогостайского поступили в герпетологическое и ихтиологическое отделения Зоологического музея, также некоторое количество сборов по млекопитающим. Очевидно, птиц он оставлял для личной коллекции, пополняющейся ежегодно.

Сотрудник Ботанического сада И. В. Палибин, обрабатывая коллекцию Дорогостайского, описал новый вид *Saussurea dorogostaiskii* Palib. Это оказалось возможным сделать по одному лишь экземпляру: В. Ч. «почуял» что-то новое, интересное, к гербарному образцу приложил хороший акварельный портрет растения и тщательное его описание. Географ широкого профиля? Да, Дорогостайский стремился быть энциклопедистом по примеру чрезвычайно почитаемых учителей-путешественников. О том же говорит следующий факт. В марте 1910 г. он прочел в стенах ВСОРГО лекцию: «Животный и растительный мир озера Байкал в связи с происхождением последнего». Он еще мало знал Байкал, но имеющуюся литературу изучал тщательно. Однако пока никаких возможностей работы на Байкале не было.

У меня нет доказательств, но я думаю, что кто-то из хорошо знавших Дорогостайского иркутских богачей — С. Н. Родионов, А. А. Сибиряков, братья Бутины или еще кто-то — предложил снабдить его средствами на поездку в Монголию при условии, что он поделится лекциями или охотничьими трофеями. Были куплены лошади и, по-видимому, безвозмездно, сопровождал его друг — казак Василий Холкин. Маршрут этой поездки 1910 г. установлен мною по этикеткам сборов Дорогостайского, хранящихся в музее Зоологического института АН СССР, характер местности виден из сохранившихся фотографий. Это были места, постоянно посещаемые горными баранами и козлами. Бараны и козлы, их экология, образ жизни и были на сей раз главным объектом исследования. Проводники и консультанты — монголы, чей язык он быстро изучил. С наслаждением предаваясь азартной охоте, молодой зоолог, разумеется, не забывал тщательно вести дневник, постоянно дополняя в нем свои наблюдения опросными данными. Птиц коллекционировал меньше,

чем всегда, — нет препаратора, а у самого не хватает времени, всего полтора месяца отпустил себе на экспедицию. Ехал опять вдоль западного берега Косогола, основная работа проходила на Белтысском (Бэлтэсском) нагорье, к западу от южной части Косогола. Козлов он подстреливал, лазая по головокружительным отвесным скалам, каждый экземпляр добыт с большим трудом. Хорошо, что изучил с помощью монголов и весенние и осенние пастбища и козлов, и баранов. Но... торопился домой. 18 августа уже докладывал о своем путешествии в ВСОРГО.

Спешил он в Иркутск неспроста. На этот раз было очень важно не опоздать к положенному учителям гимназии сроку. Он был «в немилости» не только у гимназического начальства, но даже у самого генерал-губернатора Г. Селиванова. К Дорогостайскому уже не раз придирались за так называемые «вольнодумные» высказывания, а весной 1910 г. возник прямой конфликт. В определенное воскресенье он собирался поехать на хорошо известный глухариный ток. Не приедешь к сроку токования, глухарей перебьют другие охотники. И надо же так случиться, что как раз на это воскресенье падала дата «тезоименитства» (именин) государыни Александры Федоровны! Каждый учитель безоговорочно обязан быть утром в церкви. По гимназии носили списки обязанных — каждый расписывайся. Мать мне рассказывала, что он даже отказался расписаться — ведь все равно его в церкви не будет. А врать не любил. Вот и получил «последнее предупреждение». . . Теперь надо быть осторожнее, могут уволить. Но не выдержал, опять в чем-то сорвался и получил предупреждение об увольнении. Стал писать письма в Москву — Мензбиру, Сушкину и другим. Получил скорый ответ — всегда рады, приезжайте, устроим. В декабре вся семья уже была в Москве.

Сначала был принят внештатным препаратором. Накинулся на работу, но не забыл написать и сдать в печать статью о баранах и козлах Монголии. Не забыл сдать шкуры, черепа и прочее в музей Московского университета. И что у него теперь за коллеги! Полное взаимопонимание. Однако в феврале 1911 г. создалась сложная ситуация: Мензбир, Тимирязев, еще ряд симпатичных ему людей ушли из университета в знак протеста против реакционной политики министра просвещения Кассо. Уволился с ними и Дорогостайский, но вскоре вернулся —

принудила голодная, неустроенная семья. Мензбира в организованной им лаборатории сравнительной анатомии сменил А. Н. Северцов — сын Н. А. Северцова, одного из Учителей Виталия, основателей зоогеографии. И хотя А. Н. Северцов не был «родственной душой», но трений не было, работал Дорогостайский по-прежнему честно и увлеченно. Шли повышения в должности: вот он уже штатный препаратор, а там и ассистент. Одновременно дает уроки в Московском коммерческом училище. Но одна педагогическая работа, хотя и в Московском университете, удовлетворить Дорогостайского не могла. Он привык к разнообразной деятельности в ВСОРГО. Здесь Географического общества не было, но имелось Московское общество испытателей природы (МОИП), и уже осенью 1911 г. он стал его действительным членом.

В 1912 г. на средства МОИП состоялась последняя экспедиция В. Ч. в Монголию, на сей раз, наконец-то, в основном с орнитологическими целями. Спутник же был не случайный, «кого судьба подарит», а дорогой друг юности, бывший однокурсник, а теперь коллега по работе в университете — Константин Игнатьевич Мейер. Мейер был альгологом и в то же время изучал эмбриологию и морфологию высших растений, и ему захотелось проследить, как сказываются на растениях экстремальные условия высокогорной тундры, собрать гербарий. Он опубликовал весьма подробное описание этой поездки (Мейер, 1917), относящиеся же к ней высказывания Дорогостайского разбросаны по нескольким его орнитологическим статьям. Уточнен маршрут мною по богатым сборам, хранящимся в музее Зоологического института АН СССР.

Путников сопровождал препаратор Чирков, а в Тунке их ждал, как всегда, один из братьев Холкиных, на сей раз Григорий, позднее присоединился и Василий. Работу начали уже от Култука. Восхищаясь обилием и яркостью цветов сибирских растений, Мейер не забывал отмечать и явления, вызывавшие подобные эмоции у его друга, например токование бекаса и вальдшнепа. Не торопились, решили заехать в бурятский улус Ингаргу и подняться до Саянских гольцов. Организацией каравана ведали опытные братья Холкины, и путешествие шло без осложнений. Наконец, подъехали к грозному колоритному хребту Мунку-Сардык. 14 июня первый подъем на вершину хребта, до гольцов верхом, далее пошли (вернее поползли) пешком. В. Ч. любил гольцы, на его друга-

москвича они подействовали неприятно («отсутствие ярких красок, всюду тон серый и мрачный»). И дождь, порой сменявшийся снегом. Дожди испортили дорогу. На обратном пути «почти через каждые 100—150 сажен лошади вязли в топи по брюхо, их то и дело приходилось перевьючивать. . .». Но для Дорогостайского все трудности пути компенсировались радостью удачных находок. Его дневники. . . как жаль, что из них почти ничего не сохранилось.

Для характеристики его личности позволю себе привести довольно большую цитату из его статьи (1913, с. 107): «Наименее изученным в биологическом отношении из всех представителей бекасов является собственно азиатский бекас (*Scolopax stenura* Kuhl.). Границы занимаемой им области, станции во время гнездования, гнезда, яйца и птенцы совершенно неизвестны. Никто из натуралистов не слышал и не записал его песни (токования), что дало повод Тачановскому утверждать, что азиатский бекас не токует вовсе. . . И только лишь два года спустя я окончательно убедился, что азиатский бекас токует и что слышанное мною раньше токование принадлежит именно этой птице. В начале июня 1912 г. мне снова пришлось посетить южные склоны горы Мунку-Сардык в Сев.-Западной Монголии, где я раньше находил азиатского бекаса. На этот раз я был счастливее: были добыты на току два самца азиатского бекаса и записано его токование. Чтобы передать картину тока этой интересной птицы, я выпишу несколько строчек из моего путевого дневника, как я их занес туда под свежим впечатлением: „Тихий июньский вечер, солнце уже давно скрылось за зубчатыми вершинами гор; в долине болотистой речки Джары, где мы разбили свой лагерь, сыро и холодно; над противоположным склоном горы медленно ползет легкое и прозрачное облако тумана; наступают короткие южные сумерки. Сзади нашего лагеря над серым лиственным лесом, острыми языками всползающим по склону горы, вяло токуют горные дупеля (*Scolopax solitaria*). Вдруг над болотцем высоко в воздухе раздалась странные звуки, в которых слышались сначала редко, а потом все чаще и чаще повторяемые слоги — чвинь. . . чвинь. . . чвинь; звуки эти близились, росли, тон их повышался, они все быстрее следовали один за другим и, наконец, переходили в сплошную трель красивых металлических звуков — чинь-чинь-чинь. . . Над болотом на секунду показывалась

небольшая птица и быстро исчезала на темном фоне вечернего неба. Через несколько минут опять слышались те же звуки, и так повторялось до глубокой ночи. Это токовал самец азиатского бекаса. . .“».

Отец безумно любил все это. Над моим столом висит написанная им картина, на которой изображена тяга вальдшнепов. В ней столько чувства! В отце каким-то непонятным мне образом уживались безмерное восхищение любовной песнью птицы и способность выстрелить в нее в это время («умри любя!»). Впрочем, не всегда; его постоянный спутник на охоте Владимир Иванович Мыльников говорил мне недавно, что помнит, как В. Ч. иногда опускал ружье, не в силах выстрелить. Но ведь и ездить на тягу, как на концерт, было бы невозможно. . . А преданность науке, так тщательно воспитываемая в Московском университете всей блестящей плеядой зоологов, его учителей, в первую очередь Мензбиром. Для науки нужно «добыть» птицу, а не только любоваться ею.

На одной из остановок путники сделали длительный привал, чтобы «добыть» холиков (горных индеек). «И дались же Виталию эти холики!», — вероятно, думал Мейер. Пять дней лазили ежедневно за ними на гольцы в густом тумане, под дождем по мрачному ущелью бурной речки Хашим-Гол. На гольцах бродили до изнеможения. Досадно, что холиков так и не нашли. Когда пошли на север вдоль Косокола, лошади свалились с крутой тропы, одна в воду, но остались целы. Пришлось идти пляжем по гальке, что тяжело и для лошадей, и для людей. Погостили у бурят, засняли на киноплёнку разные черты их быта, например изготовление водки из кислого молока, пляску и борьбу. Плёнка, к сожалению, не сохранилась.

Вернулись в Иркутск, затем в Москву. Собрали 300 шкурок птиц, 25 гнезд, более 100 яиц, 15 скелетов (в том числе несколько — горного козла), спиртовые препараты животных, гербарий — около 400 видов. Живыми были доставлены в Москву 200 экземпляров сибирских тритонов. На заседании МОИП доложили о своем путешествии. Дорогостайский опубликовал в 1913 г. две статьи в орнитологических журналах.

Экспедиции по Монголии окончены. Но вот. . . экспедиция в Западную Африку. Это единственная большая загадка, «белое пятно» в биографии В. Ч. Дорогостайского, которое мне так и не удается заполнить, несмотря

на все усилия. Будет ли оно когда-либо заполнено? Несомненность самого факта подтверждается безусловно. Прежде всего выдержками из его автобиографии:

1. «В 1911 г. Дорогостайский был командирован Московским обществом испытателей природы в Экваториальную Африку, где он занимался коллектированием и наблюдением над тропической фауной».⁷

2. «В 1911 г. я получил возможность участвовать в небольшой экспедиции в Экваториальную Африку. Собранные коллекции по тропической фауне переданы были мною в Академию наук, с которой с этого времени у меня установились постоянные сношения».⁸

3. Хранящимися у меня негативами его африканских фотографий. На одной из них несомненно он сам под «деревом путешественников» в пробковом шлеме, с сачком в руке. Фотографии пейзажные и бытовые (негры), с зоологическим объектом (неизвестное животное) — только одна, что говорит о том, что сохранилась лишь небольшая часть заснятых им фотографий.

4. Неоднократно слышанными мною разговорами отца об Африке, свидетельствами жены и иркутян — слушателей его лекций об экспедиции. Л. И. Курсанов и В. А. Дейнега в юбилейном сборнике МГУ в 1940 г. писали (с. 358): «Кроме экспедиций, состоявшихся внутри России, необходимо отметить, что некоторые из них были произведены далеко за ее пределами. Так была организована экспедиция Белоголового на западное побережье Африки в область р. Нигер, в которой участвовали три члена общества; вторая экспедиция (Никитина) в 1912 г. также в Африку, в ее центральную часть, в область великих африканских озер. Обе эти экспедиции дали интересные результаты». А вот выписка из заявления самого Ю. А. Белоголового: «Предстоящим летом я предполагаю вместе с двумя спутниками студентами Моск. унив. Б. Д. Кирпичниковым и И. Г. Соболевым проехать на Нигер для сбора эмбриологического материала. . .».⁹

Так. Три члена экспедиции — начальник и два студента. А где же В. Ч. Дорогостайский, ассистент Мензбира? В архиве имеется некоторая документация по экспедиции Белоголового, но в ней ни слова о Дорогостайском.

⁷ Архив ИГУ. Личное дело проф. В. Ч. Дорогостайского, л. 34.

⁸ ИГОМ. Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

⁹ Учен. зап. МГУ. Юбил. сер. М., 1940. Вып. 54. Биология. С. 358.

По возвращении, 5 октября 1911 г., Белоголовый сделал сообщение в МОИП о путешествии, но спутники не были названы. Разве что дело в том, что Виталий тогда был «нештатным»?

Но где же его коллекции? Я привыкла проверять маршруты Дорогостайского по этикеткам его коллекций, которые я без особого труда находила в указанных местах. Но и это не помогло: ни в наличии, ни в инвентарных книгах музея Зоологического института, а также и музея МГУ не обнаружено ни малейших признаков его коллекции из Африки, хотя имеется много его сборов из других мест. В этом и состоит главная загадка — куда делись его сборы, ради которых он ехал? После всего, что о Дорогостайском известно, всякому должно быть ясно, что вернуться из Африки с пустыми руками он не мог. Мне рассказывал с его собственных слов московский геолог Л. Г. Каманин, что в этой экспедиции В. Ч. тяжело заболел тропической лихорадкой, был при смерти и его прихватил с собой капитан какого-то португальского судна. Кто же доставил в Россию его коллекции, о которых он писал, что передал их в Академию наук? Это загадочно.

В 1913 г. настоящей экспедиции не получилось. В. Ч. поехал на Северный Кавказ в местечко Аше с К. И. Мейером на дачу к их общему знакомому В. В. Миллеру. Разумеется, он там экскурсировал (поднялся на гору Оштен). Об этом говорит хотя бы число насекомых, сданных им в музей Зоологического института АН в 1914 г. с этикеткой «окрестности Аше» — 1920 экземпляров. Но эта поездка имела еще одно важное значение для Дорогостайского. У Миллеров отдыхали в тот год их родственники Насоновы, и мне кажется, что тут, в домашней обстановке, могли завязаться близкие отношения его с директором Зоологического музея Н. В. Насоновым. Началась цепь важных событий. Каждый из них поделился с другим своей заветной мечтой. Насонов тогда изучал систематику и зоогеографию парнокопытных Старого и Нового Света и ему очень не хватало данных по горным баранам Дальнего Востока. И вот он видел перед собой того, кто мог эти данные добыть. А Дорогостайский давно мечтал о постоянной байкальской станции и ему нужно было солидное учреждение, от имени которого он мог бы действовать (опыт прежних исследователей говорил, что без этого нельзя). Что еще солиднее Зоологического музея Академии наук? И, вероятно, Насонов дал какие-то обещания,

оговорив, что сначала ему поможет Дорогостайский — молодой и опытный охотник на копытных, обитающих в самых диких, недоступных высокогорьях. Он просил В. Ч. возглавить экспедицию Академии наук за снежными баранами Станового (Яблонова) хребта. Мог ли Дорогостайский отказаться?

Быстро пролетела осень. В январе 1914 г. В. Ч. уже представил в Академию проект экспедиции, а 20 марта выехал из Москвы. В качестве помощников он взял студентов-зоологов С. С. Турова и С. А. Северцова и препаратора Л. В. Тульпу. На свои средства ехал с ними студент М. П. Розанов. Снаряжение вьючного каравана, наём проводников и оленей помогли наладить заранее, на месте Н. И. Прохоров и О. И. Кузенева, работники Переселенческого управления. Лошади, сёдла и прочее снаряжение были подготовлены в Тунке, все теми же верными Холкиными. 1 апреля выехали из Иркутска на поезде, 5 апреля были на ст. Тыгда Амурской железной дороги и в тот же день выехали по тракту в г. Зею-Пристань, откуда началась экспедиция (прибыли 7 апреля).

Выяснилось, что бараны водятся в горах к северу от оз. Оконон, но отправляться туда рано и месяц-полтора решено было поработать в окрестностях Зеи, понаблюдать за пролётом птиц. Дорогостайский не преминул тщательно описать ток дальневосточного малого глухаря, сильно отличающегося от глухаря обыкновенного. К 12 мая р. Зея очистилась ото льда и экспедиция погрузилась на пароход. Нанятые орочен к сроку не явились, пришлось ехать нанимать новых. Впервые сел В. Ч. на северного оленя верхом и нашел, что такая езда неудобна. Розанов уехал в другое место, а Тульпа вернулся домой по семейным обстоятельствам, остались без препаратора. 2 июня отправились в путь. Экспедицию сопровождало несколько семей кочевников орочен. Они везли все снаряжение экспедиции и продовольствие. Проезжая дорога кончилась, пошли без тропы по болотистой тайге, ведя в поводу лошадей. Местами прорубали дорогу в лесу топорами. Днем было тепло, ночью — мороз. Иногда пробирались по каменистым речкам, путь преграждали наледи.

Был ясный солнечный день, когда выбрались на перевал Дихтанре. Открылась обширная панорама Станового хребта. Но стало очень трудно пробираться через заросли кедрового стланика. Наконец, дошли до довольно большого оз. Оконон. В его котловине устроили лагерь и прожили

с неделю, усиленно собирая зоологический материал. 20 июня двинулись далее.

Вершины Станового хребта достигают 3000 м, лишены всякой растительности, кроме редких арктоальпийских ив в ложбинах. Ледников нет, хотя климат очень суров. Решено было, разбившись на три отряда, пойти в различные участки хребта. Дорогостайский, уступив казаков Холкиных товарищам, пошел со случайно встреченным ороченем на самый трудный участок хребта. У орочена были большие сильные собаки. Сначала попадались стада молодых баранов с ягнятами, их легко было подстрелить. Но Дорогостайскому нужно было другое: Н. В. Насонов заказал несколько скелетов, особенно черепов, старых баранов. А «старики» держатся на самых малодоступных, самых высоких скалах, довольствуясь скудной высокогорной растительностью. Их он должен добыть во что бы то ни стало!

И трудное же это было дело. Удалось найти скелет сорвавшегося со скалы (в поединке) барана, но и тот без черепа: орочены забрали череп, они ценят рога, идущие на поделки. Охота на баранов на Яблоновом хребте особенно тяжела: трудно дышать разреженным воздухом, очень круты спуски и подъёмы, переменчиво состояние атмосферы. Минимальное количество все же добыли. При этом Северцов заблудился, три дня скитался без пищи. Зато уйму всякой редкостной живности собрал Туров в этом не посещавшемся еще зоологами крае. Он шел сравнительно низко. А по высокогорьям здесь ходить было трудно еще и потому, что на этих крутых горах нельзя использовать вьючных животных, все приходится таскать на себе, даже там, где самому едва пролезть. Дорогостайскому здорово помогли две громадные ороченские собаки, приученные выслеживать баранов. Спасибо ороченам! На обратном пути В. Ч. еще тщательнее наблюдал их быт и вообще жизнь, и эти наблюдения привел в отчете об экспедиции, заключив так: «... Пристрастие к спиртным напиткам у них, кажется, не имеет границ, и не будет преувеличением сказать, что большую часть своих заработков они пропивают <...> Злоупотребление спиртными напитками, вместе с полным отсутствием медицинской помощи, мне кажется, обуславливает вымирание орочен, несомненно наблюдающееся в настоящее время <...> Не мне судить, какие меры должны быть приняты против тяжелого экономического положения

орочен, но меры необходимо принять, и чем скорее, тем лучше, если мы не желаем, чтобы от некогда многочисленного племени сохранились лишь жалкие остатки, как это случилось с тунгусами северного Байкала или с карагазами Нижнеудинского уезда Иркутской губернии» (1915, с. 418).

Итоги экспедиции 1914 г.: 9 снежных баранов, 8 других крупных млекопитающих, более 100 мелких, около 500 птиц, рыбы, рептилии, амфибии, насекомые и небольшой гербарий. В 1915 г. Дорогостайский напечатал отчет об экспедиции и вместе с Насоновым статью о горных баранах Яблонова хребта (систематическая часть — Насонов, экология и способы охоты на баранов — Дорогостайский). О. И. Кузенева опубликовала в 1920 г. статью с описанием нового для науки вида, собранного Дорогостайским и названного ею в его честь (*Oxytropis dorogostajskyi* Kuzen.). На гольцах экспедиция находилась 2 месяца.

Основание Байкальской биологической станции

Трудно сказать, когда В. Ч. Дорогостайскому пришла в голову мысль попробовать создать на Байкале постоянную исследовательскую станцию. По-видимому, он сначала пытался осуществить это через ВСОРГО в 1911—12 гг., о чем говорят хранящиеся в иркутском архиве документы.¹ Предполагаемым местом станции была падь Большие Коты в 20 км от истока Ангары. Владелец пади А. И. Сибиряков соглашался сдать землю и постройки в аренду, но, очевидно, средства, выделенные ВСОРГО, были недостаточны. Сделка не состоялась.

Не было средств и в Академии наук. Н. В. Насонов в 1915 г. не сдержал обещания, но все же командировал Дорогостайского на Байкал в район дельты Селенги с целью сбора орнитологических материалов для Зоологического музея. Это была отнюдь не фиктивная командировка, орнитологический материал В. Ч. всегда был рад собирать. Но сейчас была и другая задача — подготовка к организации станции. Дорогостайский побывал в мастерских байкальской железнодорожной переправы в с. Лиственничном и договорился с ее начальником Николаевич-Курьяком о быстрой постройке катера в 1916 г. (На верфи тогда работало около 400 человек). Побывал он у миллионера Н. А. Второва, владельца иркутского «Пассажа», и так сумел заразить его своим энтузиазмом, что тот согласился отпустить на организацию станции 16 000 р. Договорившись, что Второв пришлет деньги на имя Насонова, В. Ч. просил указать, что 12 000 р. должно быть истрачено на оборудование станции судном. Навестил В. Ч. и А. А. Сибирякова, договорившись о возможности аренды

¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 338, л. 40—42.

земли и зданий в Больших Котах. Затем принялся за свои дела. Работал он на гребных лодках, иногда пользовался помощью своих бывших коллег по гимназии Д. З. Белкина и А. П. Демьяновича, имевших моторные лодочки. Но речь о научной деятельности В. Ч. на Байкале будет в следующей главе. Сейчас удобнее рассмотреть сложный процесс основания им постоянной станции на Байкале, может быть, даже более важный, чем его исследования.

Н. А. Второв не обманул, и 30 марта 1916 г. Н. В. Насонов получил чек на 16 000 р. и письмо, в котором тот не забыл упомянуть, что 12 000 р. предназначены на постройку катера. В тот же вечер Насонов собрал совещание заинтересованных лиц, на котором зачитал письмо Второва и полученное им недавно обращение из Москвы, подписанное Д. Н. Анучиным, А. П. Павловым, А. Н. Северцовым, Г. А. Кожевниковым, Н. В. Богоявленским, В. С. Елпатьевским, Я. В. Самойловым, Н. М. Кулагиным, Л. С. Бергом, С. А. Зерновым, Ф. А. Спичаковым, В. А. Обручевым, М. И. Голенкиным, Л. И. Курсановым, В. Ч. Дорогостайским. Составлено оно было Дорогостайским, Бергом и Зерновым; в нем ученые просили организовать при Академии комиссию для обсуждения вопросов о всестороннем исследовании Байкала и учреждении там постоянной станции. На этом совещании по предложению Н. В. Насонова была создана Комиссия по изучению оз. Байкал (КИБ) под его председательством и в составе Н. И. Андрусова, И. П. Бородина, Б. Б. Голицына, В. В. Заленского (академики), а также Л. С. Берга, В. Ч. Дорогостайского, С. А. Зернова, И. Д. Кузнецова, В. Н. Сукачева; секретарь В. М. Рылов. К 1922 г. в ней насчитывалось уже 72 члена, многие иногородние, но собрания ее всегда проводились в Петрограде-Ленинграде. Комиссия сразу же постановила командировать на Байкал В. Ч. Дорогостайского, а также К. И. Мейера и Г. Ю. Верещагина. О том, насколько все это было серьезно, говорит следующий документ:

«21 апреля 1916 г.

Господину Министру путей сообщения

Содержание: Академия наук приступает к изучению оз. Байкал на средства, пожертвованные Н. А. Второвым, и к организации на нем постоянной биологической станции, подобной станциям в Севастополе на Черном море и Вилла Франка на Средиземном море. . . Конференция

Академии командирует экспедицию под начальством зоолога В. Ч. Дорогостайского, который занимался там зоологическими исследованиями уже в предшествующие годы, для разведочных работ по устройству биологической станции. В распоряжение экспедиции Дорогостайского необходимо предоставить пароход. . .».²

Как видно, мало придавали значения утверждению Дорогостайского о том, что на Байкале можно будет построить катер уже для летних работ 1916 г. Да и трудно было поверить этому. . . Но сам Дорогостайский доверял начальнику верфи, а прежде всего верил в себя, в свою неукротимую настойчивость в достижении поставленной цели. И торопился на Байкал. Опередив других членов экспедиции, он со своим помощником М. П. Розановым был на Байкале уже 13 мая. На верфи оказались незанятые рабочие, начальник помог с чертежами катера и быстро приступили к постройке. Вскоре приехали и другие члены экспедиции (также неофициально С. Ф. Нагибин) и до окончания постройки «Чайки» (так назвали катер) принялись работать с гребных лодок, пересекли Байкал на пароходе, обследовали прибайкальское курортное озерко Катакель.

«Чайка» была спущена на воду 6 июля 1916 г. Первая неделя ушла на ее освоение. Оказалось, мотор работает отлично. Нашли бурята-матроса и рабочих, мотористом был сам Дорогостайский. Но тут обнаружилось, что Верецагин на «Чайке» плавать не хочет. Он уехал на север Байкала рейсовым пароходом, о чем впоследствии в отчете писал так: «Считаю своим приятным долгом принести здесь благодарность В. Ч. Дорогостайскому за предоставленные мне возможности посетить различные части Байкала взамен поездок по этим частям на моторном судне экспедиции». ³ Дорогостайский же в своем отчете называл Верецагина «членом экспедиции», тогда как тот писал о своей поездке как о «командировке».

Глеб Юрьевич Верецагин учился в Варшавском университете, где слушал лекции Б. И. Дыбовского. Уже первые научные работы, написанные в бытность гимнази-

² ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1—1916, ед. хран. 32, л. 6.

³ В е р е щ а г и н Г. Ю. Отчет о работах, произведенных на Байкале во время командировки от Императорской Академии наук летом 1916 г. // Тр. Комис. по изуч. оз. Байкал. 1922. Т. 1, вып. 1. С. 3.

«Чайка» готова к исследованиям. 1916 г.

стом, он посвятил описанию небольших озер. По окончании университета, в 1914 г., Н. В. Насонов пригласил его на должность «хранителя музея» в Зоологический музей. В Петербурге он с головой ушел в восстановление Озерной комиссии, которая существовала когда-то при Географическом обществе. Там он усиленно занимался составлением программ изучения озер — предварительного и фундаментального. Однако кажется странным, что когда на заседании Озерной комиссии 1 апреля 1916 г. В. Ч. Дорогостайский сообщил об организации КИБ и о предполагаемых исследованиях Байкала и спросил комиссию, может ли она выработать программу для этих работ, то Верещагин положительного ответа не дал. Но случаем для поездки на Байкал в качестве официального члена экспедиции Дорогостайского воспользовался.

Почему он не захотел сотрудничать с Дорогостайским — ясно: поработав на «Чайке» несколько дней, он понял, что у него с В. Ч. слишком разные подходы

к делу. В. Ч. хотелось как можно скорее составить более или менее полный список избранных им для изучения гаммарид, затем классифицировать их по морфологическим признакам, а когда дело дойдет до экологии, можно будет круглый год исследовать среду их обитания, ее физику и химию — ведь будет уже существовать постоянная станция. Естественно, что у зоолога в центре внимания животное. Верещагин же, хотя по образованию зоолог, по существу был лимнологом, он спешил приниматься за методическое, согласное с его программой, изучение и характеристику озера — его формы, гидрологических и гидрохимических свойств в сравнении с другими водоемами и т. д. А животный мир, с его точки зрения, был лишь одной из характерных черт озера, изучаемой наряду, но не прежде других черт.

Есть и другая сторона дела, которую я выяснила из разговоров с сотрудниками Верещагина. В то время как В. Ч. Дорогостайский был ученым, хотя энергичным и инициативным, но в большой мере применяющимся к обстоятельствам, Г. Ю. Верещагин имел склад ума и характера несколько отвлеченный. Кроме того, он был прирожденным «начальником», органически неспособным подчиняться кому бы то ни было, с головой, полной собственных планов и проектов, трудно мирящимся с препятствиями. Это был человек, желающий всегда чувствовать себя «хозяином положения», страстно любящий не природу, как Дорогостайский, а науку, фанатик науки, готовый отдать ей себя до конца, но требующий того же от других. Работать с ним было нелегко, но его пример вдохновлял, зажигал, заставлял быть выше трудностей. В. Ч. был шутник, весельчак, от него веяло добротой и приветливостью, постоянным теплом и уютом, Г. Ю. — огонь и лед, его можно было ненавидеть или же любить, гореть вместе с ним, что и было с некоторыми из сотрудников. «Их нельзя сравнивать — совсем разные люди. Но общее у них то, что оба были настоящими, бескорыстными учеными. Я хорошо знал и любил обоих», — так сказал мне известный геолог Л. Г. Каманин.

Но вернемся к Байкальской экспедиции Академии наук. Не прошло и месяца, как случилась неприятность: объявлена очередная мобилизация, взят у экспедиции Мейер и все рабочие. Найти новых оказалось невозможным, и, оставшись вдвоем с Розановым, В. Ч. и думать не мог об отдаленной поездке. Поработав еще в южной части

Байкала, экспедиция вернулась в Москву. Как полагается, Дорогостайский подал общий и финансовый отчеты об экспедиции и постройке «Чайки». КИБ благодарила его за все. Только в отношении будущей станции, ее места вопрос оставался открытым: как мы знаем, у В. Ч. давно были намечены Большие Коты, и уже пришло письмо от Сибирякова с готовностью уступить Академии участок и постройки на нем, но... Верецагин сделал доклад «О месте, желательном для постановки станции по исследованию оз. Байкал» и предложил полуостров Святой Нос. С. А. Зернов и В. Ч. Дорогостайский считали, что такая станция очень удалена от Иркутска и условия жизни персонала были бы тяжелыми из-за плохого сообщения с городом. Кроме того, там бы пришлось строиться, никакого жилья на полуострове не было. Вопрос остался открытым до следующей экспедиции.

В экспедицию 1917 г. первоначально намечались И. Д. Кузнецов (начальник), В. Ч. Дорогостайский, С. А. Зернов, Г. А. Кожевников, гидролог (?). Но в скором времени набралась масса желающих поехать. Программу исследований было предложено разработать группе ученых (без Верецагина) под председательством Н. В. Насонова, но практически она была составлена под председательством С. А. Зернова большой группой москвичей и послана в Петроград, где обсуждалась на нескольких заседаниях КИБ и была отпечатана. Верецагин принимал деятельное участие в подготовке экспедиции, заказывал оборудование.

В конце апреля 1917 г. по условиям военного и революционного времени было решено отложить экспедицию КИБ на 1918 г. Однако москвичи — Дорогостайский и Кожевников — телеграммами и письмами усиленно доказывали, что экспедиция почти готова, откладывать ее нельзя. Когда из этого ничего не вышло, Кожевников решил организовать экспедицию под эгидой Зоологического музея Московского университета, частично на средства московского мецената А. С. Хомякова. К участию в ней он привлек своего ассистента И. И. Месяцева и двух студентов (учеников В. Ч. Дорогостайского) — Л. Л. Россолимо и Л. А. Зенкевича. Но в последнюю минуту выяснилось, что Кожевников ехать не может, а Дорогостайский задерживается, и экспедиция отправилась без них. О том, как она проходила до приезда Дорогостайского и после, мне рассказал в 1976 г. Л. Л. Россолимо.

Он описал трудный их путь до Байкала в 1917 г., гостеприимную встречу в Иркутске энтомологом С. Н. Родионовым, другом В. Ч., трудности быта на Байкале и работы на гребной лодке. 26 июня прибыл В. Ч. Дорогостайский с его «Чайкой». «С этого дня, — рассказывал Л. Л., — вся наша жизнь и работа коренным образом изменились. Фактически В. Ч. стал начальником экспедиции, но что это был за начальник — приятный, доброжелательный, ровный в обращении, не допускающий даже мелких ссор и разногласий, хотя тон нашей жизни стал совсем особым, добродушно-шутливым, вечно друг друга высмеивали, подшучивали. Работали исключительно усердно. Несколько надоедало однообразное меню: омуль, сиг, хариус. . ., кроме рыбы почти ничего. Раз в неделю приходил пароход, тогда кидались в ресторан.

— Пойдите, но ведь отец был отличным охотником, разве он. . . ?

— Нет, этого он себе в тот раз не позволял. Никуда от «Чайки», никаких дел, кроме ухода за «Чайкой» и исследования Байкала. Уж очень общительным был Ваш отец — шутник, балагур, оптимист, но и работяга же! Жалели, что Кожевников не с нами.

Объектом исследований был избран Чивыркуйский залив, а общей темой — зависимость животного населения от грунта. Для этой темы была особенно удобна изобретенная В. Ч. Дорогостайским драга, мало переворачивающая грунт. Вот ее характеристика, данная позднее Верещагиным: «. . . Благодаря своей легкости и параллельному направлению ножей работа драги этой системы напоминает работу трала, с той разницей, что эта драга с большой легкостью обходит встретившиеся на дне препятствия. Мало соскабливая со дна и мало зарываясь в мягкий грунт, драга этой системы приносит по преимуществу лишь Amphipoda и вообще население, встречающееся над поверхностью дна или всплывающее над поверхностью при переворачивании небольших камней».⁴

Экспедиция вернулась в Москву с обильными материалами не только по интересовавшим их группам животных, но и с материалом для коллег. Принялись каждый за свою работу. Шла революция. 30 мая 1918 г. КИБ постановила: «. . . запросить В. Ч. Дорогостайского, где

⁴ Верещагин Г. Ю. Отчет о работах, произведенных на Байкале. . . С. 6.

и как хранятся инструменты, отосланные комиссией на оз. Байкал, и завести инвентарь инструментарию, хранящемуся в Зоологическом музее АН». ⁵ Такой запрос очень взволновал бы В. Ч., если бы он был в Москве, он и сам об этом думал постоянно, живо чувствуя ответственность, да нет, какое там ответственность — тревогу, боль и за инструментарий, и особенно за свое «детище» «Чайку», оставленную за тысячи верст от Москвы в такое беспокойное, смутное время. Он сдал все по описи на склад байкальской переправы, но «без ответственности за утрату от пожара или стихийных бедствий». А кто мог знать, какие теперь стихийные и нестихийные бедствия разразятся над его «Чайкой»? Скорее в Иркутск, на Байкал! — вот стремление, владевшее, очевидно, ассистентом А. Н. Северцова зимой 1917—18 г. Но как? Страна уже охвачена гражданской войной.

Омск еще не занят белыми и там спокойно, как будто ничего не происходит в стране, открывают новый институт — Сельскохозяйственный. Москву запрашивают о кадрах — и вот молодой «новоиспеченный» профессор мчится в Омск организовывать кафедру общей анатомии.

Семья оставлена в голодной, холодной Москве, думается — ненадолго. С ним едет его верный ученик, а теперь ассистент, Сергей Сергеевич Туров. В Омске он встречает профессора Бориса Александровича Сварчевского, ездившего по Байкалу в 1900—1901 гг. в составе экспедиции А. А. Коротнева. Тот тоже стремится на Байкал. Омск — переходная ступень, нужно думать, как пробраться в Иркутск. Даю слово В. Ч. Дорогостайскому: «В 1918 г. я состоял профессором Омского сельскохозяйственного института. Когда вспыхнуло восстание чехов, то Сибирь была отрезана от центра. На Байкале на моей ответственности находилась Биологическая станция Академии наук, которую я начал организовывать в 1917 г. Вскоре после переворота из Иркутска я получил сведения, что катер «Чайка» захвачен красными, а также частично захвачено и разное имущество станции. Железя части начато мною дело научного исследования оз. Байкал и выручить главную ценность станции катер «Чайку», я решил как можно скорее пробраться в Иркутск. В Омске этого сделать мне не удалось, т. к. пассажирское движение по железной дороге прекратилось на неопределенное

⁵ ЛО ААН СССР, ф. 74, оп. 1 ед. хран. 6, л. 3—7.

время. Я поехал в Томск, рассчитывая на поддержку Института исследований Сибири при Томском университете, который был заинтересован в станции. Ходатайство института о моем проезде с каким-нибудь эшелонном было отклонено. По совету проф. Сапожникова я обратился к генералу Сумарокову с моей просьбой, объяснив ему откровенно положение дела. Сумароков, подумавши некоторое время, сказал: «Ну, хорошо, Вы поедете со мной до Иркутска, я запишу Вас в отряд конных разведчиков». Я возразил ему, что я не военный, воевать не собираюсь и в армию вступать не предполагал. Сумароков сказал: «Каким же образом иначе я провезу Вас до Иркутска? Итак, если Вы решите ехать, являйтесь на вокзал к 8 часам утра». Долгое время я не знал, на что решиться. Не желая лгать, я был в то время отрицательно настроен против Советской власти. Я разделял заблуждение всей интеллигенции, что Советская власть — власть случайная, выдвинутая анархией, которая захватила истрадавшуюся в окопах армию, что она не прочна и проч. В разрушительном процессе революции я, как и другие, не усматривал зарождения новой государственности, а видел лишь в Октябрьском перевороте «восстание рабов», по выражению Керенского. Были и личные причины быть недовольным новой властью, а именно: в то время как я жил в Омске в хороших материальных условиях, моя семья голодала в Москве, и я ничего не мог поделать, чтобы улучшить ее положение. На просьбы моей жены о разрешении приехать к мужу в Омск следовали одни издевательства. Таким образом, сдерживающего момента не было, и я принял опрометчивое решение и согласился на предложение Сумарокова. Слишком велик был соблазн спасти то дело, которому я служил столько лет (Биологическую станцию).

Итак, утром я явился на вокзал ст. Томска, был записан добровольцем в отряд конных разведчиков при инспекторе артиллерии (Сумарокове), получил обмундирование (одну военную фуражку) и поместился в купе с Сумароковым в качестве ординарца. Мы тащились в хвосте корпуса генерала Пепляева; почти до самого Иркутска никаких военных действий не было. Мне все время приходилось выслушивать какие-то архимонархические разглагольствования Сумарокова и ждать, когда, наконец, я попаду в Иркутск и выручу имущество станции. Не доезжая 90 верст до Иркутска, я узнал, что у Сумарокова произошли какие-то разногласия с Пепляевым и он уезжает обратно.

Я, естественно, был этим очень обеспокоен, но генерал меня успокоил, говоря, что беседовал обо мне с полковником Ушаковым и я буду прикомандирован к штабу Восточного фронта для «технических поручений» (так значилось в бумажке). Поздним вечером я был вызван в штаб и беседовал с Ушаковым, который очень удивился, что я, профессор, нахожусь в армии. Узнав от меня, как я попал в армию, он сказал, что «Чайку» и все имущество станции, конечно, мне возвратят, — он приложит к этому все усилия, для воендействий меня штаб использовать не собирается, но он лично, а также генерал Гайда просят меня некоторое время быть при штабе, чтобы при моем содействии разобраться в сложной гражданской и политической обстановке. Затем я был позван к Гайде. Последний уже знал обо мне от Сумарокова, знал, что я иркутянин и хорошо знаю местный край. Он обещал мне сделать все и долго не задерживать в армии, как только выяснится положение дел. Утром, назавтра после нашего разговора, я получил приказ отправиться с отрядом корнета Белены, который выступал по тракту от с. Александровского до г. Иркутска, и по прибытии Гайды в Иркутск явиться в штаб. По занятии Иркутска белыми войсками я слонялся без всякого дела, изредка заходя в штаб, и ждал случая побывать на Байкале и узнать, в каком положении находится катер и имущество станции.

Случай скоро представился. На Байкале у военных властей произошел конфликт с рабочими мастерских Байкальской переправы. Четверо из рабочих было арестовано (из них один коммунист Журавлев, остальных фамилий не помню) и им грозил расстрел. Рабочие волновались и бросили ремонт пароходов. Узнав, что я нахожусь в штабе, начальник переправы вызвал меня по телефону и просил предупредить кровопролитие. Я переговорил по этому поводу с Ушаковым, который поручил мне немедленно поехать в с. Лиственничное ознакомиться с положением дела и донести ему. По приезде на Байкал я телефонировал Ушакову, что конфликт вызван бестактностью коменданта — молодого прапорщика, что арестованных следует освободить, репрессий к рабочим не применять, и все успокоится. Указал также на необходимость срочно послать продовольствие для рабочих. Приказом штаба комендант был смещен, арестованные выпущены на свободу и послано два вагона продовольствия. Попутно я узнал на Байкале, что катер «Чайка» превращен в сторо-

жевое судно, на нем поставлены пулеметы и ездят чехи. По приезде в Иркутск я снова завел разговор в штабе о возвращении мне катера. Гайда просил обождать, т. к. пока катер им нужен, и приказал мне отправиться с Ушаковым на фронт в с. Култук. По приезде в Култук Ушаков предложил мне срочно отправиться в Тунку и собрать продовольствие для армии (хлеб и скот), а также для Иркутска, в котором назревал серьезный продовольственный кризис. В Тункинском крае меня хорошо знали, и данное мне поручение выполнить было нетрудно. Закончивши продовольственную операцию, я заехал на Аршан, где на курорте встретил много знакомых, в том числе профессора А. В. Львова. Последний сообщил мне, что в тайге скрывается общий наш знакомый Иннокентий Ильич Яковлев (коммунист, бывший затем комиссаром юстиции Иркутска), и ему грозит самосуд казачьего населения, и просил меня выручить его из тяжелого положения. Из Аршана отправлялся по призыву в армию прапорщик Рифесталь, мой ученик по гимназии, его-то я и просил довести Яковлева до Иркутска в качестве арестованного, чтобы избежать самосуда казаков. В штабе я за Яковлева поручился, и таким образом он избежал тяжелой репрессии. Пищу об этом не в заслугу себе: при всяких обстоятельствах я поступил бы также, т. к. расстрелы без суда и самосуды всегда мне были отвратительны.

Дело с возвращением катера затягивалось, военная обстановка меня очень угнетала, и я не знал, как бы выпутаться из авантюры, в которую я попал. Вскоре после возвращения из Тунки я получил приказ отправиться в Верхнеудинск, куда переехал штаб Гайды. Здесь я получил новый приказ: отправиться в Троицкосавск с корпусом генерала Зеневича и наладить гражданскую жизнь. Большие полномочия, которые были мне даны приказом Гайды, меня, по правде сказать, очень угнетали, но делать было нечего, тем более что я получил заверение, что это поручение будет последним и затем катер будет мне возвращен. Ушакова в Верхнеудинске я не застал: он был убит под ст. Муриной в бою. 300 человек мадьяр сдались чехам и выдали большевиков. Узнав, что местное казачество образовало «чрезвычайку» и арестовывает направо и налево «подозрительных лиц» и двоих (учителя Москова и студента Назимова) уже расстреляло, я пошел к Зеневичу и просил его прекратить расстрелы, что им было сделано очень быстро. Генерал Зеневич, как я вскоре убедился, был

очень честный и гуманный человек. Так, например, я случайно узнал из разговора двух чешских офицеров, который случайно слышал в ресторане, что чехи назначены конвоировать пленных мадьяр до Березовского лагеря. Для меня было очевидно, что будет симулирован побег военнопленных и произойдет кровопролитие, что чешские солдаты очень рады случаю посчитаться со своими пленными врагами. Зная, как чехи ненавидят мадьяр, я решил предупредить ненужный самосуд и прямо из ресторана отправился к Зеневичу. Было 12 часов ночи, и генерал уже спал. Я его разбудил, передал ему свои опасения и просил назначить смешанный караул из русских и чехов. Я извинился, что его беспокою так поздно и вмешиваюсь не в свое дело. Зеневич признал, что поступил опрометчиво, сейчас послал за командиром чешского эскадрона и командиром Томского кавалерийского полка, и в моем присутствии подписал новый приказ о конвоировании мадьяр смешанными силами под общим командованием русских. Произошел очень бурный разговор чешского офицера с Зеневичем, но в конце концов чехи должны были подчиниться.

Вернувшись из Троицкосавска, я получил долгожданный приказ о возвращении мне катера «Чайка», а также разрешение отправиться к месту моей службы в Омск. В Сельскохозяйственном институте начинались уже занятия, и я должен был спешить. Гайды уже не было в Иркутске, он уехал во Владивосток. В Омске я еще числился на военной службе при чешском штабе, но ничего не делал. При проезде же Гайды через Омск я с ним успел повидаться на вокзале и получить полное увольнение из армии. Вот и вся моя «преступная» деятельность в белой армии. Сколь ни рискован был мой поступок, как ни велика моя вина против Советской власти, однако каждый беспристрастный человек скажет, что среди чуждой мне компании, среди которой немало было авантюристов, вроде Гайды и Пепляева, а то и просто бандитов вроде атамана Красильникова, я все-таки сумел остаться человеком, таким, каким я был и какой я есть на самом деле и сейчас».⁶

Продолжая жить в Омске, Дорогостайский с нетерпением ждал случая еще раз продвнуться на восток, и он скоро представился. В январе 1919 г. Томский университет под предводительством проф. В. В. Сапожникова созвал

⁶ Из письма В. Ч. Дорогостайского в Краевую избирательную комиссию // ИГОМ, Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

съезд по организации Института исследований Сибири. Дорогостайский присутствовал на съезде, часто выступал в прениях, председательствовал на одном из заседаний, был избран в комиссию по библиографии Сибири, но, что главное, сделал доклад о Байкальской станции. Он рассказал, как создавалась КИБ, о «Чайке» и инструментарии станции и сказал, что, поскольку она основана на частные средства сибиряков, ее следует передать Институту исследований Сибири. . . В результате созданный институт выдал Дорогостайскому 10 тысяч рублей на организацию его станции. Какова была и как изменялась в последующие годы реальная стоимость этой суммы — сказать не могу.

В Томске Дорогостайский имел разговор с людьми, занятыми организацией Иркутского университета (основан в 1918 г., только гуманитарные факультеты), и договорился о приглашении в ИГУ группы преподавателей из Омска, почти достаточной для организации в ИГУ агрономического факультета. С тем вернулся в Омск. И вот уже летом 1919 г. приглашенные — В. Ч. Дорогостайский, Б. А. Сварчевский, В. А. Смирнов, С. С. Туров и многие другие энтузиасты (большинство из Казани) «на пустом месте», в условиях голода, разрухи, беззакония создают даже не агрономический, а физико-математический факультет ИГУ, свой университет, в котором работать и впредь, может быть, до конца жизни. Их силами начинает работу и Байкальская станция, но еще очень медленно: в разгаре гражданская война, деньги обесценены.

И вот передо мной один живой свидетель тех дней (помню его с детства, как и он меня) — бывший директор Зоологического музея Московского университета, а после выхода на пенсию — художник-пейзажист, Сергей Сергеевич Туров. «Помню ли Вашего отца? — говорит он. — Ну как же мне его не помнить? Очень он был общителен. Насмешлив, иногда и резковато. Дурить и подтрунивать над людьми, кажется, было его непреодолимой потребностью. Но был он очень добр и отзывчив на чужую беду». Рассказывает Туров, как они ехали, нет, не ехали, скорее «добирались» до Иркутска, кто как сумел, поодиночке. Туров добрался последним, но мысли повернуть в Москву у него не было. Прежде всего потому, что оптимист Дорогостайский очень скрашивал всем ставшую трудной жизнь. В Иркутске стали шить сапоги на продажу и иначе подрабатывать. На жалование прокормиться было невозможно.

Что же знают обо всем этом в Петрограде? Да ничего.

Почта не связывает Сибирь со столицей, люди почти не ездят. О том, что в 1918 г. от имени и на средства Академии наук В. Ч. Дорогостайский основал на Байкале Биологическую станцию, в Академии узнали из трех источников: 1. Из «Трудов Съезда по организации Института исследований Сибири», 2. Из отношения Иркутского университета, в котором тот просил Академию отдать ему в аренду принадлежащую Академии Биологическую станцию (согласие было дано), и, наконец, в подробностях — из докладной записки В. Ч. Дорогостайского в КИБ от 4 апреля 1923 г. Прочитую ее частично, так как в ней рассказывается об открытии академической Байкальской станции, событии, которое можно считать историческим.

«Считаю своим нравственным долгом осведомить Байкальскую комиссию обо всем касающемся Байкальской гидробиологической станции, принадлежащей Академии и переданной последней во временное пользование Иркутскому университету. После образования фронта между Европейской Россией и Сибирью и перерыва сношений с Академией наук, я обратился в возникший в Томске Институт исследований Сибири с ходатайством принять в свое ведение станцию со всем ее имуществом и отпустить необходимые средства для ее поддержания. Распоряжением председателя Института исследований Сибири проф. Сапожникова я был уполномочен на заведывание станцией и получил аванс в 10 000 р. Главная ценность станции катер «Чайка» оказался в весьма плачевном состоянии: при отступлении Красной армии от Иркутска мотор «Чайки» был приведен в полную негодность, многие вещи, хранившиеся в складе байкальской переправы, были разграблены. С невероятными усилиями мне удалось исправить катер, собрать остатки имущества и кое-что приобрести из научного снаряжения. Кроме того, на оставшиеся деньги я приобрел в полную собственность станции все постройки в пади Большие Коты, принадлежавшие А. А. Сибирякову и временно предоставленные станции, выкупил право долгосрочной аренды на участок земли в 12 десятин, добился распоряжения министерства Временного Сибирского правительства об учреждении заповедника вокруг станции площадью 60 000 десятин, приобрел лодку и кое-какое оборудование жилых помещений, установил постоянное окарауливание станции и пригласил временного (и бесплатного) заведующего.

С избранием меня в Иркутский университет я сделал

Здание Биологической станции в Больших Котках на Байкале.

попытку наладить исследовательскую работу на Байкале. В это время в Сибири установилась уже Советская власть. В 1920 г. мне удалось получить снаряжение и необходимые средства для экспедиции в северную часть Байкала и на оз. Фролиху, но не было главного: катер «Чайка» был взят байкальской военной флотилией (военморами), переделан в разведочный катер (на нем установлено было <нрзб> орудие, пулемет и проч.). В июне мне удалось добиться его возвращения. Но получил я его в ужасном виде, имущество и снаряжение вторично было разграблено, мотор испорчен и т. п. С громадным трудом приведя все в порядок, я собирался отплыть с четырьмя помощниками на север Байкала, как вдруг накануне отъезда меня арестовали и посадили в тюрьму, а катер снова был взят военморами. Университету удалось катер вернуть, но имущество (чалки, инструменты, матрацы, занавески и другие предметы, бывшие на катере, уже почти готовом к отплытию) **в третий раз** исчезло.

Осенью 1920 г. я был освобожден⁷ и снова мог при-

⁷ Моя мать рассказывала, что ей удалось освободить мужа от этого ничем не обоснованного ареста с помощью одного из членов семьи писателя Л. Н. Толстого, с которой она была с детства знакома (соседи по имениям).

няться за налаживание станции. К лету удалось организовать стационарную работу (работали: С. С. Туров — по инфузориям Байкала, К. Л. Френкель — по паразитам рыб и других животных, профессор В. И. Смирнов, преподаватель В. Н. Яснитский и студенты — по ботанике, и др.) и, кроме того, удалось приступить к осуществлению задуманной мною экспедиции на оз. Фролиху. Весна 1921 г. прошла в исправлении катера и снаряжении экспедиции, но такова видно судьба «Чайки»! За три дня до отплытия ее снова реквизировали. На этот раз она взята была «Губрыбой». После долгих хлопот мне удалось «Чайку» возвратить и выехать на Фролиху. Экспедиция благополучно закончила свои исследования, участниками ее были сделаны доклады, и материалы, привезенные с Фролихи, сейчас разрабатываются. В прошедшем 1922 г. мне удалось наконец приступить к давно задуманным планктонным исследованиям на Байкале. . . Весной 1922 г. физико-математическое отделение, в ведение которого станция непосредственно перешла, сочло нужным избрать новое лицо для заведывания делами станции».⁸

Далее В. Ч. описывает, как по неопытности и нерасторопности нового заведующего «Чайка» не была вовремя вытащена на берег осенью и, когда ударили морозы, она накрепко вмерзла в лед. Несмотря на все усилия, отдолбить громадные глыбы льда не было никакой возможности и под Новый год при рекоставе она была залита водой и исчезла подо льдом. «Удастся ли спасти корпус „Чайки“ от раздавливания льдом, я определенно сказать не могу», — писал Дорогостайский. Весь текст записки написан аккуратным почерком чернилами, но в конце, ниже подписи, сделана приписка карандашом и, как видно, в спешке: «Чайка» мною извлечена без особых повреждений».⁸

Еще в докладе на съезде в Томске Дорогостайский говорил, что «юридически это учреждение не оформлено, так как выработанное положение о станции и ее штаты не успели пройти через законодательные учреждения. . .», и Институт исследований Сибири не принимал ее юридически, он лишь выдал единовременное пособие, а выработанную Дорогостайским и до сих пор хранящуюся в Иркутском архиве⁹ подробную смету на содержание станции только «пришил к делу». И эта юридическая неоформ-

⁸ ЛО ААН СССР, ф. 74, оп. 1, ед. хран. 13, л. 1.

⁹ ГАИО, ф. 565, оп. 2, д. 49.

ленность станции вызвала массу неприятностей и для станции, и для Дорогостайского. Она была отдана и принята в аренду на три года как реально существующее учреждение, сторонами был поставлен ряд условий аренды, в архивах имеется соответствующая переписка, но вот финансовой стороны дела она мало касается, а если нужно, используется факт юридической неоформленности. Короче говоря: финансировать станцию ни то ни другое учреждение не хотело (или не могло), но работу и ее результаты требовало (или как со «своей», или как с «арендованной»). Все это мучило и терзало Дорогостайского (у которого и без того была масса забот в университете).

Трудно описать все эти муки лучше, чем это сделано у самого В. Ч. в письме Н. В. Насонову от 31 мая 1924 г. Привожу выдержки из него: «. . . Так как все сношения с Академией и Главнаукой по вопросу о Байкальской гидробиологической станции не приводят ни к чему, то я позволю себе беспокоить Вас и сообщить о положении дел. Глеб Юрьевич сообщил Сварчевскому, что смета станции прошла (не помню где), но фактически ни копейки на это дело не получено. Из средств Биолого-географического института ничего взять нельзя, т. к. на все разделы имеется 12 руб. в месяц. Я не раз обращался и к Сварчевскому и к ректору и указывал на необходимость изыскать средства на ремонт зданий, катера, организационных исследований на станции, но всегда от них получал резонный ответ: где же взять средства? С 1-го марта сего года станция должна снова перейти в ведение Академии наук, но фактически все имущество и особенно катер „Чайку“ по-прежнему приходится охранять мне. Я делаю что могу все время, тратя свои личные средства. Осенью „Чайка“ была разоружена, вытащена на берег и охранялась мною в течение всей зимы. Я, конечно, не мог все время сидеть в катере, и зимой уличные мальчишки выбили стекла в каюте < . . > Это подало повод судовому надзору составить на меня протокол за небрежное хранение вверенного мне имущества (я бы сказал — брошенного на произвол судьбы, кем — я не стану пояснять). Все мои объяснения не привели ни к чему, и мне категорически было заявлено, что если к 1 июня катер не будет отремонтирован, то я буду предан суду по какой-то там статье, карающей тремя годами принудительных работ < . . > Биолого-географический институт ввиду необходимости отремонтировать катер отпустил мне 10 руб., которых хватило лишь на 1/2

потребной краски и олифы (всего на краску затрачено 22 руб.). Ниоткуда на этот раз денег мне достать не удалось. Пришлось затрачивать свои (из нищенского оклада и проданных вещей), сделаться на время маляром и стекольщиком и слесарем. Сегодня 31 мая я свое слово по отношению к судовому надзору сдержал: „Чайка“ выкрашена, мотор отремонтирован, и она спущена на воду, причем спуск пришлось мне произвести втроем, нанимать рабочих не по карману. Осталось только вставить стекла. Когда я после спуска пришел вечером домой, совершенно измученный и физически и нравственно, то меня дома ждало еще новое испытание: пришел профессор Сварчевский и показал мне только что полученную бумажку из Управления Сибпароходством, в котором без объяснения причин предлагается приготовить все к сдаче „Чайки“, т. к. 5 июня она будет из университета реквизирована, национализирована или что-то в этом духе (. . .) не помню, какое название употреблено в этом „документе“. Повторяется таким образом каждый год старая история: как только с величайшими трудностями все приведешь в порядок, спустишь „Чайку“ на воду, является какой-нибудь сильный претендент на нее, то Губрыба, то Гублес, то Военмор, то Руквод, а в этом году Сибпароходство. . .

У меня чаша терпения переполнилась, дальше я не могу ни тратить своих денег, ни трепать свои нервы. Вот благодарность за все труды и хлопоты, которые я с 1916 г. несу из-за «Чайки» и станции. Но это бы еще ничего, попасть под суд, на черную доску или куда там еще — меня это мало трогает. Но, и это мне больнее всего сознавать, — как я узнал от приехавшего в Иркутск зоолога Виноградова, — оказывается, Байкальская комиссия недовольна нами за бездействие. О каких исследованиях может идти речь, когда мы не получили за все пять лет существования университета на станцию ни копейки (хотя были исписаны горы бумаги), ни одного инструмента, ни даже пробирки? Плюс к этому ежегодные поползновения то на «Чайку», то на здание станции (были и таковые). Я под влиянием всего переживаемого (и не только из-за «Чайки» и станции, но и из-за питомника чернобурых лисиц, который тоже лежит на моих плечах) пришел, наконец, в такое состояние, что решил: если 5 июня из Сибпароходства придут отбирать «Чайку», то части мотора побросаю в реку, а корпус взорву или сожгу, и пусть меня судит лучше Академия наук, чем отдать дело

своих рук этим < . . . > Такова действительность, и вот, как бы в насмешку над ней, вчера мы сидели и целый вечер сочиняли план исследований на 1925 г. по требованию Госплана или Главнауки, не могу точно сказать, т. к. был невнимателен, по опыту зная, что все равно из этого кроме бумагомарательства ничего не выйдет. Я сказал все, больше мне нечего добавить. Не знаю, как будете реагировать на это лично Вы и Байкальская комиссия, и не дерзаю подсказывать Вам образ действий; об одном только прошу: снимите с меня ношу; которая мне становится не под силу». ¹⁰

Комиссия реагировала таким образом: Н. В. Насонов отказался от должности председателя КИБ, его заменил академик П. П. Сушкин; секретарем стал Г. Ю. Верещагин; из его письма к Дорогостайскому видно, что он энергично взялся за дело. Наступил новый период существования Байкальской биологической станции — период ее «воссоединения» с Академией наук, т. е. юридического признания факта принадлежности станции к Академии, давно всем известного, на основании которого шла совершенно официальная переписка между различными учреждениями.

КИБ постановила просить Г. Ю. Верещагина съездить в Москву и там лично договориться о работе станции на Байкале. Он привез известие, что в Главнауке предполагается даже расширение станции и против ее связи с Академией в смысле программы и характера работ возражений не возникает. Однако в 1924—1927 гг. Байкальская станция с Академией воссоединена еще не была. По этому поводу шла переписка, и в ЛО Архива АН СССР хранится множество документов, суть которых сводится к следующему: Байкальская биологическая станция, основанная несколько лет тому назад В. Ч. Дорогостайским от имени и на средства Российской Академии наук, в настоящее время фактически существует, но формально не существует, формально финансируется, но фактически не финансируется, фактически работает, но формально находится в «анабиотическом состоянии», формально ее нужно «воссоединить с Академией», но фактически этого нельзя сделать из-за трудностей со сметами, и, наконец, «нужно основать постоянную гидробиологическую станцию на оз. Байкал» — круг замкнулся. И пошел разговор об основании давно основанной станции.

¹⁰ ЛО ААН СССР, ф. 74, оп. 1, ед. хран. 19, л. 8—9.

Видя, что этому конца не будет, Верещагин стал хлопотать в Постоянной экспедиционной комиссии АН об организации новой экспедиции на Байкал сроком на пять лет. В декабре 1924 г. он поехал в Иркутск для выяснения обстановки на месте, для того чтобы заручиться обещанием о помощи у В. Ч. Дорогостайского и попытаться достать дополнительные ассигнования от Бурят-Монгольской АССР. Дорогостайский, конечно, обещал сделать все, что мог — ведь это для его, им основанной станции, для его, им построенной «Чайки»! Вот передо мной их переписка. Приведу два отрывка из писем:

1. Верещагин — Дорогостайскому:

«. . . Очень прошу Вас, Виталий Чеславович — при всем ремонте „Чайки“ делать лишь то, что является совершенно необходимым, т. к. Вы сами понимаете, что при тех скудных средствах, которыми располагает экспедиция, каждый рубль важен; но Вам, конечно, самим прекрасно видно, что нужно, а без чего можно обойтись, так что это всецело на Вашем усмотрении. . .».¹¹

2. Дорогостайский — Верещагину:

«. . . Мотор давно уже отдан в ремонт (. . .) и значительная доля работ выполнена. С ремонтом корпуса дело обстоит хуже: никак не удается найти специалиста-лодочника (. . .) Приискиваю для Вас моториста (. . .) Очень затруднительно все налаживать, особенно когда не имеешь времени и достаточных средств (. . .) Не скрою, что очень затруднительно оставаться на лето без „Чайки“, тем более что институт [Биолого-географический при ИГУ. — Е. Д.] энергично принялся за налаживание Биологической станции, потеряв всякую надежду на Байкальскую комиссию. Очень печально, но среди членов Института раздавались голоса об оставлении „Чайки“ на лето при станции. Но пока, к счастью для Вас, Б. А. Сварчевский, С. И. Тимофеев, я и другие биологи на Вашей стороне и вопрос о „Чайке“ решен в благоприятном смысле. Худшее направление приняло дело с организацией постоянных пунктов наблюдения (годовых) в разных частях Байкала. Дело это важное, но оно потребует от Института больших средств (рублей 600). . .».¹²

Позднее К. И. Мейер, член экспедиции Верещагина

¹¹ ИГОМ. Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

¹² Цит. по: Голенкова А. И. Следопыты Байкала. М., 1973. С. 137.

Белый домик в Иркутске, где жил Дорогостайский и некоторое время находилась база экспедиции КИБ 1925—1929 гг.

1925—1929 гг., писал: «... В. Ч. Дорогостайскому, сделавшему за это время профессором нового Иркутского университета, удалось сохранить от всех невзгод „Чайку“». В этом неоспоримая громадная заслуга В. Ч. Дорогостайского, ибо без „Чайки“ не было бы и экспедиции Академии наук 1925—1929 гг., не было бы, следовательно, настоящей работы и ряда других работ участников ее, да и все изучение Байкала и организация Биологической станции были бы отложены на неопределенное время».¹³

Экспедиция 1925 г. состоялась. Дорогостайский помогал ей во всем — подыскивал мотористов, лоцманов, матросов, лаборантов, иногда ремонтировал и хранил «Чайку». Обычно в начале лета появлялся у нас Глеб Юрьевич — оживленный, шумный с кучей ленинградских новостей. Тотчас освобождалась одна из комнат нашей иркутской квартиры с отдельным ходом на улицу, и в этой комнате Г. Ю. и его спутники ночевали, а на следующий день начинали таскать в эту комнату ящики, коробки, мешки — шла заготовка провианта для экспедиции. По вечерам пили чай у нас, вели экспедиционные разговоры.

¹³ Мейер К. И. Введение во флору водорослей озера Байкал // Бюл. МОИП. Отд. биол. Нов. сер. 1930. Т. 39, вып. 3—4. С. 180.

Однажды утром весь запас грузили на «Чайку» — она стояла тут же, под окнами (мы жили на Набережной улице) и вскоре отчаливала вверх по Ангаре к Байкалу. Иногда и В. Ч. плывал на «Чайке» по Байкалу, а мы, семья его, каждое лето проводили в Больших Котах.

Что же было в Котах? Да та Биологическая станция Иркутского университета, которая «отпочковалась» как бы от станции Академии наук, получив часть инвентаря, лодку, а также заведующего, которым некоторое время был Дорогостайский, вскоре передавший эту должность ботанику Владиславу Николаевичу Яснитскому. Его сменяли другие, пока, наконец, не «дорос» до этой должности аспирант Дорогостайского Михаил Михайлович Кожов, который после ареста в 1937 г. Дорогостайского стал считаться основателем этой станции, да и теперь еще многими считается (я такое мнение слышала в Ленинграде, Иркутске и в Котах, последний раз в Котах, в 1987 г.).

Но где же обосновалась экспедиция Верещагина? Она плавала на «Чайке» по всему Байкалу, а свою базу имела на ж.-д. станции Маритуй на юге северо-западного берега Байкала, где арендовала здание у железной дороги. В 1928 г. постановлением Совнаркома СССР она была объявлена Лимнологической станцией АН СССР и перенесена в с. Лиственничное (КИБ была ликвидирована в 1928 г.). В этом же году был выстроен по проекту Д. В. Дорогостайского (сына В. Ч.) новый катер станции, названный «Бенедиктом Дыбовским».

Научно-исследовательская деятельность

Две основные линии проходят через всю многообразную научно-исследовательскую деятельность Виталия Чеславовича — орнитология и изучение амфипод (гаммарид, по-русски бокоплавов). И та и другая линия тянется почти с гимназических лет, то ослабевая, то становясь яркой, доминирующей. Первая особенно проявилась в период монгольских экспедиций, когда было опубликовано несколько статей по птицам. Однако это был еще период чистого «собираательства», накопления образцов и небольших, не связанных особо друг с другом фактов — естественный ход начинающегося исследования. Как он проходил?

Кроме специальных поездок, о которых говорилось выше, — постоянная ежегодная охота. У зоолога никогда не разделяются охота за дичью и охота за несъедобными, чисто научными объектами. Сборы тщательно препарировались и передавались в музеи: ВСОРГО, Зоологический музей Академии наук и музеи Иркутского и Московского университетов. Была и личная, домашняя коллекция, очевидно, содержащая сомнительные, «критические» — так он их называл, экземпляры. Разумеется, была картотека, список всех встреченных в природе птиц. Кроме своих сборов, использовался и фонд музея ВСОРГО, перечень экземпляров птиц которого он составил еще на первом курсе университета. В дальнейшем он постоянно приводил в порядок орнитологическую (и ихтиологическую) коллекции этого музея, а 17 октября 1912 г. на заседании распорядительного комитета ВСРГО было постановлено «напечатать в 43-й книге „Известий“ орнитологический каталог музея, составленный В. Ч. Дорогостайским, и сделать 50

отдельных его оттисков». ¹ 26 февраля 1914 г. там же было заслушано и принято к сведению письмо В. Ч. Дорогостайского от 14 февраля с уведомлением, что он согласен принять на себя труд по наблюдению за печатанием в Москве составленного им орнитологического каталога музейных пернатых». ²

О сборах Виталия Чеславовича более позднего времени, хранившихся в Иркутском университете, приведу воспоминание его хорошего знакомого и ученика Василия Николаевича Скалона: «Когда в 1931 г. он (В. Н. Скалон) впервые ознакомился с коллекциями Иркутского университета, в них было множество шкурок, виртуозно приготовленных самим В. Ч. за десятилетия его интенсивного труда. Позднее их не стало. Дело в том, что на некоторое время В. Ч. оставлял университет ³ и его сборы подверглись уничтожению. Сохранилось упоминание о жалобах В. Ч. на то, как безжалостно отнеслись к результатам его труда, и его обещание не давать больше своих сборов в это хранилище. . . Много шкурок птиц, сборов В. Ч., имелось в богатых коллекциях Восточно-Сибирского ВНИПО (ВНИО, ВНИИЖП), ⁴ в работе которого он принимал участие. Все эти сборы впоследствии были проданы бывшим директором И. А. Шергиным Бурятскому педагогическому институту, где и погибли полностью» (цит. по: Гагина, 1962, с. 72).

Долгие годы трудился В. Ч. Дорогостайский над монографией «Птицы Иркутской области». Знакомый с рукописью В. Н. Скалон сообщил, что это был труд капитальный. По многим видам была детально прослежена биология, собраны фенологические данные за десятилетия. Особенно интересными были сведения о почти полувекowych изменениях ареалов птиц, полученные путем личных наблюдений, а также от многочисленных корреспондентов. Значение этого труда переоценить невозможно. И вот его нет. . . Иркутские зоологи говорят, что это громадная, невосполнимая утрата.

Как же это могло случиться? Я знаю по переписке отца, что рукопись монографии была перепечатана и отец послал ее лично Н. В. Насонову для опубликования в трудах

¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 338, л. 38.

² ГАИО, ф. р-525, оп. 1, д. 24, протоколы заседаний ВСОРГО.

³ Вернее сказать: «его принуждали оставить». — Е. Д.

⁴ ВНИПО — Всесоюзный научно-исследовательский институт пушно-мехового и охотничьего хозяйства.

Зоологического музея, но Насонов почему-то вернул ее. К ней было приложено большое количество чрезвычайно аккуратно и художественно выполненных Дорогостайским акварельных рисунков птиц (несколько образцов сохранилось). Доцент кафедры зоологии беспозвоночных Иркутского университета Р. А. Голышкина рассказала мне следующее: когда в 1937 г. В. Ч. был арестован, все принадлежавшие ему и хранившиеся на кафедре зоологии позвоночных вещи, рукописи, книги были без разбора вывалены кучей во двор университета, как если бы В. Ч. болел чумой или холерой. Знакомая Голышкиной увидела в куче какой-то альбомчик и, не зная, что это такое, принесла его Голышкиной. Та определила, что это один из альбомов зарисовок Дорогостайского по гаммаридам, и с тех пор он находится на кафедре. Не там ли была и рукопись по птицам, почти наверняка там. Уезжая из Иркутска на работу в Алма-Ату, он взял с собой только черновой, рукописный вариант ее, где я его и нашла. Я же в 1940 г. при отъезде по договору на Север оставила его в самом верном, казалось бы, месте, но там прошла война.

«Как ни скромны публикации о птицах, принадлежащие В. Ч. Дорогостайскому, имя его как крупнейшего знатока пернатых и руководящего деятеля в области сибирской орнитологии начала XX века сохранится навсегда», — писала орнитолог Т. Н. Гагина (1962, с. 74).

Теперь о гаммаридах. Еще в начале века, собирая материал по водорослям Байкала, Дорогостайский убедился, что гаммариды являются одной из самых богатых видами групп животных Байкала. Это вызвало у него интерес к гаммаридам и, может быть, предчувствие возможности научных открытий. Окончательно решив заняться гаммаридами, он сконструировал особый, наиболее удобный для их ловли вид драги (см. с. 47). Оригинальной чертой методики Дорогостайского была обязательная зарисовка каждого приводимого им вида в акварели. Эскиз всегда делался на месте, с живого рачка, так как при отмирании (не говоря уж о фиксации) их окраска сильно изменялась. Это было очень важно, ибо именно цвет гаммариды является одним из систематических признаков. Два предшествующих исследователя — Дыбовский и Гаряев — тоже отмечали цвет тела и глаз гаммарид, но лишь словесно. Остальные карцинологи (до Дорогостайского) описывали новые виды по фиксированному, обесцвеченному материалу.

Немного истории. Первые сведения о гаммаридях Байкала — у Палласа (1772—1773 гг.); им описаны три вида. В 1858 г. Герстфельд привел описание шести видов, собранных Мааком в р. Ангаре близ Иркутска (позднее обнаружены в Байкале). Зоолог Г. Радде, обследовавший Байкал летом 1855 г., не описал из него ни одного ракообразного, хотя сообщил, что видел их. В 1861 г. он в отчете категорически высказался о бедности Байкала низшими беспозвоночными.

В 1869 г. на Байкале оказались ссыльные поляки Б. Дыбовский и В. Годлевский. Дыбовский был первым серьезным исследователем фауны Байкала. В монографии по гаммаридам Байкала он писал: «Когда мы в первый раз коснулись берегов озера Байкал, мы мало надеялись найти в нем богатую и разнообразную фауну низших беспозвоночных животных. . . Однако одно лишь беглое исследование, предпринятое нами зимой 1869 г. вдоль юго-западного берега озера, убедило нас в ошибочности прежних показаний. . . Из ракообразных виды, описанные Палласом и Герстфельдом, до сих пор также не были найдены в других местностях».⁵ Дыбовский установил большую степень эндемичности байкальской фауны и считал, что чрезвычайная изменчивость гаммарид наряду с их обилием делает таксономическую характеристику этой фауны еще преждевременной. «Поэтому, — писал он, — а также по неимению необходимых литературных пособий, добыть которых мы не могли, мы сделали искусственное синоптическое подразделение видов, чтобы облегчить их определение».⁶ Всех гаммарид Байкала Дыбовский подразделил на два рода: *Gammarus* и *Constantia* — описанный им род с одним лишь видом. Зато он выработал подробнейшую терминологию для описания гаммарид и описал 115 видов рода *Gammarus*. Привел подробные таблицы измерений с указанием глубины, где «водится» каждый вид, но нет указаний на местонахождения видов.

В дальнейшем за рубежом были сделаны две попытки классификации байкальских гаммарид на основании данных Дыбовского. Одна — А. Делла-Валле (1893 г.), неудачная. Он не признал описанные Дыбовским виды и их названия отнес к синонимам уже известных видов. Дру-

⁵ Ды б о в с к и й Б. И. Гаммариды озера Байкал // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1875. Т. 6, вып. 1—2. С. 11.

⁶ Там же, с. 12.

гая — П. Стеббинга (1899 г.), дает более определенную таксономическую картину байкальской карцинологической фауны. Он разделил род *Gammarus* на 20 родов, из которых только 4 были известны ранее, а 16 установлены им.

Следующим предшественником Дорогостайского в деле изучения байкальских гаммарид стал В. П. Гаряев, который использовал не только сборы и наблюдения на первой байкальской зоологической станции (частной), но и данные большой экспедиции А. А. Коротнева (1900—1901 гг.). Тщательно обработав материал, Гаряев убедился, что, вопреки Дыбовскому, гаммарид Байкала можно отнести к трем семействам: *Eugammarinae*, *Rachygammarinae*, *Acanthogammarinae*. Подразделить далее он решил лишь последнее семейство — вооруженных гаммарид, выделив в нем четыре рода, включающих 41 вид. Всего же им было собрано 112 видов гаммарид, из них 62 — новые для науки (описанные им или намеченные к описанию).

Систематикой всех собранных к его времени байкальских гаммарид занялся В. К. Совинский, сам никогда на Байкале не бывавший. Он использовал для этого коллекции Иркутского и Петербургского музеев, экспедиции Коротнева и все сборы Гаряева. Его большой двухтомный труд «*Amphipoda* озера Байкал (*Gammaridae*)» вышел в 1915 г. в Киеве.

Мы видим, таким образом, что ко времени Дорогостайского систематика байкальских гаммарид была уже довольно хорошо разработана нашими карцинологами (Дыбовский, Гаряев, Совинский), а частично и зарубежными (Делла-Валле, Стеббинг); на характер их вертикального распределения в Байкале указывали Дыбовский и Гаряев (отрывочные данные); некоторые данные по горизонтальному распределению 29 видов даны Гаряевым. Вследствие этого Дорогостайский избрал иное направление исследований, о чем писал сам: «Предпринимая свои исследования над водной фауной из Байкала, главной целью я ставил возможно подробное изучение влияния окружающих условий на организацию животных и распределение видов в пределах самого озера, а также и вне его, в озерах и реках, находящихся с ним в связи. Изучение систематики представителей байкальской фауны, таким образом, отходило на второй план. Поставя себе подобную задачу, я постарался посетить ряд пунктов, различных

по своим физико-географическим условиям. В этом отношении наибольший интерес для меня представляла дельта р. Селенги и воды Байкала, непосредственно к ней примыкающие» (1922, с. 106). Дело было в том, что в районе устья р. Селенги Дыбовским был установлен факт значительной изменчивости байкальских гаммарид под влиянием условий, но отмечен лишь бегло. Дорогостайский же провел исследования тщательные и выявил на многих примерах ряд фактов, позволивших установить некоторую закономерность, которой подчиняется их организация под влиянием среды. Факторы среды, в отличие от остальной акватории Байкала, таковы: дно песчано-илистое, температура воды более высокая, глубина незначительна, прозрачность воды очень мала и (вероятно) иной химический состав воды. Интересным было то, что отклонения в цвете и форме различных частей тела у встречавшихся там разновидностей типично байкальских видов были одного и того же порядка даже в самых отдаленных систематических группах гаммарид, например блёклость окраски, укороченность выростов на теле наряду с большей шероховатостью и волосистостью тела, меньшая длина ног и др. Найденные в дельте Селенги формы нигде в других частях Байкала не встречены, но там почти не было видов, обычных в других местах.

Основная масса сборов гаммарид была сделана Дорогостайским в 1915 г. во время его предварительной поездки по заданию Академии наук. Работал он тогда с гребных лодок, что было ему привычно, ничем не был связан при выборе маршрутов, пожаловаться можно было разве только на недостаток оборудования. Обработку сборов производил в 1915/16 г. в Москве и уже тогда подготовил к печати две главные статьи по гаммаридам: «Материалы для карцинологической фауны озера Байкал» (опубликованы лишь в 1922 г.) и «О фауне ракообразных реки Ангары» (1916). В 1916 г. ему удалось (как и в 1915) посетить лишь южную и среднюю части Байкала, он же стремился в северную, где, как он знал, условия существования фауны несколько отличны. Судьба препятствовала исполнению этой его мечты и в 1917 г., и, как мы знаем, в последующие годы, вплоть до 1921 г. В 1915—1916 гг. он определил и зарисовал в акварели более 120 видов и обработал группу вооруженных гаммарид (*Acanthogammaridae*) — 43 вида и разновидностей, из них 11 — новые для науки.

Исследуя фауну прибайкальских озерков и «соров» (мелководных заливов), Дорогостайский подтвердил положение Дыбовского о том, что «фауна Байкала преращается непосредственно за нынешними границами самого озера», ибо эти озерки имели совершенно другой набор гаммарид. Привел даже исключение, подтверждающее правило: в соре Провал, где глубина достигала 2—3 сажен, он нашел несколько типичных байкальских видов.

Формы гаммарид, найденные Дорогостайским в те же годы в р. Ангаре (на протяжении от Байкала до Иркутска), опубликованы им в отдельной статье (так же как и у Дыбовского). К сожалению, у Дыбовского приведен лишь список 42 видов, собранных им в Ангаре, но не их описания, что затруднило сопоставление этого списка с 28 гаммаридами, найденными в Ангаре Дорогостайским, и большинство видов предстояло открывать заново. Зато с положением Дыбовского, что ангарские гаммариды являют собой видоизмененные байкальские виды с большой неустойчивостью видовых признаков, Дорогостайский на основе своих исследований вполне согласился. Он лишь подверг сомнению предположенную Дыбовским причину этих изменений — очень сильное течение воды, поскольку им и в дельте Селенги со слабым течением наблюдались те же направления видовой изменчивости. В статье о гаммаридах Ангары Дорогостайским установлен новый род *Fluviogammarus* и 5 новых видов.

Еще один новый род — *Spinacanthus*, 13 видов и 2 разновидности были установлены Дорогостайским к 1926 г., но опубликованы им лишь в 1930 г. в статье «Новые материалы для карцинологической фауны озера Байкал». Последней работой его по гаммаридам является статья «Гаммариды Баргузинского залива» (1936), написанная им по материалам экспедиции его ученика М. М. Кожова. В ней он определил 53 вида, 8 разновидностей и описал один новый вид.

Остается сказать несколько слов о рисунках Дорогостайского, их судьбе. Он насчитывал для Байкала 225 форм гаммарид; сколько рисунков он выполнил для задуманного им атласа, точно неизвестно, но было их очень много, близко к этому числу. В те годы в нашей стране очень трудно было издать и черно-белый атлас, а о цветном и думать нечего. Поэтому он обратился в 1926 г. с просьбой о помощи в г. Львов, к тепло к нему относившемуся проф. Б. Дыбовскому («Высокоуважаемый и для меня дорогой

спутник по дороге познания фауны святого оз. Байкал» — так обращался к нему Дыбовский).

Вот отрывки из переписки этих двух ученых, опубликованной частично в моей статье (Дорогостайская, 1978, с. 271):

Дыбовский — Дорогостайскому: «...Издание альбома Байкальский гаммарид. Получив карточку с прекрасно исполненным портретом *Brachyuropus Nasonowi*, я послал через моего зятя, чтобы он испросил у специалистов, работающих в институте *Ossolineum* при отделке клише, возможно ли будет сделать артистическое колвориренное клише по присланным образчикам (...). Меня радует мысль об издании столь прекрасного альбома (...). Я в настоящее время сообщаю Вам только следующее: в ответ от разных лиц, к которым я обращался по поводу приготовления клише для Вашего альбома, получен мною от д-ра Дудихи из Будапешта такой, который, как мне кажется, достоин внимания».⁷

Дорогостайский — Дыбовскому: «...Очень Вас благодарю за присланные мне справки и прекрасную таблицу в красках. Буду ходатайствовать об отпуске средств перед Академией наук на издание моего альбома байкальских гаммарид и готовить издание к печати. Д-ру Дудихе я напишу особо...».

Дыбовский — Дорогостайскому: «...С искренней радостью сообщаю Вам, что пробные чертежи вышли превосходно, а здешние формы у них, что лучшими быть не могут. Пробу сделали бесплатно. Оставляя ответ по иным делам, спешу уведомить Вас о благополучном окончании наших стараний по возможности издания Вашего прекрасного альбома... Если бы мне было дано любоваться красотой байкальских *Gammarid*, представленной в Вашем альбоме, я был бы бесконечно рад». И что же? Публикация не состоялась. Почему — можно только догадываться. Ее можно было бы осуществить и теперь, если бы... Если бы проф. Дорогостайского не репрессировали в свое время, а вещи его, выброшенные на свалку, не растаскали по частям. Несколько десятков рисунков выгорают и сейчас на стендах музеев Иркутска и Байкала.⁸

⁷ Здесь и далее письма Дыбовского даются в орфографии автора.

⁸ Когда я в 1976 г. впервые пришла в Музей байкаловедения ИГУ и, увидев там большое количество застекленных акварельных рисунков гаммарид, спросила, кто их исполнял, никто мне с уверенностью

В статье Дорогостайского о гаммаридах, законченной еще в 1916 г., имеются две многозначительные фразы, являющиеся наметкой, несмелым еще шагом к гипотезе, о которой скоро будет речь. Вот первая фраза, ведущая к отрицанию всех господствовавших тогда «реликтовых», «морских» гипотез происхождения байкальской фауны: «Нельзя упускать из вида, что фауна Байкала настолько оригинальна, так велико здесь количество эндемичных форм, что сравнение ее с фаунами других водоемов весьма затруднительно и едва ли может привести к определенным выводам относительно ее происхождения».

И вот вторая фраза, ведущая к утверждению Дорогостайским своего взгляда на происхождение байкальской фауны: «Изучение же изменений в организации животных в связи с внешними условиями, хотя и не объяснит всего, но, мне кажется, может пролить некоторый свет на загадочное пока прошлое этого единственного в своем роде пресноводного бассейна» (Дорогостайский, 1922, с. 110).

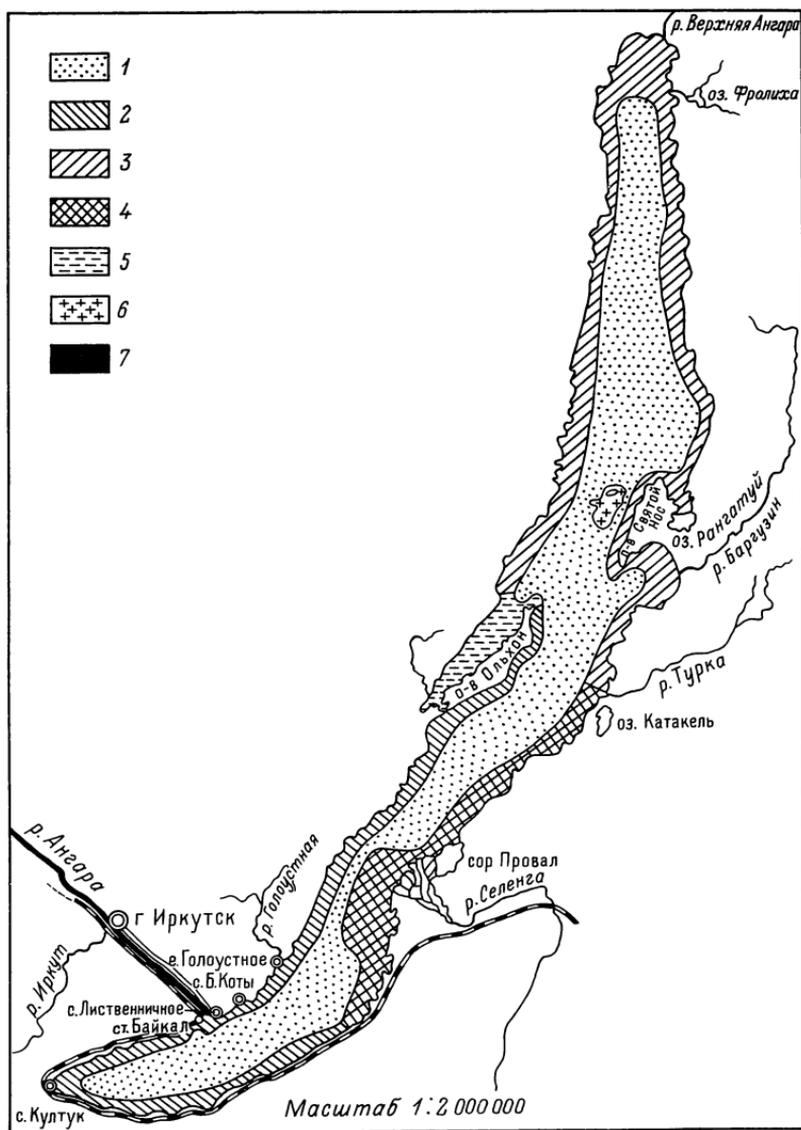
Итак, ученый решил предпринять тщательное наблюдение за тем, какие изменения претерпевает один и тот же вид в разных районах озера, в различных экологических условиях. А также второй вид, третий и т. д. И на разных глубинах. При этом обнаружилось, что в Байкале имеется много видов гаммарид, определенные постоянные разновидности которых обитают только в одном из его районов. Это открытие послужило Дорогостайскому основой для районирования озера. Поскольку Л. С. Берг, основываясь на высокой степени эндемизма байкальской фауны, выделил Байкал в особую зоогеографическую подобласть, Дорогостайскому пришлось свои более мелкие подразделения назвать «провинциями».

До того было две попытки деления Байкала на районы — Линдгольма в 1909 г. (6 районов) и Совинского в 1915 г. (3 района); у обоих это были искусственные, никак не охарактеризованные единицы. У Дорогостайского же это хорошо продуманное подразделение, настоящее зоогеографическое деление, основывающееся на распределении всех групп животных Байкала, главным образом

не ответил. Тогда я попросила преподавателя Р. А. Голышкину вскрыть рисунки. На обороте двух из них мы увидели собственноручную надпись В. Ч. Дорогостайского: название гаммариды, место сбора, обилие, характеристику местообитания, замечания по экологии. Остальные рисунки мы не тронули. Они и сейчас там, но сильно выгорели. И новый экскурсовод в 1987 г. по-прежнему не ответил мне на вопрос об авторе рисунков.

гаммарид, как группы наиболее к тому времени изученной и одной из самых многочисленных. Вот что сам он писал о принципах этого деления: «Прежде всего необходимо проследить, насколько это возможно, границы распределения отдельных видов, особенно видов с узким распространением. Затем выяснить распределение по озеру местных (географических) разновидностей в пределах вида и, наконец, изучить общий характер фауны возможно большего числа пунктов озера. В течение своих пятилетних с лишком исследований фауны Байкала я придерживался этого плана и, я полагаю, мне удалось найти ряд форм, которые можно считать руководящими в подразделении озера на низшие зоогеографические единицы. Самыми надежными, конечно, в этом отношении являются географические разновидности одного и того же вида. Среди гаммарид таких форм в Байкале оказалось довольно много» (Дорогостайский, 1923, с. 116). Было выделено семь провинций, с не очень определенными границами: 1. Центральная, 2. Южная, 3. Северная, 4. Селенгинская, 5. Маломорская, 6. Островная, 7. Ангарская (р. Ангару он считал в фаунистическом смысле непосредственным продолжением Байкала). Каждая провинция охарактеризована кратко с физико-географической стороны и с ботанической, но более подробно — с зоологической (по своим и литературным данным). Озера и лагуны (соры), находящиеся в системе вод Байкала, Дорогостайский не отнес к Байкальской провинции, так как их фауна не имеет почти никакого отношения к байкальской. В них наблюдаются виды, широко распространенные по Палеарктике или даже по всему земному шару.

Фауна гаммарид обнаружила различия и по отношению к глубинам озера, почему оказалось возможным выделить несколько вертикальных зон Байкала: 1) литоральную (0—5 м), 2) сублиторальную (5—50 м), 3) переходную (50—300 м), 4) глубоководную (300—1800 м) и 5) открытые воды озера, охарактеризовав их подобно горизонтальным провинциям. К статье приложена карта зоогеографических провинций оз. Байкал. К сожалению, эта первая в науке попытка серьезного деления Байкала на провинции была сделана в чрезвычайно трудных материальных условиях. Сократив рукопись насколько возможно и с большим трудом собрав средства, Дорогостайский издал основной труд своей жизни — «Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал» (1923) в выходящих

Карта зоогеографических провинций оз. Байкал.

1—7 — провинции: 1 — Центральная, 2 — Южная, 3 — Северная, 4 — Селенгинская, 5 — Маломорская, 6 — Островная, 7 — Ангарская.

ничтожным тиражом маленьким форматом на серой бумаге „Трудах профессоров и преподавателей Иркутского университета“, и статья эта чуть ли не сразу стала библиографической редкостью, почти не найдя отражения в литературе о Байкале. Всего лишь на 22 страницах изложил В. Ч. свое зоогеографическое районирование Байкала и еще менее, 5 страничек, уделил он своей оригинальной, новой по тому времени гипотезе происхождения байкальской фауны.

При рассмотрении своеобразной фауны Байкала всем зоологам бросалось в глаза наличие у многих животных черт строения, свойственных их морским аналогам. Это наталкивало на поиски их «родичей» среди животных, населяющих моря, и даже на трактовку Байкала как «реликтового озера», бывшего когда-то частью моря. Какого моря? Первым на этот счет высказался немец О. Пешель в 1870 г., предположив, что Байкал был когда-то фиордом Северного Ледовитого океана. Другой немец Р. Гернес считал его восточным окончанием древнего Понтийско-Сарматского моря. Были предположения о родстве Байкала с Тихим океаном (Дыбовский) и с юрским морем, существовавшим некогда на севере теперешней Монголии (Верещагин). Эти гипотезы имели множество последователей и за рубежом, и в нашей стране. Однако гипотезы «реликтового озера» были со временем отвергнуты, как не нашедшие подтверждения в работах геологов и палеонтологов. Тем не менее фауна Байкала еще долго считалась подавляющим большинством ученых «морской» и были лишь споры о том, из какого моря и каким способом проникло в Байкал то или иное животное. В то же время, опять-таки под влиянием прогресса в геологии, появились гипотезы о происхождении Байкальской котловины из третичного пресноводного многоозерья, слившегося под влиянием движения суши в небольшое число озер — Байкал, Косогол и др. Эта эволюция взглядов отразилась более всего в статьях Л. С. Берга, который за период 1910—1949 гг. опубликовал не менее 9 статей со словами «происхождение фауны Байкала» в заголовке и, конечно же, обсуждал этот вопрос в других статьях и книгах. В первой статье⁹ Берг придерживался еще «морской» гипотезы, затем стал объяснять (как и многие другие) морской облик байкальских животных конвергенцией, считая, что

⁹ Берг Л. С. Рыбы Байкала // Ежегодник Зоол. музея АН. 1990. Т. 5, № 1—2. С. 326—372.

фауна Байкала состоит из а) форм, развившихся в самом Байкале в течение его долгой геологической истории, и б) остатков верхнетретичной пресноводной фауны. В 1925 г., через два года после опубликования гипотезы Дорогостайского, Берг прибавил к этим двум еще третий: «Третьи, как правильно указано Дорогостайским, являются результатом сравнительно недавнего видообразовательного процесса в самом озере».¹⁰

Переходим к статье В. Ч. Дорогостайского, которую я буду цитировать много, ибо это теперь библиографическая редкость, которую лишь немногим удастся прочесть. Привожу все пять страниц, на которых изложена его весьма важная для того времени гипотеза: «Вышерассмотренное распределение фауны по озеру Байкал и ее несходство в разных его частях очень часто удовлетворительно объясняется различием физико-географических условий, но весьма многое остается непонятным, если мы не примем во внимание геологическое прошлое оз. Байкал. К сожалению, здесь мы еще не имеем прочно установленных положений. Однако большинство исследователей теперь согласны в том, что Байкал не может рассматриваться как реликтовое озеро, т. к. подобное мнение, высказанное первыми исследователями Байкала В. и Б. Дыбовскими, находится в противоречии с геологическими данными, а должен считаться „искони пресноводным бассейном“. Если благодаря геологическим исследованиям у нас теперь устанавливается взгляд на фауну Байкала как фауну пресноводную, то относительно времени ее возникновения существуют диаметрально противоположные мнения. Одни (Коротнев, Совинский, Андрусов, Михельсен и др.) считают ее очень древней, другие (Берг) — сравнительно молодой. Оставляя пока в стороне столь же несогласные мнения геологов о времени образования Байкальской котловины, мы можем рассматривать этот вопрос с чисто фаунистической точки зрения. Что же можно привести в пользу первого взгляда? Всякая фауна, претендующая называться „древней“ (не абсолютно, конечно, а по сравнению с другими), должна в своем составе иметь формы с примитивной организацией, служащие связующим звеном между видами, далеко разошедшимися и морфологически и географически, или заключать в себе ряд

¹⁰ Берг Л. С. Происхождение фауны Байкала // Тр. I Всерос. гидрол. съезда. Л., 1925. С. 168.

таких видов, которые в настоящее время имеют прерывистое распределение по земному шару, как, например, современные *Dipnoi* и *Crossopterygii*, или, наконец, состоять из большого числа эндемичных форм, систематически ниже стоящих, чем представители соседних фаун, как например однопроходные и сумчатые Австралии или лемуры Мадагаскара. Имеем ли мы что-либо подобное на Байкале? Внимательно изучая байкальских животных, мы приходим в этом отношении к отрицательному выводу: здесь нет родоначальных форм для видов других фаун, нет видов с прерывистым распространением, за исключением, пожалуй, *Dubowcella baicalensis*, имеющей родственную форму в больших озерах Северной Америки; что же касается эндемичных видов, то байкальские представители занимают систематически не низшее, а высшее место в каждой группе.

Я полагаю, напротив, мы застаем фауну Байкала в стадии усиленного видообразования; в отдельных группах существует ряд постепенных переходов от одного вида к другому и вовсе нет тех пробелов, которые наблюдаются в фаунах древнего происхождения, вполне установившихся. Еще необходимо сказать несколько слов об оригинальных и специфических чертах строения многих байкальских животных, выработка которых, по мнению многих эволюционистов старой школы, должна потребовать значительного времени. Теперь, после появления мутационной теории, этот аргумент потерял свою силу, и весьма возможно, что наши представления о медленности эволюционного процесса очень преувеличены. Подтверждением развиваемого здесь взгляда на фауну Байкала могут служить геологические исследования проф. Обручева, который считает Байкальскую котловину по своему происхождению соответствующей грабенам Забайкалья и относит начало ее образования к третичному периоду, а окончательное сформирование даже к послетретичному времени. Указанием на это, по моему мнению, служат еще не закончившиеся в Прибайкалье горообразовательные процессы, выражающиеся, между прочим, частыми землетрясениями. Резюмируя все сказанное выше, я попытаюсь набросать общую картину геологического прошлого байкальской фауны, как она мне представляется.

В третичный период средняя Сибирь представляла из себя холмистую или гористую страну, покрытую пышной растительностью с влажным субтропическим клима-

том. Всюду были разбросаны большие и малые озера, где жила и развивалась разнообразная фауна, содержащая в своем составе, кроме теперь живущих семейств и родов животных, и многие другие.

Сам Байкал тогда, по-видимому, представлял из себя многоозерье, составленное из сравнительно мелководных бассейнов. Вследствие тектонических процессов котловина Байкала медленно углублялась и отдельные озера постепенно стремились слиться в одно общее. К концу третичного периода, как мы знаем, наступило ухудшение климатических условий, захватившее и Прибайкалье. Байкал стал ежегодно на долгое время покрываться льдом, окрестные же мелководные бассейны промерзать до дна. Богатая субтропическая фауна стала исчезать, сохраняясь частично лишь в более крупных бассейнах и особенно в Байкале, где его большая глубина давала возможность сохраниться хотя немногим представителям некогда богатой фауны. Естественно, сохранялись те формы, которые лучше переносили низкую температуру воды, остальные же вымерли. Так продолжалось в течение всего ледникового периода; фауна Байкала в это время, по всей вероятности, была бедна и качественно и количественно. Когда же в послеледниковое время климатические условия изменились к лучшему, то сохранившиеся здесь виды начали усиленно расселяться, занимая почти все лишённые жизни глубины и освободившиеся от ледяного покрова прибрежные части озера: бухты и заливы. Вследствие приспособления к новым условиям обитатели Байкала начали сильно изменяться, что повело к усиленному видообразованию, не закончившемуся и в настоящую геологическую эпоху. В это же время полноводная Ангара дала возможность проникнуть в Байкал многим водным обитателям далекого севера, как например тюленю, омулю и др. Гипотеза Гернеса о заселении Байкала из бывшего Сарматского моря должна быть отвергнута, как выяснил проф. Берг, т. к. оно никогда не заходило так далеко на восток. Включение же в состав байкальской фауны профессором Совинским каспийского вида *Vaeckia spinosa* Sars., как оказалось, основано на недоразумении. Не выдерживает критики также и предположение о фиордовом происхождении Байкала из части Северного моря, несмотря на присутствие в этом озере видов, близких к живущим в Северном Ледовитом океане.

Таким образом, если исключить из состава фауны

Байкала несомненных переселенцев из других мест, главным образом из Сев. Ледовитого океана, то мы можем признать, что большая часть видов образовалась в самом Байкале из обедневшей субтропической фауны третичного периода. Этим, конечно, не исключается значительная древность „корней“, из которых возникло богатое нынешнее население Байкала, но окончательное его формирование относится к более позднему времени. Исходя из этого, мы можем наметить следующую схему, по которой могло происходить видообразование.

Сравнительно мелководный родоначальный вид, изменяясь в разных направлениях, прежде всего должен был дать начало нескольким новым видам (species I). Эти виды, приспосабливаясь к различным условиям глубин, давали сначала глубинные формы, мало еще отличавшиеся от произведшего их вида (subspecies I), но затем, расходясь все далее и далее в своих морфологических и физиологических признаках в связи с расселением в глубь озера, эти формы обособлялись в отдельные виды (species II). Параллельно батиметрическому дифференцированию фауны шло и ее изменение от причин географических и экологических, что привело к образованию сначала местных разновидностей (subspecies II), а затем и видов (species III), близких к первоначальным мелководным формам. И наконец, эти же мелководные виды, мигрируя в реку Ангару (активно или пассивно), изменялись в новых условиях и давали новые разновидности (subspecies III) и виды (species IV). Кроме этого, все возникшие таким путем формы давали и продолжают давать видоизменения, не закрепляемые наследственностью (morpha, aberratio и т. д.). Схема эта в громадном большинстве случаев вполне согласна с наблюдаемым соотношением в морфологических признаках между отдельными видами и подвидами, составляющими естественную группу того или другого таксономического значения (conspecies, subgenus, genus). Так, например, в роде *Odontogammarus* мы имеем сравнительно мелководную форму *O. calcaratus*, не разделенный с ним ни географически, ни батиметрически близкий вид *O. pulcherrimus*, глубинную разновидность *O. demjanowiczii*, глубинные виды *O. margaritaceus* и *O. kototnewii* и географические подвиды или виды *O. brevipes* и *O. improvisus* (речной формы не образовалось). Подобные же соотношения мы имеем в роде *Pallasea* в группе близких видов (*P. baicalii*, *kessleri*, *brandtii*, *inermis* и др.), в разно-

видностях *Brandtia lata* Dyb. (*B. l. acera, dicera, lata, latior* и *latissima* и др.), в роде *Micruropus* (*M. talitroides, possolskii, angarensis* и др.), среди группы видов, близких к *Acanthogammarus godlewskii* Dyb., и во многих других случаях. Переходя к другим группам животных, мы замечаем то же самое соотношение. Среди рыб, например, мы имеем в семействе *Cottocomphoridae* ряд морфологически близких форм, как глубинных, так и мелководных, и две уклонившихся значительно: одну пелагическую — *Cottocomphorus grewingki* Dyb., а другую глубинно-пелагическую — *Comphorus baicalensis* Dyb. (Последняя форма выделяется даже в особое семейство). Итак, приняв во внимание геологические данные о сравнительно недавнем образовании Байкальской котловины и сопоставляя их как с общим характером фауны, так и с наблюдаемыми соотношениями между видами той или другой группы в их морфологических признаках, мы приходим к заключению, что современная фауна Байкала вовсе не отличается той глубиной древностью, какую ей приписывали первые исследователи Байкала, а наоборот, она и по сейчас не закончила своего формирования» (Дорогостайский, 1923, с. 126—131).

После появления в печати статья Дорогостайского получила очень мало отзвуків, я думаю, потому, что она мало до кого дошла, кроме иркутян. Признанный знаток байкальской фауны Л. С. Берг и также Г. Ю. Верещагин ответили очень уж кратко и сухо; первый — одной лишь приведенной выше фразой, второй — в 1924 г. «рецензией», которую и по размеру, и по содержанию можно назвать только лишь аннотацией (никакой оценки гипотезы Дорогостайского). Оценки, согласия или несогласия с оригинальным положением В. Ч. о молодости байкальской фауны не высказал в те времена никто, разве что иркутский геолог А. В. Львов, который писал: «С одной стороны, вся совокупность данных, подтверждаемых отчасти и палеонтологами, определенно указывает на недавнее происхождение Байкала, тогда как с другой — для конвергентного изменения его фауны и выработки своеобразных эндемичных форм во всех почти типах его фауны, с точки зрения эволюционного учения, требуется громадный промежуток времени, что, следовательно, не согласуется с данными геологии о его несомненно молодом образовании. Получившееся противоречие довольно удачно разрешает В. Ч. Дорогостайский, рассматривая его с чисто

фаунистической точки зрения».¹¹

Ганс Иогансен издал в 1926 г. в Мюнхене книгу «Байкал», в которой дал весьма подробный обзор истории исследований Байкала. В ней он лишь сожалеет, что для него оказалась недоступной интересная статья В. Ч. Дорогостайского 1923 г., о которой он слышал.

Кажется, Дорогостайский не смог выслать оттиск своей статьи даже Б. Дыбовскому во Львов, так как в своем весьма длинном письме к Дорогостайскому от 5 апреля 1926 г. Дыбовский усиленно защищает «морскую» теорию происхождения байкальской фауны и обрушивается на понимание фауны как «искони пресноводной» такими словами: «. . . Жизнь организмов ведет свое начало из солоноводных бассейнов. Все те формы, которые приспособились к существованию в пресных водах, образуют пресноводные фауны, но они все же все без исключения происходят от океанических предков. Это логически обоснованная неопровержимая истина, которая дает нам прочное доказательство того, что принятие „искони пресноводной“ фауны есть бессмыслица».¹²

Может быть, Дыбовский неправильно понял гипотезу Дорогостайского, вкратце изложенную в письме. Ведь он говорит о «корнях байкальской фауны, о тех остаточных организмах, из которых она развилась. «Корни» эти малоизвестны и являются объектом поиска и исследования байкаловедов и до сих пор. Дорогостайский же своим объектом имел всю, в основном эндемичную, массу байкальских животных, развившуюся из этих «корней» в геологически недавнее время, развивающуюся и теперь; ее следует называть «молодой», и он по отношению к ней первым ввел этот термин.

В устной форме Дорогостайский поведал о своей гипотезе приехавшему в 1927 г. на Байкал американскому ученому Т. Д. Кокереллу, и тот в этом же году опубликовал статью, в которой провел параллель между эволюцией байкальской фауны и фауны Гавайских островов (Cockrell, 1927, p. 552).

Итак, в продолжение многих лет, прошедших со времени опубликования Дорогостайским его гипотезы, почти никто ее не поддержал, но никто и не пытался ее опроверг-

¹¹ Лью в о в А. В. Из геологического прошлого средней части долины р. Иркута // Изв. ВСОРГО. 1924. Т. 46, вып. 3. С. 48.

¹² Личный архив Е. В. Дорогостайской.

нуть открыто, назвав фамилию ее автора. Тем не менее когда я начиная с 1970-х годов пыталась выяснить мнение о ней различных ученых, главным образом сотрудников Лимнологического института СО АН СССР на Байкале, мне отвечали, что молодость байкальской фауны для них несомненна и практически все теперь исходят из гипотезы Дорогостайского, не называя лишь его фамилии, очевидно, вследствие того, что это долгое время было запрещено, а затем стало привычкой. Правда, иногда ее упоминали в печати ныне покойные Д. Н. Талиев и А. Я. Базикалова, но об этом ниже.

Недавно к гипотезе Дорогостайского обратился харьковский ученый Е. И. Лукин.¹³ На с. 666 он пишет: «До сих пор распространена точка зрения о большой древности органического мира этого уникального водоема. Ее разделяли и такие знатоки байкальской фауны, как Г. Ю. Верещагин и М. М. Кожов». Прочитывая соответственные высказывания этих двух ученых, Лукин вкратце излагает «иную точку зрения, выдвинутую В. Ч. Дорогостайским еще в 1923 г.» и подчеркивает ее большое значение для разрешения этой важной проблемы. Затем он пишет: «Дальнейшее и более обоснованное развитие гипотезы о молодом возрасте современной эндемичной фауны Байкала является заслугой Д. Н. Талиева». Это действительно так. Еще в 1948 г. Талиев¹⁴ не побоялся изложить и отчасти подтвердить на своем материале гипотезу Дорогостайского, причем он сделал упор на гибель древней байкальской фауны под влиянием не столько холода (как у Дорогостайского), как тектонических процессов, о чем Дорогостайский упоминал лишь вскользь.

Мы подошли к самой трудной и интересной части рассуждения Дорогостайского о молодости и происхождении байкальской фауны. Переведя статью Дорогостайского на английский язык, я познакомилась с ней Г. С. Фореста, эволюциониста, профессора Нью-Йоркского университета. Он очень заинтересовался процессом видообразования, как он описан у Дорогостайского, и написал следующее: «... Его наиболее ценным вкладом в теорию науки было открытие того факта, что видообразование у гаммарид и

¹³ Лукин Е. И. Фауна открытых вод Байкала, ее особенности и происхождение // Зоол. журн. 1986. Т. 65, вып. 5. С. 666—675.

¹⁴ Талиев Д. Н. К вопросу о темпах и причинах дивергентной эволюции байкальских Cottoidei // Тр. Комис. по изучению оз. Байкал. 1948. Т. 12. С. 108—158.

рыб Байкала является процессом, происходящим в наше время. В то время когда само происхождение и древность озера Байкал были еще не известны, он по существу доказал существование адаптивной радиации» (Дорогостайская, Форест, 1985, с. 512). Более того, через некоторое время проф. Форест прислал мне текст своей статьи (машинопись) «Обзор достижений В. Ч. Дорогостайского в исследовании эволюционной динамики», которую он заканчивает словами: «Жестокие обстоятельства истории привели к тому, что Дорогостайский, первый, кто документировал на живых организмах и понял адаптивную радиацию, не получил того внимания, которое поставило бы его на заслуженное место в истории эволюционного мышления».

Охота, охрана животных, звероводство

Выше говорилось, что охотой В. Ч. Дорогостайский начал заниматься с отроческих лет и до конца жизни оставался ей верен. Ознакомившись со многими, особенно дореволюционными охотничьими журналами, я убедилась, что прежде всего охотники, и, может быть, главным образом они, по-настоящему интересуются жизнью животных, заботятся о них. Таков был Дорогостайский. Еще я увидела, что очень большое количество статей в охотничьих журналах принадлежало перу Г. А. Кожевникова, учителя и друга Виталия Дорогостайского времен пребывания его в Московском университете. Кожевников горячо писал и о необходимости правильной охоты, и о бережном отношении к животным, и об охране природы в широком смысле слова. Так и Виталий, возможно, под влиянием учителя понимал охрану природы очень широко — шла ли речь о жителях лесов, рыбах, гамма-ридах. . . Но прежде всего, конечно, о пушных и других промысловых животных, которыми уже начала скудеть наша родина, в том числе и богатая Сибирь. Еще в Москве ему пришлось по душе зарождавшаяся тогда в нашем обществе идея разведения животных в неволе как средство их охраны от полного истребления в природе. Многие он переживал, задумывая свой питомник: начиная с почти детской радости от предстоящей возни с животными до высокопатриотических мыслей о будущем родной страны. Идея питомника жила и зрела в нем долгое время и получила воплощение при первой же возможности.

В январе 1919 г. Дорогостайский получил от министерства земледелия в Томске 50 000 р. на организацию питомника пушных зверей на Байкале. Летом того же года он, как нам известно, отправился в Иркутск, чтобы создать

В. Ч. Дорогостайский с охотничьими трофеями.

там кафедру зоологии позвоночных в университете, и на Байкал, где у него уже существовала, но еще не действовала Биологическая станция Академии наук. И там он хотел организовать, кроме того, питомник — все это одновременно. Как его на это хватало?! Однако хватало, это факт.

О том, как шли дела со станцией, мы уже знаем, об университете речь впереди, а пока о питомнике. Сначала В. Ч. назвал его «временным» и расположил клетки для зверей на веранде и во дворике того же (сибиряковского) дома, где размещалась станция и где жил ее хра-

нитель и метеонаблюдатель Н. И. Колмаков, а теперь и назначенный министерством заведующий питомником Ф. Г. Мальнер. Ассигнованная сумма выдавалась малыми порциями и к тому же вследствие непрерывного обесценивания денег вскоре уменьшилась в 10 раз и более. Строительство питомника пришлось прекратить, едва начав. Однако первые две красные лисицы были уже куплены и питомник существовал. Дорогостайский просил якутского зверовода и мехоторговца П. А. Кушнарера продать ему пару сиводушек (гибридов черной и красной лисиц) в слабой надежде получить от них черных лисиц, так нужных ему для предполагавшихся генетических исследований. Какова же была его радость, когда Кушнарер прислал ему пару молодых серебристо-черных лисиц, притом безвозмездно! Дорогостайский торжествовал: им был основан первый государственный лисий питомник в России! В задачи питомника должно было входить: 1) разведение племенного материала для новых питомников; 2) выведение наиболее ценных пород, изучение наследственности у лисиц; 3) научное изучение звероводства (биология, болезни, методы кормления, случки и т. п.); 4) инструктаж, воспитание звероводческих кадров; 5) коммерческая эксплуатация в размерах, не мешающих основным задачам.

Ну и оптимист! А вот что писал о Байкальском питомнике аспирант Дорогостайского, много работавший там Н. Н. Топорков: «История питомника с момента его учреждения до половины 1923 г. — ряд скорбных страниц. Необорудованный, без планомерного снабжения необходимыми продуктами, из ведения министерства земледелия он переходит (после ухода белых) в Губземуправление; здесь он мыкается, в смысле верховного надзора и руководства, из одного отдела в другой — вплоть до передачи его в Сибземуправление (1922 г.)... На этом фоне административных блужданий, а также полной необеспеченности неоднократно поднимался вопрос о полной ликвидации питомника. . . Зверей держали во временных клетках — тесных, без тени, расположенных „на тычке“, вблизи жилья и рядом с проезжей дорогой. В таких условиях лисицам жилось неважно. . . приплод регулярно погибал» (1927, с. 65).

Мог бы не погибать. Оставляя лисят у матери-лисицы значило наверняка погубить их, это можно делать только в особенно благоприятной обстановке. Был лишь один способ сохранения приплода — отдавать его на воспитание

*Дочь В. Ч. Дорогостайского
Женя с соболенком. 1928 г.*

кошке. Но Мальнер, несмотря на предупреждения и приказания Дорогостайского, упорно отказывался это делать. Когда погибло в общей сложности 17 лисят, пришлось Мальнера сменить А. М. Морозовым, оказавшимся идеальным заведующим. В 1923 г. Дорогостайский добился покупки питомника Иркутским университетом. Положение несколько улучшилось. Но для развития питомника требовались средства, ничтожные по сравнению с значением питомника, но огромные по голодному времени 20-х годов. Пришлось В. Ч. «ходить по учреждениям». Дали денег в Сибсельскоюзе, Союзе охотников и еще кое-где, даже в Русско-Английском сырьевом обществе (500 р.). Постройка лисьего питомника обошлась в 4700 р., да еще за 850 р. был построен соболиный питомник, куда не замедлили завезти превосходных баргузинских соболей.

При постройке лисьего питомника соблюдался принцип: как можно меньше нарушать древостой и травостой. У зверей должно быть впечатление, что они находятся в лесу, хотя и не на свободе. Психическому состоянию

зверей придавалось огромное значение. Лисье «стадо» росло. Начали продавать молодых лисиц и этим поддерживать питомник. А Дорогостайский уже писал первую из предполагавшихся его работ по генетике — «О наследственной конституции сиводушек» (1927). В 1925 г. были завезены в питомник голубые песцы с Командорских островов. Стремились получить потомство соболя в неволе, но пока не удавалось скрестить соболей, хотя соболята от соболюшек, пойманных беременными, благополучно рождались и тотчас передавались на воспитание кошкам. Было нечто вроде соревнования с зоологом П. А. Мантейфелем, который тоже старался скрестить соболей в подмосковном питомнике (и победил).

Разведение соболей было делом совершенно новым и очень трудным вследствие сложного нрава этих животных. Разведение же лисиц уже десять лет как прочно встало на ноги в США и особенно в Канаде. В 1910 г. молодой русский экономист В. Я. Генерозов, устроившись на работу секретарем сельскохозяйственного агентства США, тщательно ознакомился с американским и канадским охотхозяйством и звероводством. Он посылал статьи в Россию и еще до своего возвращения познакомил русских с возможностями и методикой звероводства. Дорогостайский не преминул воспользоваться этой информацией и при постройке питомника, и в дальнейшем. Познакомился с Генерозовым после его возвращения, не раз встречался и вел большую переписку. С кем переписывался, тому и помогал: в 1924 г. помог добыть производителей Генерозову для Ленинградского питомника, в 1926 г. уступил К. Г. Туомайнену (Соловки) пару великолепных черных с серебристым отливом американских лисиц, недавно купленных им в сахалинском питомнике, устроенном японцами и оставленном при отступлении.

В 1926 г. было получено от акционерного общества «Сырьё» предложение устроить при питомнике загон для пятнистых оленей. За устройство загона принялись немедленно, а Дорогостайский на средства общества поехал на Дальний Восток изучать звероводство Приморья. Ему повезло — его тотчас включили в комиссию Дальзема по обследованию оленеводства в Приморском крае.

За почти двухмесячное пребывание там он посетил большинство государственных и частных предприятий и подробно ознакомился со всеми деталями разведения

В. Ч. Дорогостайский в Байкальском питомнике.

олений, обработки пантов. Олени тогда разводились только в Приморье (с 1760 г.) и лишь «существовали» в некоторых зоосадах Европы, в Аскании-Нова. . .

Было о чем задуматься В. Ч.: олень — животное муссонного климата, в континентальном жить не сможет — говорили ему. Олени телятся поздно, молодняк не окрепнет до наступления зимы — вторили другие. А самое главное — они в большом количестве едят листья дуба, им необходимы дубильные вещества. Ничего — говорил себе В. Ч.: микроклимат Байкала заменит им муссоны, оленят утеплим, а потом сдвинем сроки течки и отёла, а что касается дуба, его заменим баданом, обильным на Байкале растением, употреблявшимся для дубления кож. Так все и оказалось на деле: завезенные на Байкал восемь оленей охотно ели не только бадан, но листья осины, березы, ивы, отлично размножались. Проблема решена.

И вдруг совершилось непредвиденное: питомник по постановлению Совнаркома перешел от Главнауки в ведение Наркомзема. С 9 октября 1927 г. стала работать передаточная комиссия. Байкальский питомник переименовали в «Первый Сибирский государственный питомник пушных и копытных зверей». Морозов отчислен, как не имеющий специального образования, на его должность командирован лаборант Биостанции юных натуралистов под Москвой В. В. Тимофеев (брат известного генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского). В. Ч. Дорогостайский

приглашен научным консультантом питомника. «Быть питомнику „фабрикой лисиц“ — такой кинут лозунг (правда, подразумевались не шкурки, а лисы-производители). Старый питомник снесен, выстроено 26 тройных вольер, маленьких, лисе едва повернуться, наблюдательная вышка. В 1929 г. в строительство было вложено 135 000 р. Разумеется, убеждал Дорогостайский, хотя и тщетно, распорядителей всех этих перемен, что у них ничего путного не выйдет, что узкая байкальская падь, отлично им выбранная для опытного научного питомника, вовсе не годится для большого промышленного предприятия. Тут отсутствует место для подсобного хозяйства, а если вырубить лес, то долина превратится в «трубу», по которой потечет непрерывный поток холодного воздуха с гор. Снабжению из Иркутска мешают трудности с транспортом. После вырубки поднимутся грунтовые воды, создадут сырость. Звери будут болеть, плохо развиваться и т. д. «Пустые разговоры, — отвечали ему. — Пушногосторгу поручено создать в нашей стране промышленное звероводство, отпущены средства. . .». А после декабря 1927 г. XV партийный съезд дал указание о перестройке сельского хозяйства, организации крупных специализированных совхозов — дело приняло еще более широкий размах. Создавалось много новых питомников, а старые реорганизовывались по предложенному сверху плану. Где тут спорить? В. Ч. стал молча наблюдать, что будет. . .

А было вот что. Еще заканчивали в 1929 г. постройку нового питомника, начало развиваться кролиководство, как уже устно и в печати появилась критика. Ей не дали расширяться и питомник не закрывали, но с 30-х годов начали перевозить зверей: оленей — в Алма-Ату, лисиц — в Пушкинский зверосовхоз под Москвой, соболей — в открытый в 75 км от Иркутска Александровский питомник. «Не модно» стало говорить о знаменитом когда-то Байкальском питомнике, и питомника не стало.

Теперь о делах охотничьих. Охотничье-охотоведческая карьера Дорогостайского началась рано. Уже в «Иркутских губернских ведомостях» от 21 февраля 1907 г. можно прочесть, что В. Ч. Дорогостайский избран кандидатом в старшины правления Общества сибирских охотников. Между прочим, в той же газете, в трех ее апрельских номерах того же года опубликована стенограмма большого доклада Дорогостайского «Об омуле и его добыче на оз. Байкал», сделанного 26 марта 1907 г. на заседании Иркут-

ского сельскохозяйственного общества. Это был ответ на жалобы по поводу падения омулевого промысла на Байкале. Дорогостайскому было свойственно остро реагировать на серьезные нужды общества, в котором он жил. Он тщательно разобрал особенности и недостатки практикуемого на Байкале промысла омуля и пришел к выводу, что «не зная почти ничего о жизни омуля, об условиях развития его икры и молоди. . . мы, конечно, не можем еще говорить о мерах, предохраняющих Байкал от оскудения рыбой», и предложил поставить этот вопрос на строго научную основу. Учитель гимназии Дорогостайский не мог всерьез заняться этими исследованиями, их взял на себя И. Д. Кузнецов, совершивший три экспедиции на Байкал, но довольно безрезультатно (ограничился лишь отчетами).

То ли это было в характере В. Ч., то ли время было такое, но всегда получалось так, что он в первую очередь стремился что-то организовать, собрать усилия людей в стремлении к общей цели, а потом уже, включившись в общее дело, как бы в виде «награды» находил в нем свою малую проблему и занимался ею. Сначала это были малые, почти единоличные экспедиции по Монголии, им организуемые, потом более сложная экспедиция 1914 г. Сложнее — Байкальская станция, где его организаторская работа все время шла параллельно с личной, научной, не мешая одна другой. То же и с питомником — создавая его прежде всего с крупной государственной задачей в уме, он затем увлекся генетикой лисиц. Для своей статьи «О наследственной конституции сиводушек» (1927) он использовал не только потомство лисиц в питомнике, но проанализировал генетически более 1000 шкур лисиц в заготовительных организациях. Потом он занялся с большим увлечением биологией и акклиматизацией пятнистого оленя. Очень жаль, что питомник — база для ценных научных занятий профессора и учеников — был загублен.

Таким образом, то, о чем теперь много пишут как о трудном процессе — внедрение результатов научных исследований в жизнь, в практику получилось у В. Ч. сравнительно легко, ибо исследование и внедрение шли параллельно. И часто бывает трудно разграничить научную и общественную его деятельность. Чем это можно объяснить? Я думаю — огромным интересом к природе наряду с сильно развитым чувством долга и патриотизма в широком и в узком его смысле.

Взять, например, его работу в ВСОРГО, которую прежде всего можно назвать «общественной». Еще гимназистом он систематизировал орнитологические и ихтиологические коллекции музея ВСОРГО, еще студентом он выдвигался на должность консерватора музея, с 1907 г., когда был избран членом отдела, все время проводил работы по сбору, обработке и обмену коллекций. В 1908 г. был избран членом Распорядительного комитета ВСОРГО, а в 1909 г. даже числился в кандидатах на должность правителя дел. И все это время усиленно занимался пропагандой биологических знаний, как в стенах ВСОРГО, так и в других учреждениях — «от ВСОРГО». Часто организовывал экскурсии в природу для гимназистов и всех желающих. В. Ч. никогда не терял связи с ВСОРГО, постоянно участвуя в его работе, однако дела интенсивно развивавшегося в стране охотоведения и охотоустройства все больше и больше поглощали его свободное время.

Можно сказать без прикрас, что в Иркутске и вообще в Сибири Дорогостайский был широко известен и слыл активистом. Его постоянно выдвигали на различные съезды, конференции, куда он обычно ехал с докладом или же помногу выступал в прениях. Например, так было на Всесоюзной конференции ученых обществ (Москва, 1921 г.). В январе 1925 г. на 1-м Восточно-Сибирском краеведческом съезде В. Ч. был председателем биологической секции и выступил с четырьмя докладами: «Краеведческие задачи в области биологии», «Промысловые звери Иркутской губернии», «Генезис прибайкальских озер» и «Охрана природы края». И уже 10 февраля он читает лекцию для иркутского учительства в переполненной аудитории (270 человек) на тему «Зоологический очерк Прибайкалья», на съезде рыбаков Иркутской губернии в 1925 г. — «Об искусственном разведении омуля и хариуса», в Городском товариществе охотников — «О фауне пластинчатоклювых Прибайкалья (1926)», «Об искусственном вызывании течки у собак» на заседании Биолого-географического института университета, там же — «Звероводные питомники Дальнего Востока» и вот, наконец, там же — «Генеральный план насаждения звероводства в Сибири».

Последний доклад он сделал, очевидно, возвратившись из Новосибирска, куда был командирован для участия в работе плановой комиссии Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края. В этом плане

он разработал два раздела: «Охота» (пункты 144—146) и «Искусственное звероводство» (пункты 147—148). В первом он писал: «В Сибкрае охотничье хозяйство не существует как такового, его заменяет охотничьи промысел. Реорганизация промысла в правильное охотничье хозяйство составляет задачу генплана. . .», а во втором: «. . .Ввиду того, что на мировом рынке уменьшился спрос на ценные меха: серебристо-черную лисицу, соболей и др., сибирское звероводство должно развиваться в сторону массовой продукции сравнительно недорогих мехов с наиболее устойчивым спросом. Такими зверьями являются сиводушки, хорошие огнёвки и чернобурые лисицы местного происхождения, голубые и белые песцы, а также из иноземных: американский скунс и американская ондатра. Предусматривается устройство питомников для сбыта производителей, для сбыта пушнины и смешанных».¹

Это только примеры. Невозможно перечислить лекции и другие выступления Дорогостайского. Только зарегистрированных, с указанием где и когда выступал, мною насчитано свыше 50, а сколько было таких, упоминание о которых мне не попало на глаза? Трудно сказать, но несомненно, что еще много. Залечив раны мировой и гражданской войн, оправившись от голода, страна все более и более захватывалась пафосом созидания, и это сначала находило отражение в съездах и конференциях, а потом завершилось в первой пятилетке. Посмотрим теперь, как Дорогостайский участвовал в реализации планов. Вот свидетельство охотоведа В. Н. Скалона: «. . . Доклад В. Ч. Дорогостайского в Новосибирске на 1-м Сибирском краеведческом научно-исследовательском съезде на тему „О современном состоянии охотничьего хозяйства в Сибири» (Труды, т. 3. Новосибирск, 1927). Доклад произвел большое впечатление и остался не без резонанса» (Скалон, 1970, с. 273).

31 марта 1926 г. Дорогостайский получил письмо-запрос от Краевого земельного управления, в котором говорится следующее: «Сибземуправление, учитывая возрастающее внимание к вопросу рационализации охотничьего дела со стороны краевых, центральных и местных органов соввласти и предвидя массовые мероприятия в области

¹ Основные положения Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края. 1926—1941. Новосибирск, 1927. С. 48.

охотничьего хозяйства в ближайшие годы, считает необходимым заблаговременно обслужить эти начинания в сибирском масштабе. Поэтому, зная Вас как активного рационализатора охотничьего дела, настоящим просит Вас не отказать в любезности сообщить Ваши соображения в форме, каковую Вы найдете нужным избрать, по ряду интересующих СибЗУ вопросов».² Вопросы касались рационализации охотничьего хозяйства и срочной подготовки охотоведческих кадров. Это было начало важного дела. Разумеется, Дорогостайский отозвался и тотчас принялся за дело. Им были организованы краткосрочные курсы охотоведения, о которых он опубликовал маленькую статью в местной газете «Учись правильно охотиться» (1927).

Однако письмо имело и более серьезные последствия. Этим делом заинтересовались этнограф профессор Б. Э. Петри³ и лесовед Н. А. Гагин, которые присоединились к Дорогостайскому, и ими были созданы двухгодичные курсы охотоведения при Иркутском университете. Заведующим был назначен А. И. Сергеев. Курсы дали два выпуска, а в 1930 г. были преобразованы в самостоятельный Пушно-меховой институт с научно-опытным хозяйством, рабфаком и техникумом. Деятельность института осуществлялась учениками Дорогостайского под его руководством. Дело пошло хорошо и вдруг... Получилось нечто похожее на историю с питомником... Понадобилось зачем-то перевести институт в Москву и влить в Московский пушно-меховой институт. Как будто Сибири с ее крупными масштабами и отличными от европейских природными условиями и охотничьей спецификой не нужен был свой институт!

Другое следствие. В письме была просьба: «...не смогли бы Вы взять на себя труд встать во главе обследовательно-экспедиционного отряда на предмет изучения площадей охотугодий в экономико-биологическом отношении...». И вот летом 1928 г. состоялась экспедиция В. Ч. Дорогостайского для изучения Хамар-Дабанского соболиного района. Обследованы в биологическом отношении долины рек Утулика, Мантугая, Быстрой и др., составлена карта распределения растительности, выявлено распространение соболя и других промысловых зверей.

² ИГОМ. Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

³ Погиб в годы культа личности.

В. Ч. сопровождали его аспиранты Н. Н. Топорков и В. П. Фаворский.⁴

В 1927 г. Дорогостайский был избран Биолого-географическим институтом в комиссию для разработки положения об организации в Прибайкальском лесничестве охотхозяйств. В том же году он очень активно участвовал в 1-й Конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока (в Хабаровске), делал там доклад.

В 1926—29 гг. Дорогостайским написано несколько крупных статей и много мелких для «Сибирской Советской Энциклопедии». Не отказывался он и от работы в Первом Сибирском государственном питомнике... (Кстати, это название сформулировано неясно: первый ли питомник в Сибири или первый в стране, но расположенный в Сибири? Правильно второе положение, что мною и было выяснено. Но не всем это понятно — отсюда много неверных толкований, неправильное наименование «первым питомником» разных других питомников). Мне помнится одна из зимних поездок отца в питомник (я ездила с ним) в 1928 или 1929 г., когда там был уже новый директор Шелковников. Такова была многосторонняя научно-общественная деятельность Дорогостайского до 1929 г. «Научная» настолько, насколько позволяли обстоятельства. Но вот наступил 1929 год, весьма много значивший в его жизни. 15 января 1929 г. Бюро звероводства и охотоведения (Ленинград) письменно запросило у него согласие войти в состав этого бюро. По-видимому, согласие было дано, так как 10 декабря 1929 г. ему писали: «Пленум Бюро звероводства и охотоведения избрал Вас действительным членом бюро, как одного из немногих специалистов в СССР... а к настоящему извещению разрешите приложить ориентировочный план работы бюро на 1930 г.»⁵

Знали ли в этом бюро, что в феврале 1929 г. профессор Дорогостайский был лишен избирательных прав? Вероятно, не знали. Но он должен был сообщить им об этом письменно или устно (с 1 марта по 1 апреля 1929 г. он, согласно документам, находился в научной командировке в Москве и мог заехать в Ленинград). А может быть, тогда не придавали еще такого большого значения лишению права голоса? В учреждениях, где этот человек нужен, может быть. Но вот мы, семья Дорогостайского, сразу

⁴ Погиб в годы культа личности.

⁵ ИГОМ. Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

это почувствовали, так как нас лишили продуктовых карточек. Сам же В. Ч. был глубоко возмущен, оскорблен, обижен. «Лишение избирательных прав по существу является судом над личностью человека», — писал он в одном из своих заявлений. Первое заявление он подал в окружную избирательную комиссию — безрезультатно. Тогда он обратился в краевую:

«В Краевую избирательную комиссию
Профессора ИРК (утского) гос. университета
Виталия Чеславовича Дорогостайского

Заявление

В феврале тек (ущего) года решением Городской комиссии по выборам в Горсовет я был лишен избирательных прав. В просьбе сообщить причины Городская комиссия мне отказала, указав лишь статью, по которой я лишен избирательных прав. Решение Городской комиссии я обжаловал в Окружную. Рассмотрение моего заявления, в котором я просил сообщить мне фактические данные, повлекшие за собой лишение меня избирательных прав, и дать мне возможность представить свои объяснения, затянулось до сентября м-ца. Комиссия в моем ходатайстве отказала, причин лишения прав не сообщила и выслушивать мои объяснения не пожелала; протокол заседания комиссии мне тоже не был показан. Частным образом от председателя комиссии тов. Федяева я узнал, что «формальной причиной» лишения избирательных прав была моя причастность к белой армии в 1918 г., какие же были не формальные причины, я так и не узнал. Тов. Федяев, между прочим, сказал, что по имеющимся материалам в моей деятельности за истекшие 10 лет «ничего плохого нет». Решение Окружной комиссии не только по существу, но и с точки зрения соблюдения закона о выборах я не могу признать правильным по следующим соображениям:

1. На основании разъяснения центральной власти (т. Калинина) при лишении избирательных прав кроме статьи сообщаются лишенцу и фактические данные, вызвавшие лишение избирательных прав, чего по отношению ко мне сделано не было.

2. Лишение избирательных прав по существу является судом над личностью человека. Отказав мне в праве дать объяснения, комиссия пошла в разрез с общей политикой Советской власти, которая применяет широкую

гласность и в судах, и при чистке соваппарата, и в других случаях.

3. Один факт причастности к белой армии без обсуждения моих действий в ней и причин, побудивших вступить в нее, действительно может быть лишь «формальной причиной» лишения прав. Между тем не только никаких карательных действий, но даже просто активных военных я за собой не знаю, да и само прикомандирование к Штабу Восточного фронта вызвано было причинами вовсе не политического характера. Мое дореволюционное прошлое никак не позволяет приписать мне бандитскую психологию.

4. В моей деятельности в качестве профессора Ирк<утского> университета, как признал сам тов. Федяев, ничего предосудительного нет, а как общественный работник я известен многим государственным учреждениям, где я активно участвовал в советском строительстве, а именно: Окрплане Исполкома, Окрземуправлении, Торготделе, Охотсоюзе, Госторге, ВСОРГО и др.

Во всяком случае, в таком важном вопросе, как лишение избирательных прав, я рассчитывал от Окружной комиссии встретить более вдумчивое отношение ко мне как к общественному работнику, но мои расчеты не оправдались. Надеюсь, что Краевая комиссия откажется от той формальной точки зрения, на которой стояла Окружная комиссия, и, отменив ее решение, восстановит меня в избирательных правах. В качестве приложения сообщаю мои объяснения, которые как раз не хотела выслушать Окружная комиссия.

2 / XII 29. Г. Иркутск

Профессор Иркутского
гос. университета
В. Дорогостайский.⁶

К заявлению приложены три объяснения: 1. Мое отношение к белогвардейскому движению и советскому строительству, 2. Мое дореволюционное прошлое, 3. История поступления в белую армию.

Примерно в то же время Дорогостайскому для предоставления в комиссию была дана справка Биолого-географического института при Иркутском университете:

⁶ Там же.

«Справка

Дана сия действительному члену Биолого-географического института проф. В. Ч. Дорогостайскому в том, что за все время работы в институте он проявил себя как активный и полезный работник, принимая деятельное участие в социалистическом строительстве СССР в пределах своей специальности, способствуя организации охотничьего хозяйства. Деятельность его выразилась в следующих направлениях:

1. Организовал и руководил в течение 10 лет питомником пушных и копытных зверей на Байкале.

2. Участвовал, начиная с 1923 г. и до настоящего времени, в ряде конференций, съездов, совещаний и т. п. по охотничьему делу.

3. Состоял в течение этого же времени консультантом по охотничьим и пушным вопросам в Окродделе, Окрплане, Охотсоюзе.

4. В последних двух организациях ни одно крупное начинание или решение в области охотоведения и пушного дела не проходило без его авторитетной апробации.

5. Совершил ряд экспедиций, имевших целью практическое разрешение вопросов охотустройства в Сибири.

6. Вызывался в Москву и Новосибирск для консультации по вопросам звероводства и охотхозяйства.

7. Прочитал ряд лекций на различных курсах, имеющих целью поднятие квалификации охотничьей массы и создание кадров культурных охотников.

8. Никогда не отказывался вести культурно-просветительную работу и читал лекции на биологические темы в рабочих клубах и т. п.

9. Кроме общеузовской педагогической работы ведет большую работу по подготовке специалистов высшей квалификации по пушному и охотничьему делу и по зоологии. Трое из его аспирантов уже закончили свою специальную подготовку и представляют собой ценных научных работников, в которых так нуждаются хозорганы нашего края и высшая школа.

10. Ежегодно организовывал выставки по кровному собаководству, сыгравшие большую роль в деле улучшения промысловой собаки.

11. Напечатал длинный ряд исследований, который позволяет квалифицировать его как крупного ученого

в республиканском масштабе, что и было зафиксировано в свое время в ЦЕКУБУ.

Все вышеизложенное позволяет считать профессора Виталия Чеславовича Дорогостайского нужным и полезным работником в области охотоведения, звероводства и пушного дела, специалисты в которых весьма немногочисленны.

В условиях Сибири и ее значения для пушного экспорта проф. Дорогостайский является незаменимым работником.

Директор проф.
Уч. секретарь проф.

Шевяков
Смирнов.»⁷

⁷ Архив ИГУ. Личное дело проф. В. Ч. Дорогостайского, л. 3.

Работа по заданию Ангаростроя. Опять пушнина

1 июня 1930 г. Городская избирательная комиссия восстановила В. Ч. Дорогостайского в избирательных правах. Радостное событие! А современная молодежь в большинстве даже не знает этого страшного и позорного слова «лишенец»...

7 февраля 1930 г. в иркутской газете «Власть труда» было объявлено, что эта газета совместно с ВСОРГО созывает совещание по вопросу Ангаростроя. 12 февраля там же появилась статья «Надо сегодня начинать, завтра будет поздно». В ней говорилось о том, что инженер-экономист тов. Горевский сделал большой доклад о разрешении Ангаро-Байкальской проблемы. В прениях по докладу инженер-энергетик, автор проекта Ангаростроя и будущий главный инженер его В. М. Малышев и другие много говорили о недостатке кадров как о самом трудном вопросе проблемы, о том, что высшие учебные заведения у нас отстают от темпа соцстроительства, что они до сих пор не перестроили свою работу. Совещание постановило: немедленно начинать исследовательские работы.

Вскоре в это дело включился Биолого-географический институт. По докладу Малышева он наметил те вопросы исследований, которые могут быть выполнены его членами. Малышев с коллегами только что приехал с Братского порога, где на себе почувствовал, что такое сибирский гнус. Он спросил совещание: Кто берется избавить строителей Ангаростроя от гнуса и срочно, «ибо так строить нельзя». «Мастером авральных дел» считался в институте проф. Дорогостайский, к нему и обратились. Он согласился, правда, нехотя. И тут у него возник с Малышевым забавный «торг», до сих пор сохранившийся в памяти у людей.

— Сколько надо? — спрашивает Малышев. — 200 000 рублей хватит?

Не привыкший к таким суммам Дорогостайский, по-видимому приняв это за шутку, отвечает:

— 1000 хватит. . .

— 100 000? — настаивает Малышев.

— Довольно будет 3000.

— 50 000?

— 5000 «за глаза» — отвечает Дорогостайский.

— 30 000?

— Ну, давайте 10 000 рублей и по-рукам.

— Ладно!

— «Торгу» конец. За точность цифр не ручаюсь, но о том, что такой торг имел место, мне свидетельствовало несколько человек. В дальнейшем Малышев и Дорогостайский хорошо сработались.

Итак, Дорогостайский принялся за дело совершенно неожиданное. Ему дали двух помощников. На одного из них, И. А. Рубцова, он возложил всю систематическую часть исследования, сам же взял на себя географию, экологию и биологию гнуса, а студент Н. М. Власенко выполнял отдельные задания того и другого. Изучать решили сначала самую главную, обильную группу гнуса в Иркутской области — мошек (*Simuliidae*). Литературы по мошкам в Иркутске не было никакой, а когда Рубцова командировали за ней в Ленинград, он там сумел найти 19 книг и статей, все специальные работы по мошкам были на иностранных языках, только одна общая — на русском: «Курс энтомологии» А. А. Штакельберга (1931). Интересно отметить, что из 18 статей о мошках 4 были опубликованы до 1920 г., 12 — в 20-х годах и только 2 — в 30-х. Изучение мошек в мировом масштабе лишь началось и, очевидно, было преимущественно таксономическим, а уж в Сибири. . . Снова приходилось В. Ч. быть пионером в какой-то области науки, самому выработать методику исследований.

Работа была проведена с сентября 1930 г. по январь 1932 г., результаты ее опубликованы Зоологическим институтом АН СССР (Дорогостайский и др., 1935). Систематическая часть принадлежит И. А. Рубцову, в ней довольно много новых видов двух родов — *Simulium* и *Pseudosimulium*, а поскольку Дорогостайский, конечно, и сам занимался систематикой мошек, определил множество экземпляров выведенных им из личинок и куколок мошек, то

6 новых видов были описаны ими сообща. Дорогостайским, кроме предисловия, методики работ и района исследований, написаны следующие разделы: 1. Географическое распределение различных видов по изученному району и их экология; 2. Циклы развития различных видов мошек, генерации, зимовка; 3. Миграции; 4. Враги и паразиты мошкар; 5. К вопросу защиты и борьбы с мошкаррой.

В предисловии Дорогостайский писал, что грандиозная проблема Ангаростроя вызовет коренное изменение всей экономической жизни Восточно-Сибирского края. Развертывание промышленного строительства не может обойтись без широкого притока людей и потребует максимального развития сельского хозяйства. Препятствием к этому является необыкновенно сильное развитие в тайге гнуса. Поэтому не случайно Ангаростроем в программу предварительных исследований наряду с техническими вопросами поставлена и проблема гнуса.

Что касается методики работ, за основу был принят лабораторно-экскурсионный метод, причем район исследований был весьма обширен, включая окрестности юго-западной части Байкала, всю Ангару от истока до Братска и т. п. Была создана довольно простая методика выведения мошек в экспериментальных условиях и их перевозки на значительные расстояния в живом виде. Вскоре выяснилось, что первые стадии развития мошки проводят только в проточной воде, наметились экологические группы видов в зависимости от характера ручьев и рек. Изучение же самой «мошкар», т. е. имаго, было много сложнее вследствие переноса ее ветрами на большие расстояния. Были изучены генерации, их число у разных видов и характер перезимовывания личинок в воде подо льдом, кровососание и ядовитость разных видов.

Однако многие стороны существования и свойств мошкарры невозможно было изучить хорошо за столь краткий срок, опыты по борьбе с мошками были только намечены, проведено лишь несколько опытов по их отравлению. Говорить об организации борьбы с мошкаррой, которая безусловно была бы очень трудной, оказалось преждевременно. Можно было лишь наметить то направление, в котором должна идти экспериментальная работа по уничтожению личинок и куколок. В отношении взрослых мошек — выработка наиболее удобных отпугивающих средств.

Интересно отметить еще один момент, относящийся к выполнению В. Ч. задания Ангаростроя. Работа требовала почти непрерывного, круглогодичного наблюдения за жизнью мошек в природе, т. е. постоянных разъездов по окрестностям Иркутска и далее. С транспортными средствами было очень туго. Трамваев, автобусов, такси и в помине не было, лошади крайне дороги и трудно добываемы. Может быть, уже в первый вечер после назначения, только вернувшись с совещания и поговорив с В. И. Мыльниковым, своим другом, хозяином дома, где мы жили, В. Ч. решил немедленно строить собственный автомобиль. Мыльников, работавший в пожарном депо, с юности увлекался автомобилями, которых тогда было в Иркутске «счесть по пальцам». У него был на примете старый мотор Форда в 22 л. с., да и другие части машин. Начали постройку в кабинете В. Ч., заканчивали во дворе, на ночь ставили в сарай. И я, вернувшись из школы, помогала отцу строгать и вытачивать кузов машины. Работа двигалась быстро, к сентябрю уже была закончена. Но тут университетская бухгалтерия заявила, что поскольку профессор тратил на постройку автомобиля свое рабочее время и деньги, отпущенные ему на исследования гнуса, то автомобиль принадлежит Биолого-географическому институту, который и будет им распоряжаться. Конечно, Дорогостайский вспылил, был конфликт, но в конце концов машина осталась у него. В Иркутске очень многие помнят ее до сих пор, так как глушитель добыть не удалось, и автомобиль очень гроыхал, сильно подпрыгивая при этом, поскольку рессоры пришлось поставить плохие, от пролётки. Ничего, ездили. В моторах В. Ч. разбирался, ведь он и ранее много плавал на «Чайке» и на моторных лодках. Профессор-умелец.

Чем же закончилась работа Дорогостайского по борьбе с гнусом? Ведь он не занимался ею и двух лет, и этого было явно мало для такой сложной, трудной проблемы. 20 января 1932 г. В. М. Малышев писал Дорогостайскому явно в ответ на его запрос: «Работы по гнусу продолжать мы будем и в программу работ включили ассигнования в 20 000 руб. . . . Таким образом, деньги есть. Организовать ли эту работу по Биолого-географическому институту или по линии Академии наук, Вам виднее. Я согласен с любой комбинацией. . . ».¹

¹ Архив ИГУ. Личное дело проф. В. Ч. Дорогостайского, л. 15.

Постройка автомобиля в спальне-кабинете профессора.

И тем не менее исследования прикрыли, кто и почему — неизвестно. Я помню, как В. Ч. раздражали и нервировали те нескончаемые распоряжения сверху. Он был исключительно инициативным, изобретательным и увлекающимся человеком, но у него порой опускались руки, когда его «задумки», успевшие захватить весь его интеллект, вдруг

неожиданно пресекались и ему предлагалось что-то новое, кем-то навязываемое. Очень крепкий и здоровый от природы, он в 30-х годах от этой нервотрепки начал болеть. Приведу лишь один документ, в котором чувствуется его настроение:

«В Анатомо-биологическую комиссию
Профессора В. Ч. Дорогостайского

Заявление

На предложение Комиссии представить план научной работы занимаемой мною кафедры имею сообщить следующее: я и мои помощники на ближайшее время ставят своей целью работу в области краеведения и изучения местной фауны позвоночных. До сего времени кафедра в своей научной и педагогической деятельности имела практический уклон в сторону охотоведения, теперь же от этого уклона приходится отказаться. Из этого следует, что новых специалистов и аспирантов по охотоведению принимать не придется. Работа кафедры на охоткурсах Хозправфака исключается, а также, по-видимому, исключается работа кафедры в Байкальском питомнике. Темы и дипломные работы по охотоведческому предмету приниматься не будут.

Проф. Дорогостайский».²

Вот предо мною выписки: «I Восточно-Сибирский научно-исследовательский съезд (январь 1931 г.). Созывается по постановлению Оргкомитета ВЦИК от 20 X 1930. . .».

«. . . Протокол № 2 заседания Оргкомитета по созыву I Краеведческого научно-исследовательского съезда в Иркутске (. . .) Постановили: утвердить на секции следующие доклады: (. . .) 2) Гидробиологические исследования Байкала и Ангары (Верещагин Г. Ю., в случае отказа Яснитский В. Н.) (. . .) 4) Биологическая продукция Байкала. Рыбы (Дорогостайский) (. . .) 9) Зоологические участки Вост.-Сиб. края и их изучение (Дорогостайский)».³

Явно навязываемые людям доклады. Верещагин и Яснитский работали в разных учреждениях. Продуктив-

² Там же, л. 156.

³ ГАИО, ф: р-565, оп. 2, д. 16, л. 19.

*Автомобиль Дорогостайского в пути.
Слева В. И. Мыльников, справа геолог А. Е. Серебренников.*

ностью байкальского рыболовства Дорогостайский уже почти 30 лет не занимался, учёта рыб на Байкале не производил. Кто знает, что такое «зоологические участки», навязываемые Дорогостайскому?

Далее. Востсибпушнина предложила в 1933 г. Пушному институту в Иркутске, а практически все тому же В. Ч. Дорогостайскому, организовать исследование «весенней пушнины» с весны этого года. Необходимость увеличивать экспорт пушнины в условиях соцстроительства привлекла внимание и к таким животным, как водяная крыса, пищуха, крот, суслик, бурундук, хомяк, тушканчик, цокор и даже домашняя крыса, которая до тех пор почти не эксплуатировалась. Спрос на этих животных с каждым годом рос.

В первое лето В. Ч. работал один, помощников почему-то не оказалось. Положительным фактором было наличие своей машины, на которой он смог в первую половину лета весьма тщательно обследовать окрестности Иркутска радиусом в 50 км, а во вторую — совершить продолжительную поездку для обследования долины р. Ангары вплоть до Балаганского и Усть-Удинского районов. Отчет его о работе научной ценности имел мало

и опубликован не был.⁴ В нем указаны распространение разных видов, свойственные им станции и намечены весьма разные пути к определению численности каждого вида. Осуществить это определение он не мог за отсутствием рабочей силы.

На следующее лето профессор организовал уже целую бригаду студентов-дипломантов, дав им такие темы, как «Изучение сезонного изменения меха у водяной крысы», «То же у бурундука», «К методике определения плотности мышевидных грызунов», «Биология цокора» и, наконец, «Наблюдения над биологией ондатры в разных районах Восточной Сибири» (три темы с различными установками).

Более всего Дорогостайского тогда привлекала идея акклиматизации в Сибири ондатры, как более рентабельной по сравнению с остальными видами «весенней пушнины». Узнав о возможности акклиматизации ондатры в европейской части СССР из статей Генерозова, Житкова, Смирнова, Керцелли (а может быть, и лично от них, ведь он был знаком с большинством ведущих охотоведов и звероводов страны), он увлекся идеей и еще до выпуска ондатры в европейской части СССР опубликовал статейку «Американская ондатра и перспективы разведения ее в Сибири» (1927). А теперь отправился выпускать откуда-то полученную ондатру на подходящие станции, поскольку хорошо изучил ее экологию по литературе, а окрестности Иркутска знал отлично. В помощники взял студентов Леготина, Данько, Сергеева и Шапсиса. Остальные изучали других грызунов, а три студентки — Ваксберг, Вовчинская и Петухова — поехали в Москву, в Пушкинский зверопитомник «на выучку» к профессору П. А. Мантейфелю. Это была первая группа будущих научных работников, которых готовил Дорогостайский в Иркутске; до того ему приходилось выпускать в жизнь лишь педагогов средней школы.

⁴ Рукопись отчета хранится в ИГОМе. Архив, ф. В. Ч. Дорогостайского.

Педагогическая деятельность В. Ч. Дорогостайского до открытия Иркутского университета и в нем

Склонность к педагогике проявлялась у В. Ч. еще в юные годы; в основе ее лежала общительность его и постоянное стремление сделать что-то полезное людям. Студентом, в иркутской ссылке, он стал одним из основателей детской площадки для городской бедноты от общества «Просвещение», а в 1906 г. — основателем в Иркутске «Общедоступных курсов» — учреждения типа рабочего университета. В Москве участвовал в кампании по ликвидации неграмотности среди взрослых.

Преподавание его в иркутских гимназиях шло хорошо. Он был талантлив, отлично подготовлен и очень усерден. Вот свидетельство его бывшего ученика, теперь доктора наук Н. И. Толстихина: «...В 1917—20 гг., занимаясь преподаванием в начальной, средней и высшей школе Иркутска, я часто с благодарностью вспоминал уроки В. Ч. Дорогостайского и по возможности старался подражать ему: устраивал экскурсии за город с учениками, учил их наблюдать и любить природу. На уроках мы с ребятами занимались изучением анатомии рыб, птиц, крыс и мышей, вооруженные скальпелем как заправские хирурги. А бережное отношение к природе особенно проповедует мой сын Октавий. Так все хорошее, доброе, вечное, что внушалось нам в гимназии нашим дорогим В. Ч. Дорогостайским, вошло в жизнь».¹

Следующий педагогический опыт В. Ч. Дорогостайского — работа лаборантом (затем ассистентом) в лаборатории сравнительной анатомии Московского университета у М. А. Мензбира и А. Н. Северцова (1910—1918 гг.). Этот предмет давал широкое поле для изобретательности

¹ Личный архив Е. В. Дорогостайской.

педагога, а ученики! В числе любимых — С. С. Туров, С. А. Северцев, М. П. Розанов, ставшие впоследствии крупными учеными, но и другие студенты были превосходны — талантливые, мыслящие, свободолюбивые. Там формировались у Дорогостайского педагогические навыки и представление о том, каким должен быть студент.

Иркутский университет. 19 июня 1916 г. в газете «Иркутская жизнь» появилась заметка «Второй университет в Сибири» — о проекте министерства народного просвещения. Место не указывалось, что привело к появлению в иркутской печати множества взволнованных статей и даже целой рубрики в «Иркутской жизни»: «Где быть второму сибирскому университету?». 6 июля вышло постановление городской думы: ассигновать на постройку здания 500 000 р., отвести землю, избрать комиссию для составления докладной записки о преимуществах открытия университета именно в Иркутске, начать сбор пожертвований и т. д. Началась подписка на пожертвования, ежедневно публиковавшаяся в разделе «Хроника». Не остались в стороне Сибиряковы, Хаминов, 50 000 р. пожертвовал богатый энтомолог С. Н. Родионов, старший друг Дорогостайского. А сам Дорогостайский? Тот «гол как сокол», но что-то сделал. Он тогда был в Иркутске с экспедицией Академии наук; его и петроградского энтомолога Г. Г. Якобсона пригласили в редакцию. Якобсон сказал: «Когда в России говорят о центрах Сибири, то в первую очередь имеют в виду Иркутск, как центр географический и находящийся в области, представляющей крупный научный интерес. Последнее обстоятельство может содействовать привлечению к Иркутскому университету серьезных научных сил, специалистов, исследователей сравнительно мало обследованного края».² Дорогостайский подчеркнул, что главной трудностью для университета будет отсутствие научной библиотеки. Сказал, что по открытии университета деятельность музея ВСОРГО, который почти не имеет средств, несомненно оживится и сам музей будет иметь громадное подсобное значение для университета.

Сибиряк в душе, В. Ч. Дорогостайский страстно ждал открытия университета в Иркутске и надеялся принять самое активное участие в его строительстве. На университет тогда жертвовали не только иркутяне, но вся

² Иркут. жизнь. 1916. № 222. 14 сент. Хроника.

Восточная Сибирь — от 50 копеек до сотен тысяч рублей. «Соперником» его был Владивостокский университет, на который рассчитывали и также собирали пожертвования жители Владивостока. Самый большой взнос на университет в Иркутске сделал Н. А. Второв с сыновьями — 200 000 р. Казалось бы, хорошо, а не совсем то, что надо. Одновременно он внес 800 000 р. на создание в Иркутске политехникума. Теперь политехникум стал «соперником» и кое-кто стал перечислять свои пожертвования на него. . . Разгорались борьба, агитация. 23 февраля стало известно, что «Его Императорскому Величеству благоугодно было высказаться преимущественно за открытие политехникума», и Совет министров тотчас этому указанию последовал.

Несомненно, что тон этой публикации, эта «высочайшая воля Его Императорского Величества», уже сам по себе вызвал сильный внутренний протест антимоноархиста Дорогостайского, а тут еще дело касалось его мечты, университета. Сумеют ли иркутяне отстоять университет? Что-то делает его друг, бывший коллега по гимназии, теперь инспектор гимназий и гласный думы Д. З. Белкин, человек весьма энергичный, принципиальный? Белкин в думе сказал: «Раз нам предлагают политехникум, надо это предложение принять. Но мы не можем отказываться от университета и параллельно с агитацией в пользу политехникума надо продолжать агитацию за университет».³

Но тут произошла революция в Петрограде, о которой в Иркутске сначала ходили слухи и лишь 4 марта появилось сообщение в печати. В городе началась работа по переустройству общества, до университета ли тут. Лишь 12 сентября 1917 г. была получена в Иркутске телеграмма о решении правительства открыть там университет. Возобновилась работа комиссии, открытие университета опять стало казаться реальностью. Но тут надвинулась гражданская война, часть населения была за Советы, другая за Учредительное собрание. В каждом городе она шла по-своему, и хотелось бы ассистенту профессора Северцова в Москве Дорогостайскому знать, как она шла в Иркутске, ой как хотелось! Но вести оттуда доходили все реже и, наконец, совсем прекратились. . .

В. Ч. Дорогостайский был в общем далек от политики

³ Иркут. жизнь. 1917. № 49. 23 февр. С. 2.

тогда. Его специальность — зоология — захватывала его целиком, гуманитарные науки интересовали мало, а участие в студенческих волнениях было данью общим настроениям — борьбой с самодержавием за свободу и достоинство студентов и преподавателей, автономию университетов. Несмотря на вспыльчивость, натура В. Ч. была мягкой, спокойной, основные ее черты — доброжелательность к людям, отвращение ко всяким ссорам и распрям и еще большое чувство долга перед учителем, семьей, наукой, родиной. Отец его умер рано, а в молодости наибольшее влияние на него оказал любимый им и любивший его профессор М. А. Мензбир; последний был передовым, прогрессивным человеком и бунтарство Дорогостайского-студента никогда не подавлялось, а скорее поощрялось им.

В. Ч. тянуло на родину, в Иркутск. Но как выехать туда с семьей, если его репутация как учителя гимназии испорчена, а университет еще не открылся? И вот он принимает, зная, что временно, приглашение Омского сельскохозяйственного института на должность профессора анатомии, надеясь вскоре забрать из Москвы семью. В конце 1918 г. в Сельхозинституте был поднят вопрос об организации кафедры ихтиологии и гидробиологии с приглашением Дорогостайского на должность заведующего. Но тот уже знал, что в 1918 г. в Иркутске открыт университет и стремился только туда. Он написал в Иркутск письмо, предлагая создать сельскохозяйственный факультет, для первых двух курсов которого в Омске имеются преподаватели по всем кафедрам, кроме геодезии и химии. Иркутский университет существовал тогда в составе лишь двух гуманитарных факультетов, вопрос о других факультетах решался в зависимости от наличия кадров. Просились многие из Казанского университета, и вот — из Омска.

С большим трудом добирались из Омска в Иркутск в огне то тут то там вспыхивающих очагов гражданской войны приглашенные для организации физико-математического факультета Дорогостайский и его коллеги (это в 1975 г. мне рассказал прибывший последним С. С. Туров). Деканом факультета был назначен Б. А. Сварчевский.

Первые два факультета были размещены в 1918 г. в так называемом Белом доме, самом крупном тогда здании Иркутска, резиденции генерал-губернаторов. На должность ректора был приглашен еще министром просве-

щения В. В. Сапожниковым доцент Московского университета М. М. Рубинштейн, было принято 450 студентов. Места для других факультетов не было. Но имелось полуразрушенное здание «американских казарм», принадлежавшее когда-то Русско-Американской компании. Пришлось его наскоро отремонтировать.

Вот еще абзац из воспоминаний Н. И. Толстихина: «Первое время кафедра геологии и минералогии, которую возглавлял А. В. Львов, а также кафедра зоологии, возглавляемая В. Ч. Дорогостайским, находились в «красных казармах» на углу Казарменской и Троицкой улиц. Я помогал А. В. Львову и в 1919 г. осенью по возвращению из Монголии поставил в комнате, где помещалась его кафедра, шкаф со своими коллекциями, собранными в бассейне Селенги. Там и проводил обработку материалов. Комната эта находилась во втором этаже. На первом этаже помещалась кафедра, где работал В. Ч. Дорогостайский. Он не покладая рук трудился, готовил коллекции насекомых, делал чучела птиц и т. д. Физико-математический факультет был открыт буквально на голом месте. Все нужно было начинать сначала. И приходится удивляться настойчивости, терпению и преданности своему делу, которые проявили первые организаторы физмата, в том числе и В. Ч. Дорогостайский. Его пример, его твердая убежденность в великом деле насаждения высшего образования в Сибири, стране каторжников и политических ссыльных, давали ему силу в преодолении стоявших перед ним трудностей. Молодежи было чему поучиться у В. Ч.!»⁴ Еще Толстихин рассказывал мне, что он часто встречал В. Ч. с пилой, рубанком, молотком и т. п. в руке, так как не только учебные пособия, но стеллажи, табуреты, столы приходилось изготавливать преподавателям.

И вот физико-математический факультет с естественно-историческим и медицинским отделениями заработал. Дорогостайский был хорошо подготовлен к лекциям, у него был хороший ассистент (С. С. Туров, бывший его ученик). Жил он тогда в семье своей двоюродной сестры В. А. Касуриной, дочери Александры Ильиничны Черных. Да одному прожить нетрудно даже в голоде и холоде тогдашнего Иркутска. Но вот. . . семья где-то в далекой Москве. Как-то они там? Письма не доходят. . . Заботы; от них спасение лишь в усиленной работе. Как и предвидел В. Ч. в 1916 г.,

⁴ Личный архив Е. В. Дорогостайской.

университетская библиотека совершенно ничтожна, учебников нет, музей ВСОРГО пока еще непригоден для использования студентами. Вот часть продолжительного его выступления на общем собрании ВСОРГО 13 марта 1920 г. (запись секретаря): «...мне было бы совершенно неприемлемо пойти работать в отдел по естественно-историческому отделению, если бы ВСОРГО не согласилось выделить свои коллекции в Областной музей и коллекции эти не были бы национализированы. Наш музей создавался стихийно, материалы не подбирались, ВСОРГО сумело только сохранить ценные коллекции как сырой материал... Чтобы правильно использовать коллекции, имеющие показательный характер, в установку их должна быть внесена известная идея... Областной музей должен представлять яркую, определенную картину современной фауны и ископаемого животного мира, кроме того, дать материалы для желающих ознакомиться с биологией животных, экологией, систематикой».⁵

Видя большой интерес Дорогостайского к музейному делу, его пригласили заведовать Областным музеем, и он...согласился. Странно, но факт: вот передо мной копия его заявления об увольнении из университета. Правда, ему отказали. Но как он мог решиться на такой шаг? Очевидно, постановка преподавания настолько его разочаровала, что он решил оставить дело, о котором так мечтал...

Попробуем разобраться. В. Ч. знал, что сразу после февральской революции многие из профессоров, покинувших Московский университет в 1911 г., вернулись в него с честью, а Мензбир даже был назначен ректором университета. Такие факты вселили в Дорогостайского необоснованные надежды. В свое время он глубоко воспринял от своего Учителя Мензбира высокий научный уровень его лекций, стремление воспитывать в студентах столь необходимый в науке критический подход к анализу научных данных, безупречную честность и нелицеприятие. А также идею автономии университетов, в частности право каждого профессора строить свой курс с максимальным напряжением своих духовных и умственных сил, так, как это ему кажется наилучшим для восприятия его курса студентами.

⁵ ГАИО, ф. 565, оп. 1, д. 24, л. 70.

*В. Ч. Дорогостайский в своем кабинете в университете.
Рабочая одежда профессора — обычная для 1920-х годов.*

Однако проводимые в Иркутском университете по указаниям из центра (возможно, в несколько искаженном виде) реформы высшей школы, следовавшие друг за другом с 1918 по 1924 г., во многом противоречили его представлению о преподавании в университете. Кроме того, бесконечные преобразования нарушали нормальную спокойную жизнь университета, вызывали нервозность и профессуры, и студентов на фоне очень тяжелого материального существования и тех, и других. Деньги обесценились, и на жизнь приходилось так или иначе подрабатывать и еще участвовать в заготовках дров и угля (и все же в зимние дни занятия проводились, как правило, в пальто и шапках). Если к этому прибавить трудности учебного процесса, о чем речь ниже, то обстановка выглядит совсем невеселой. Весьма многие приезжие профессора (а таких было большинство), уехав в эти годы в отпуск, в Иркутск не возвращались. Такой мысли у В. Ч. не было. Наоборот, в декабре 1920 г. он, наконец, выписал свою семью.

Семья ехала от Москвы около месяца в «теплушке»

(товарном вагоне). Жена В. Ч. не выпускала из рук четырехлетнего ребенка — меня, а мать В. Ч. и четырнадцатилетний сын Дима выходили на остановках, чтобы обменять вещи на какую-нибудь пищу. Расписания не было, поезд стоял часами, сутками и трогались с места неожиданно. Отстали от поезда сначала бабушка, а потом и внук, но до Иркутска все же добрались. Каким-то образом (встречая каждый поезд?) ухитрился встретить жену с дочкой и наш папа и повел нас через Ангару: маму под руку, а меня сзади на саночках. По приезде вся семья, каждый в меру своих возможностей, включился в процесс изготовления сапог на продажу — дело выгодное для существования.

Что же мешало профессору Дорогостайскому честно и спокойно преподавать в Иркутском университете? То же, что и другим профессорам, воспитанным в Московском, Петербургском, Казанском университетах с той или иной дозой университетской автономии, особой научной честностью (не говоря уж об общечеловеческой), правдивостью, отношением к своему университету как к храму науки. Только ему, в отличие от других, более замкнутых по натуре профессором, с его исключительной общительностью, искренностью, цельностью было очень трудно приспособляться к новой жизни с ее особой «пролетарской» моралью (а часто просто аморальностью, фальшью). Как и его духовному Учителю профессору Мензбиру, ему были присущи строгое, вдумчивое отношение к жизни, верность самому себе и самобытность, а также бескорыстность. Несмотря на все доходящие «свыше» директивы, указания, распоряжения, он продолжал постоянно чувствовать себя свободным, держащим ответ только перед своей совестью и смело высказывал свои мнения, будь то в домашней обстановке или на собрании, и менее всего думал о том, что это может иметь последствия, вредящие ему в личной жизни. В этом легко убедиться, если вдумчиво проанализировать все события его жизни, его поведение.

День трехлетия университета отпраздновали 27 октября 1921 г. торжественно, несмотря на голод и холод. Большое внимание уделила этому событию местная печать; кроме газетных статей университет выпустил особый сборник с отчетами факультетов и отдельными статьями. В статье «Отвлеченная наука и практическое животноводство» Дорогостайский на примере использования законов

Менделя в зоотехнике показал, как, казалось бы, «чистая» наука (на которую у нас тогда было гонение) может с большим успехом использоваться в практике. Он писал, что залог успеха хозяйственной жизни страны — в гармонической организации науки вообще. Там же его коллега Б. А. Сварчевский в статье «Физико-математический факультет и научные задачи Восточной Сибири» доказывал, насколько важно Иргосуна⁶ выпускать хорошо подготовленных специалистов разных профилей.

Как бы в ответ на эти статьи уже в 1922 г. физико-математический факультет был влит в качестве «естественного отделения» в педагогический факультет! Как трудно было людям Иргосуна при крайних условиях их существования еще и приспособляться к то и дело приходящим «из центра» новым распоряжениям! Вот, например, Дорогостайскому, декану ветеринарного факультета, было предложено расширить этот факультет, открыв в нем сельскохозяйственное отделение. Это даже трудно понять — как открыть большее в меньшем? Началась переписка с «центром», и в результате Дорогостайский отказался от должности декана. Впрочем, вскоре пришло распоряжение о полном закрытии ветеринарного факультета.

Первая половина 1922 г. явилась самым трудным, даже критическим периодом существования Иргосуна. Средства, высылаемые Москвой крайне неаккуратно, были ничтожны. И вот пришли вести о том, что там обсуждается вопрос о закрытии Иргосуна или полном снятии его с государственного снабжения. Поступило уведомление о том, что весь факультет общественных наук переводится в Томский университет. Началась борьба, о которой ежедневно писали иркутские газеты. На защиту университета встало все иркутское общество. Снова, как в 1916—1917 гг., в Иркутске создалась особая атмосфера, но тогда был лозунг «Создать наш университет!», теперь — «Спасти наш университет от гибели!». Люди, оказывается, еще не изменились, не «оказались», не ждут только «указаний свыше». Читали платные лекции в пользу Иргосуна профессора и преподаватели, учителя и врачи, устраивали спектакли, концерты и просто делали отчисления из жалования различные люди и коллективы, и не только в Иркутске, но и в губернии. Сам университет организовывал лотереи, ярмарки, экономил на топливе и т. п. Не оста-

⁶ Так стали в 20-х годах называть Иркутский университет.

вались в стороне и студенты. Местные организации (Губком, Губисполком, Губпросвет и др.) посылали в центр телеграммы с просьбами сохранить университет, с обещанием поддержки его. . . Иргосун был спасен!

Вернемся к Дорогостайскому. В это трудное для всех время у него на руках еще питомник с умирающими от голода ценнейшими лисами. Он же со своей семьей, возросшей до пяти иждивенцев, не может уделять лисам ничего от своего выдаваемого на одного человека академического пайка. Назрело решение ликвидировать питомник, продав лисиц и таким образом выплатив накопившиеся у питомника долги. Но университет спас это ценное патриотическое начинание одного из своих профессоров, заплатив долги и таким образом приобретя питомник. Об этом писал Дорогостайский в небольшой статье «Университет и промышленное звероводство», опубликованной в газете «Университетский клич» (1922). Эта покупка была, подобно аренде Байкальской биостанции, одной из деталей усиленной борьбы профессоров физико-математического факультета за его восстановление. Восстановление казалось возможным, так как сибирские патриоты доказывали, что Иргосун должен быть использован по своему назначению: давать квалифицированных специалистов для освоения громадного и почти не используемого потенциала Восточной Сибири, так нужного в то время стране. Они были едины и монолитны в своем мнении.

Но дело «не выгорело», физико-математический факультет так и остался естественным отделением педагогического факультета, готовящим педагогов средней школы. И Дорогостайский, конечно, после множества совещаний со своими коллегами избрал новую форму борьбы за подготовку ученых — исследователей Сибири. Был такой документ:

«22 II 23. № 950

Удостоверение

Настоящее удостоверение выдано Иркутским университетом профессору физико-математического факультета (? — *Е. Д.*) Виталию Чеславовичу Дорогостайскому в том, что он постановлением Правления, состоявшимся 20 февраля с. г., командирован Иргосуном в Москву и Петроград для проведения вопроса об организации и открытии Биолого-географического научно-исследовательского института при университете, согласно постановлению

В. Ч. Дорогостайский — профессор ИГУ. 1934 г.

Коллегии Главпрофобра от 12 августа 1922 года.

Проф. В. Ч. Дорогостайский уполномочивается возбуждать и поддерживать по данному вопросу ходатайства от имени Иргосуна перед общественными организациями, должностными и частными лицами Москвы и Петрограда и вообще принимать все законные меры, которые найдет нужным в интересах Иркутского университета.

Ввиду этого Иркутский университет обращается

с просьбой оказать проф. В. Ч. Дорогостайскому всемерное содействие в деле выполнения им возложенного на него университетом задания.

Ректор
Секретарь правления».⁷

Миссия Дорогостайского увенчалась успехом, Биолого-географический институт (БГИ) был учрежден (директором стал Б. А. Сварчевский), и основной базой для научной работы преподавателей и аспирантов стала падь Большие Коты с находящейся там Биологической станцией и питомником пушных зверей. Кое-каких аспирантов Дорогостайскому удалось «отвоевать», в частности М. М. Кожова, в будущем профессора и многолетнего директора БГИ. В основном же работа шла по такому плану:

«...Всякие углубленные или специальные курсы, необходимые для будущего ученого, которые должны готовить физико-математические факультеты, устранены из учебного плана, так как все внимание, все свободное время учащихся должно быть обращено и сконцентрировано на выполнении задачи педфакультета, т. е. на приобретении не только знаний, но и практических навыков для преподавания <...> факультет должен заняться научной разработкой педагогики, и реформа должна заключаться в том, чтобы педагогический факультет был действительно педагогическим...».⁸

Одновременно с реформами преподавания и структуры Иргосуна шла и усиленная пролетаризация вуза. В газетах объявлялась вербовка студентов, партийные и профсоюзные организации выдвигали на учебу рабочую и крестьянскую молодежь. В первое время не могло быть и речи о приемных испытаниях таких абитуриентов. В 1920 г. был учрежден рабочий факультет; на него принимали людей с очень разными знаниями, вплоть до совсем неграмотных.

К 1924 г. дети рабочих и крестьян составляли 60—70 % студенчества. Нужно ли говорить о трудностях преподавания наук таким малоподготовленным и не имеющим общей культуры людям. Применялись всякие ухищрения: частичная или даже полная отмена лекций, бригадный метод, периодическая чистка состава студенчества и др.

⁷ Архив ИГУ. Личное дело проф. В. Ч. Дорогостайского, л. 102.

⁸ ГАИО, ф. 71а, д. 17, св. 2, «Учеб. планы и объяснит. зап.», л.3.

И с этих голодных, с великим трудом воспринимающих науку студентов еще постоянно требовали общественную работу, в том числе ликвидацию неграмотности взрослых людей.

Помню, как, приходя из университета, отец усталый, расстроенный часто горько жаловался жене на придирки бюрократов, их необоснованные требования, необходимость сидеть подолгу на заседаниях, где «переливают из пустого в порожнее», а также на тупость и пассивность некоторых студентов. Ведь он-то трудился всегда с полной отдачей, не мог иначе.

Постепенно обстановка стала облегчаться. В 1927 г. были введены приемные испытания для студентов, стали принимать в вузы «детей трудовой интеллигенции». Однако 1930 год оказался особенно трудным для Дорогостайского. Скончался его друг, ректор Н. Д. Бушмакин, а затем Б. А. Сварчевский. Дорогостайскому была передана в дополнение кафедра зоологии беспозвоночных. И вдруг, осенью 1930 г., Иргосун был расформирован. На базе его факультетов были открыты иркутские отраслевые институты — Медицинский, Финансово-экономический и Педагогический. Дорогостайский остался без работы. Помог Ангарострой, финансировавший работу по гнусу.

В 1931 г. начался новый этап в развитии советской высшей школы. К ноябрю 1931 г. Иркутский университет был восстановлен в новом качестве с названием «Восточно-Сибирский университет» (ВСГУ) и с тремя отделениями: химическим, почвенно-географическим и физическим. Директором был назначен Н. К. Русаков. В 1932 г. в ВСГУ было уже 11 отделений, в том числе зоологическое с профессором Дорогостайским во главе. В 1933 г. была восстановлена факультетская система с четырьмя факультетами, в том числе биологическим (декан В. Н. Яснитский, ботаник). Наконец-то сбылась мечта, можно готовить ученых-биологов! Дорогостайский стал «самим собой», а каким именно — об этом лучше, чем я, смогла написать его студентка Галина Ильинична Летова (перевелась из другого вуза):

«. . . Биологию я не понимала и не любила. Посещать занятия не было никакого желания. Вот в таком настроении пришла я на вводную лекцию по сравнительной анатомии, которую читал профессор Виталий Чеславович Дорогостайский.

В аудиторию вошел немолодой, очень скромно одетый профессор в сопровождении коричневой гладкошерстной собаки. И сразу же установилась полнейшая тишина, в которой спокойный, чуть глуховатый голос последовательно и логично развернул перед нами картину развития живых существ — основные гипотезы и нерешенные задачи. У меня и сейчас сохраняется такое впечатление, что в тот день на месте старой черной доски распахнулось чудесное окно в прошлое животного мира. А ведь В. Ч. в это время говорил о таких прозаических вещах, как эволюция строения слухового аппарата и других систем и органов. На протяжении всей лекции мы боялись пропустить хоть одно слово. Первой моей мыслью по окончании лекции было: „Как нужно знать, чтобы так читать лекцию!“. Впервые за много дней я почувствовала, что впереди меня ждет не нелюбимое и непонятное дело, а много нового и интересного. Для меня лекции В. Ч. открыли биологию.

Немногословный и даже внешне суровый В. Ч. никогда не бранил за ошибки в работе. Наоборот, при неудачах и ошибках он всегда старался поддержать и помочь. Помню, как В. Ч. с большим трудом достал череп кабарги, а я, промывая его после обработки, нечаянно спустила в канализацию выпавшие из черепа зубы. В. Ч. очень огорчился, но мне только сказал: „Тот не ошибается, кто ничего не делает“. Зато как радовали В. Ч. даже незначительные успехи его учеников. С нами, в тех случаях, когда он был доволен, В. Ч. становился веселым, шутил, рассказывал случаи из своей студенческой жизни.

Уже немолодой и серьезно больной, В. Ч. все вечера проводил за работой, за письменным столом. Часов до 10, до 11 горел свет в его кабинете.

Это Виталий Чеславович сохранил мне университет, когда я хотела оставить учебу из-за трудного материального положения моей семьи. Научив делать тушки и чучела, В. Ч. устроил меня работать на кафедре препаратором. Он же горячо вступился, когда меня хотели лишиться стипендии, так как я совмещала учебу с работой. Вообще к В. Ч. часто обращались за помощью работники кафедры и студенты, и никогда он не оставался равнодушным к таким просьбам. . .

В. Ч. был прямым и вспыльчивым человеком. Он совершенно не терпел трусости и стремления скрыть свой поступок. В кабинете зоологии жила очень милая

птица щур. Его любили все, но он всю свою привязанность безраздельно отдавал только В. Ч. Вечерами, когда профессор работал, он расхаживал по письменному столу, садился на плечи и вообще оказывал разные знаки внимания. И вот однажды щур остался без хвоста. В. Ч. пришел в аудиторию, где собрался наш курс, и спросил: „Кто это сделал?“. Курс молчал. Тогда В. Ч. сказал, что читать лекции студентам, которые не только позволяют себе издеваться над незащитной птицей, но еще и не имеют мужества признаться в этом, он не будет. После ухода В. Ч. одна из студенток расплакалась и призналась, что она хотела загнать щура в клетку и случайно схватила за хвост. Парламентером к В. Ч. отправили меня. Он молча выслушал объяснения и сказал: „Вас никогда нет на месте, когда Вы нужны“, пошел читать лекцию. После лекции мы все окружили В. Ч. и наперебой извинялись за происшедшее. А он был добр, шутил и называл нас „октябрятами“.

Мне хорошо запомнился студенческий вечер, на котором присутствовал В. Ч. Дорогостайский. После торжественной части на кафедре зоологии позвоночных собрались два курса, выпускной и наш, а из профессоров В. Ч. Дорогостайский и В. Н. Яснитский. Душой вечера сразу же стали профессора. Я не помню более веселого и коллективного вечера. Было много песен, шуток, очень веселых игр. И совсем не было вина, даже танцевать не уходили. Смеялись мы буквально все до слез. Царила удивительная атмосфера дружелюбия, веселых шуток, внимания старших к младшим. Удивление и восхищение у всех нас вызывали наши профессора, которые, оказывается, не только умели хорошо работать и учить, но и так замечательно веселиться. Собственно, это тоже был урок. Урок хорошего вкуса и умения отдыхать.⁹

Хотелось бы закончить повесть о Дорогостайском на этих светлых страницах, но нельзя. Справедливость требует рассказать и о темных, не очень понятных нам сторонах его жизни. У отца был чрезвычайно трезвый аналитический ум, ничего не берущий на веру. Он все подвергал сомнению, взвешивал все «за» и «против», а часто, в силу своей общительности, вовлекал в этот процесс собеседников, иногда и случайных. Он никого не боялся и учил нас: «Будьте добрыми, честными, правди-

⁹ Личный архив Е. В. Дорогостайской.

выми, трудитесь на совесть, не навязывайте никому своих мнений — и ничего плохого с вами не случится». Но с ним случалось и нередко.

Все коллеги его любили и не только за шутки, за готовность помочь, но, может быть, за то, что он превыше всего ставил и ценил человеческое достоинство, как свое, так и чужое. Чрезвычайная его вспыльчивость, о которой вспоминают еще некоторые иркутяне, — она была от этого чувства собственного достоинства. Разговаривал он обычно весело, но если собеседник задевал это чувство, он молча или выкрикнув что-нибудь уходил, иногда хлопал дверью. И вслед за тем нередко совершал какой-то необдуманный поступок. Вот пример: в 1925 г. Дорогостайский пришел платить профсоюзный взнос. Принимавшая взносы чем-то сильно его оскорбила. Он бросил на стол профбилет и тотчас подал заявление о выходе из профсоюза. Мне несколько человек в разное время рассказывали, как восемь лет его всячески уговаривали вернуться в профсоюз, но тщетно. Наконец, уговорили, и вот что из этого получилось.

Вышла из печати статья «Руководители университета покрывают носителей буржуазной идеологии» (Староверов и др., 1933, с. 2). Вот выдержки из нее:

«. . . Проф. Дорогостайский работал в гос. университете, участвовал в соцсоревновании и к 1 мая 1933 г. был объявлен ударником. Сам он, по его словам, из-за скромности не хотел быть ударником, и только по настоянию товарищей принял это звание. Став ударником, проф. Дорогостайский решил подать заявление о приеме его в профсоюз, откуда он вышел в 1925 г. < . . . > На расширенном заседании университета у него нашлось немало сторонников < . . . > Получилась довольно печальная картина: беспартийная часть профсоюзного актива не только не поняла маневра проф. Дорогостайского с профсоюзом, но целиком оказалась у него в плену, стала его рупором. И только член ВКП (б) тов. Костюков в своем выступлении указал, что ответы проф. Дорогостайского свидетельствуют, что он не советский работник, что в профсоюз его принимать не надо. Когда Дорогостайский увидел, что партийная часть МК и МБ раскусила его и в профсоюз ему не пройти, он от неясностей и увиливаний перешел к открытой антисоветской вылазке. . .

. . . Антисоветское выступление проф. Дорогостайского не является случайным. Это выступление лишний раз

подтверждает правильность решений 17 партконференции, январского пленума ЦК ВКП (б) и указаний тов. Сталина о классовой борьбе во второй пятилетке. . .

Бюро партколлектива госуниверситета, обсудив этот вопрос, вынесло ряд решений об усилении классовой бдительности, об улучшении работы профорганизации, дирекции, парторганизации. . . В отношении Дорогостайского бюро постановило просить руководящие организации о снятии его с работы в гос. университете».

Следует еще сказать, что в 1929 г. вышла книга «Классовая борьба в Сибирских вузах» (Загорский, 1920), где в главе «Иркутские заметки» четыре страницы отведены проф. Дорогостайскому, «безнадёжно искалеченному предрассудками буржуазного общества», однако признано, что он «выступает честно, «открыто заявляет». В целом эта книга направлена на то, чтобы убедить «пролетарское» студенчество «разоблачать» реакционные взгляды их «буржуазной» профессуры. Но, судя по иркутским газетам, «разоблачали» мало, меньше, чем этого хотелось руководителям. Дорогостайского не «разоблачил» ни один студент, они его любили.

С гордостью довел Дорогостайский в 1937 г. свой первый (и, увы, последний) выпуск биологов-исследователей (19 человек) до государственных экзаменов. Аспирантов он подготовил больше десятка (главным образом охотоведов), сумев выделить их в рамках педагогического факультета.

29 октября 1934 г. университет торжественно отпраздновал 30-летний юбилей научной и педагогической деятельности В. Ч. Дорогостайского. Вот выдержка из отношения, отправленного в тот день Иргосуном в Наркомпрос: «В чествовании юбиляра приняли участие не только краевые и общегородские учреждения и организации, но и путем посылки телеграмм научно-исследовательские учреждения Москвы и Ленинграда <. . .> Так что юбилей проф. Дорогостайского принял характер большого местного праздника науки.

Восточно-Сибирский крайисполком отправил в распоряжение университета на проведение юбилея и премирование проф. Дорогостайского 4000 р. Кроме того, были отпущены средства и другими организациями.

Учитывая желание юбиляра продолжить свои работы по изучению зоогеографии вредителей сельского хозяйства Восточной Сибири, университет для предоставления

проф. Дорогостайскому возможности с большими удобствами совершать научные экскурсии по обширной территории Восточной Сибири постановил премировать его тремя тысячами рублей (3000) на приобретение собственной легковой автомашины. Настоящим Восточно-Сибирский гос. университет ходатайствует перед Наркомпросом об оказании содействия Университету в осуществлении этого решения. Необходимо снестись с соответствующими учреждениями Наркомтяжпрома об отпуске для проф. Дорогостайского вполне доброкачественной машины (автомобиля) по заводской стоимости ее. Вост.-Сиб. гос. университет надеется, что Наркомпрос окажет всемерное содействие этому делу не только путем официальных сношений с соответствующими учреждениями, но и путем отпуска, если потребуется, дополнительных средств на приобретение хорошей автомашины и доставку ее до Иркутска.

Директор ВСГУ Русаков». ¹⁰

Тогда же было послано в Наркомпрос ходатайство о присуждении В. Ч. Дорогостайскому ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации. Оно было вскоре удовлетворено.

Из публикаций о В. Ч. Дорогостайском к этому дню упомяну две — профессора С. И. Тимофеева (1934) и академика Н. В. Насонова (1934), а из телеграмм — одну: «Вдали от Вас, но сердцем и душой с Вами в Ваш знаменательный день юбилея, дорогой Виталий Чеславович. Сердечно приветствуем Ваш яркий ученый путь исследователя глубин Байкала и каменистых снежных вершин Мунку-Сардыка», — писали известные путешественники П. К. и Е. В. Козловы. ¹¹

В 1934—1935 гг. Дорогостайский — председатель бюро биосекции Восточно-Сибирского общества краеведения и зоологической секции Общества изучения Восточной Сибири, он заведует кафедрой зоологии позвоночных, в декабре 1935 г. едет в оплачиваемую (редкость!) научную командировку в Ленинград (там — встреча со мной, студенткой биофака ЛГУ). В 1936 г. им организована очередная иркутская выставка собак и даже составлена

¹⁰ Архив ИГУ. Личное дело проф. В. Ч. Дорогостайского, л. 7.

¹¹ Юбилею // Вост.-Сиб. правда. 1934. 29 окт. С. 3.

«Докладная записка об учреждении в Иркутске зоопарка» со сметой расходов. (Не может он, как видно, жить так, чтобы чего-то не организовывать). Успешно проведены первые государственные экзамены. Близится полевой сезон, а все еще нет обещанной машины. Нет и нет, хотя уже третий год идет со времени премирования.

И вот летом 1937 г. машина, наконец, прибыла в Иркутск. Кто-то сказал В. Ч.: «Идите скорее в университет, Ваша машина получена». Она стояла во дворе университета. Дорогостайский прошел к директору, Н. К. Русакову, и там. . . Директор объявил профессору, что машину он берет себе, так как ему она нужнее, ведь он директор, а Дорогостайский — только лишь профессор. Вероятно, отец был удивлен или разочарован, но прежде всего был оскорблен и отреагировал так, как всегда реагировал на оскорбления. . .

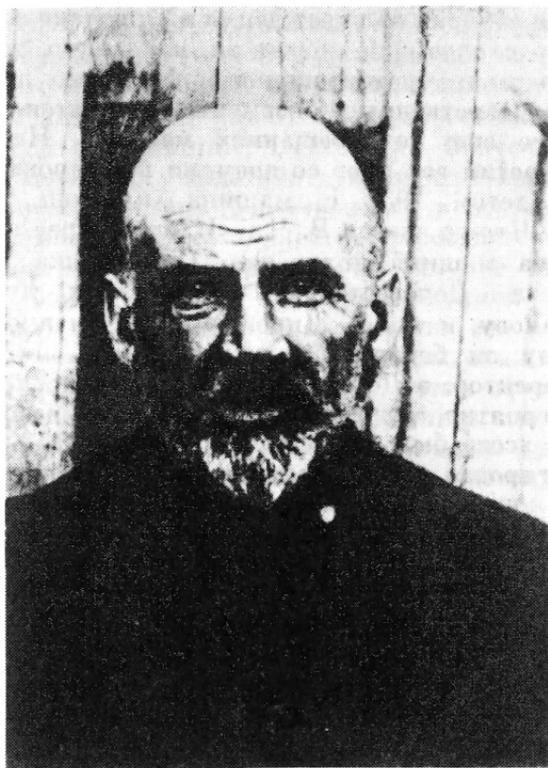
Место новой работы было найдено довольно быстро. В конце июля 1937 г. он с семьей уже переехал в Алма-Атинский университет заведовать кафедрой зоологии. В середине августа туда приехала я с практики на Кавказе. Устраивались в новой квартире. Накануне предполагаемого выезда в горы на экскурсию, в ночь на 27 августа внезапный стук в дверь. . .

Через два-три часа мы с матерью и сестрой простились с отцом. Мы не думали, что это — навсегда, мы были неопытны, а отец и мать уверяли, что это ошибка, она будет исправлена. . . Его увезли в Иркутск, куда поехала за ним мать, а мы с сестрой в Ленинград. . .

Шли годы. Брата моего, Д. В. Дорогостайского, выслали из Ленинграда, но мне дали закончить университет. О судьбе отца мы ничего не знали и надеялись, что он жив, где-то в лагерях, так как не подозревали настоящего значения слов «осужден без права переписки». В 1957 г. мать подала необходимое заявление и получила ответ — справку о том, что «. . . постановление от 5 сентября 1937 г. отменено, дело прекращено, гр-н Дорогостайский Виталий Чеславович реабилитирован посмертно».¹²

Через много лет, в 1969 г. я снова посетила Иркутск и Байкал. Ничего нового не знали о судьбе отца, кроме повторявшейся мне иркутянами фразы, которую крикнул в толпу провожавших один из увозимых на север осужденных. Она звучала так: «Передайте родным и близким

¹² Личный архив Е. В. Дорогостайской.

Фото, добытое женой В. Ч. Дорогостайского из тюрьмы. 1937—1938 гг.

профессора Дорогостайского, что он умер стоя!». Как было эти слова понимать? Мы поняли их иносказательно: «не сдался», «не сломился», но оказывается, нужно было понимать буквально.

Еще через 20 лет, в 1989 г. оказался возможен разговор с сотрудником КГБ и мне был сообщен приговор: «расстрел». «За что? — спрашивала я. — Сообщите мне обвинение, покажите протоколы допроса, его собственную подпись под ними». Не сразу, лишь после моих настоятельных просьб, сопровождавшихся ходатайством иркутского «Мемориала», мне показали связку протоколов (56 листов). Протоколы были различных размеров, заканчивались на разных уровнях листов, написаны чернилами различного цвета (допросы продолжались более года),

однако на всех листах у самого нижнего края была не подпись, но написанная почерком В. Ч. Дорогостайского, чётко, от начала до конца, его фамилия — зелеными чернилами во всех случаях. Обвинения ложные, нелепые, о них не стоит, да и нет здесь места писать, как и о процедуре допросов и условиях содержания заключенных в то время. Это уже не ново.

Юбилей В. Ч. Дорогостайского отмечали дважды после его кончины: первый — 23 февраля 1965 г. на Биосекции ВСОРГО. С докладом «Исследования Байкала В. Ч. Дорогостайским» выступил его ученик А. А. Томилов, затем бывший заведующий Байкальским питомником В. В. Тимофеев, рассказавший о «Вкладе проф. Дорогостайского в охотхозяйство и звероводство». Третий доклад Т. Н. Гагиной «В. Ч. Дорогостайский как орнитолог» был зачитан. Несколько человек выступали с воспоминаниями о Дорогостайском. Подробный протокол вела А. Н. Гранина. Второй — 30 ноября 1979 г. (100 лет со дня рождения) — на ученом совете биолого-почвенного факультета Иркутского университета. С докладом «О жизни, деятельности и значимости Дорогостайского как ученого» выступил заведующий кафедрой зоологии позвоночных, в прошлом ученик Дорогостайского А. Г. Егоров. Подробнейшими воспоминаниями о Виталии Чеславовиче поделился А. А. Томилов. Дочь В. Ч. — Е. В. Дорогостайская озаглавила свое выступление «О личности и делах профессора Дорогостайского» и, перечислив все его крупные начинания, попыталась кратко проанализировать побуждения, двигавшие им в каждом случае. . .

Биолого-почвенный факультет университета внес предложение об увековечении памяти профессора В. Ч. Дорогостайского — основателя кафедры зоологии позвоночных, Байкальской биологической станции, одного из основателей Биолого-географического института (переименованного ныне в НИИ биологии), внесшего большой вклад в исследование Байкала, Восточной Сибири. Ученый совет проголосовал за это предложение, приняв его. Прошло более десяти лет, но никаких шагов к осуществлению этого постановления ученого совета, насколько мне известно, пока не принято.

Основные даты жизни и деятельности

- 1879 29 сентября (нового стиля) родился в с. Тулун Иркутской губернии.
- 1898 Окончил 1-ю иркутскую гимназию и поступил в Московский университет, исключен по политическим мотивам, принят в 1899 г.
- 1902 За участие в студенческих волнениях заключен на 5 месяцев в тюрьму, затем выслан «по месту жительства» (в Иркутск).
- 1903 Вернулся в университет, опубликовал (1904) первую научную работу — монографию о водорослях Байкала.
- 1905 Участвовал в экспедиции А. В. Вознесенского, изучавшей результаты землетрясения в Северо-Западной Монголии.
- 1906 Окончил Московский университет. Поступил преподавателем естествознания в две иркутские гимназии.
- 1907—1910 Возглавил три экспедиции по Северо-Западной Монголии.
- 1910—1917 Работал в Московском университете лаборантом, затем ассистентом у профессоров М. А. Мензбира и А. Н. Северцова.
- 1911 Участвовал в экспедиции Ю. А. Белоголового (МОИП) в Африку.
- 1912 Возглавил экспедицию в Северо-Западную Монголию.
- 1913 Экскурсировал по Северному Кавказу.
- 1914 Провел экспедицию на Яблоновый (Становой) хребет по заданию Зоологического музея АН.
- 1915 Ездил на Байкал по заданию Зоологического музея АН.
- 1916 Возглавил экспедицию на Байкал по заданию КИБ АН.
- 1917 Участвовал в Байкальской экспедиции Московского университета.
- 1918 Стал профессором анатомии Омского сельскохозяйственного института.
- 1919 Организовал кафедру зоологии позвоночных Иркутского университета, постоянную биологическую станцию АН на Байкале, там же первый в СССР Государственный питомник пушных зверей.
- 1921—1922 Возглавил две экспедиции Биологической станции по Байкалу.
- 1922 Опубликовал главную статью монографии по гаммаридам.
- 1923 Опубликовал статью «Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал». Командирован в Москву для организации Биолого-географического института Иркутского университета.
- 1925 Участвовал в организации 1-го Восточно-Сибирского краевого научно-исследовательского съезда.
- 1927 Инициатор создания в Иркутске охотничьих курсов, переросших в Пушной институт; участвовал в Комиссии по обследованию оленеводства Приморского края; купил оленей для питомника.
- 1928 Возглавил экспедицию на Хамар-Дабан.

- 1930—1931 Вел работы по изучению гнуса по заданию Ангаростроя.
- 1933 Исследовал состав, экологию и географию видов «весенней пуш-нины» на юге Восточно-Сибирского края.
- 1934 30-летний юбилей научной и педагогической деятельности. Назначена премия: легковой автомобиль.
- 1935 Присвоена степень доктора биологических наук без защиты диссертации; назначена персональная ставка 700 руб.
- 1937 Переехал в Алма-Ату профессором зоологии университета. 27 августа арестован и отправлен в Иркутскую тюрьму.
- 1938 29 октября расстрелян.
- 1957 8 октября получена его женой справка о прекращении дела В. Ч. Дорогостайского «за отсутствием состава преступления».
- 1965 Празднование юбилея проф. В. Ч. Дорогостайского в Восточно-Сибирском отделении Географического общества.
- 1979 Празднование 100-летнего юбилея проф. В. Ч. Дорогостайского ученым советом биолого-почвенного факультета Иркутского университета.

- 1904 Matériaux pour servir à l'algologie du lac Baikal et de son bassin [Материалы для альгологии озера Байкал и его бассейна] // Bull. Soc. Nat. Moscou. N 2. P. 229—265.
- 1906 Материалы для альгологии озера Байкал и его бассейна // Изв. Вост.-Сиб. отд. Росс. геогр. о-ва. Т. 35, вып. 3. С. 1—44.
- 1907 Об омуле и его добыче на озере Байкал // Иркут. губ. ведомости. №№ 4635—4637.
- 1908 Поездка в Северо-Западную Монголию // Изв. Росс. геогр. о-ва. Т. 44, вып. 5. С. 233—246.
- 1909 Карта озера Косогол: Составлена по съемкам 1905, 1907, 1908 гг. Масштаб 5 верст в англ. дюйме. Изд. Вост.-Сиб. отд. Росс. геогр. о-ва.
- 1912 К биологии горного дупеля (*Scolorax solitaria* Midd.) // Птицеведение и птицеводство. Т. 3, вып. 1—2. С. 1—7.
- 1913 О гнездовании некоторых птиц // Там же. Т. 4, вып. 2. С. 107—116.
— Китайский лебедь (*Cygnus davidi* Swinh.) в Сибири // Орнитол. вестник. Кн. 2. С. 110—112.
- 1914 Карта области землетрясений 9 и 23 июля 1905 г. Масштаб 1 : 420 000. СПб. (Совместно с А. В. Вознесенским).
- 1915 Предварительный отчет о поездке в Яблонный хребет, совершенной по поручению Императорской Академии наук в 1914 году // Изв. Росс. акад. наук. Сер. 6. № 5. С. 401—420.
— Дикие бараны (*Ovis nivicola potanini*) Яблонова хребта // Там же. № 15. С. 1599—1616. (Совместно с Н. В. Насоновым).
- 1916 О фауне ракообразных реки Ангары // Ежегодник Зоол. музея Росс. Акад. наук. Т. 21, вып. 4. С. 302—322.
- 1917 Тарбаган // Охотн. вестник. № 6. С. 112—116.
- 1918 К распространению и образу жизни диких баранов и козлов в Северо-Западной Монголии // Ежегодник Зоол. музея Росс. Акад. наук. Т. 23, № 1. С. 32—42.
- 1919 О Байкальской гидробиологической станции // Тр. Съезда по организации Ин-та исслед. Сибири. Томск. Ч. 3. С. 24—27.
- 1920 Список латинских названий птиц и других животных, упоминаемых под номерами в очерке: М. И. Ткаченко «Путевые заметки о фауне бассейна р. Селенги в пределах Монголии» // Краткий очерк о работах Монгольской экспедиции 1918 г. под начальством И. Ф. Молодых. Иркутск. С. 123—124.
- 1921 Отвлеченная наука и практическое животноводство // Иркутский государственный университет (ко дню 3-летия существования университета). Иркутск. С. 16—18.

- 1922 Краткий отчет о работах Байкальской экспедиции Академии наук в 1916 году // Тр. Комис. по изуч. оз. Байкал. Пгр. Т. 1, вып. 2. С. 154—179.
- Материалы для карцинологической фауны оз. Байкал // Там же. С. 105—153.
 - Университет и промышленное звероводство // Унив. клич. Иркутск. № 6. 17 ноября. С. 1.
- 1923 К систематике хариусов Байкальского бассейна // Тр. Иркут. о-ва естествоиспыт. Т. 1, вып. 1. С. 75—81.
- Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал // Тр. проф. и преподават. Иркут. ун-та. Вып. 4. С. 103—131.
 - О гидробиологических исследованиях в Прибайкалье // Рус. гидробиол. журн. Саратов. Т. 2, № 5—7. С. 137—138.
- 1924 Озера Прибайкалья, их природа и экономическое значение (с картой о. Фролихи) // Изв. Вост.-Сиб. отд. Росс. геогр. о-ва. Т. 47, вып. 1. С. 36—42.
- 1925 Промысловые звери Иркутской губернии // Бюл. Вост.-Сиб. отд. Росс. геогр. о-ва. № 6. С. 35—36. (Тр. 1-го Вост.-Сиб. краеведч. съезда).
- Охрана природы края // Там же. С. 54.
 - Краеведческие задачи в области биологии // Там же. С. 85.
 - Генезис прибайкальских озер // Сибир. живая старина. Вып. 3—4. С. 338.
 - Пушные и промысловые звери Прибайкалья и их экономическое значение. Иркут. губ. стат. бюро. С. 1—15.
- 1926 Определитель рыб бассейна озера Байкал и реки Ангары // Сб. тр. проф. и преподав. Иркут. ун-та. Вып. XI. С. 26—39.
- Определитель рыб бассейна озера Байкал и реки Ангары. Иркутск. С. 1—16.
 - О мелиоративных мероприятиях по рыболовству // Власть труда. № 50. 3 марта. С. 8.
 - Насаждение промышленного звероводства в Сибири // Материалы к 5-летнему плану Сибкрайплана. Новосибирск.
 - К судьбе Саянского заповедника // Власть труда. № 35. 12 февр. С. 6.
- 1927 Обзор пушного звероводства за 1926 г. // Охотник и пушник Сибири. № 3. С. 36—40.
- Американская ондатра и перспективы разведения ее в Сибири // Охотник и пушник Сибири. № 4. С. 41—44.
 - О наследственной конституции сиводушек // Пушное дело. № 7. С. 23—28.
 - Охота. Искусственное звероводство // Основные положения Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск. С. 48—51.
 - Промышленное звероводство // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток. Вып. 4. С. 329—335, 585—588.
 - О морфологических особенностях сибирской расы дикой козы (*Capreolus capreolus pygargus* Pall.) // Изв. Биол.-геогр. н.-и. ин-та при Иркут. ун-те. Т. 3, вып. 2. С. 9—14.
 - О современном состоянии охотничьего хозяйства в Сибири // Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск. Т. 3. С. 43—55.
 - Учись правильно охотиться // Вост.-Сиб. правда. 8 июня. С. 6.
- 1930 Новые материалы для карцинологической фауны озера Байкал // Тр. Комис. по изуч. оз. Байкал. Т. 3. С. 49—76.

- Пятнистый олень на Байкале // Охотник. № 2. С. 12—14.
- Белка // Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 1. С. 268—270.
- 1931** Звероводство пушное // Там же. Т. 2. С. 88—89.
- 1932** Ловушки // Там же. Т. 3. С. 230—233.
- Нерпа байкальская // Там же. Т. 3. С. 734—736.
- 1934** Фауна острова Ольхон // Вост.-Сиб. комсомолец. № 127. 11 сент.
- Я отдаю все силы Советской науке // Вост.-Сиб. правда. 1 ноября.
- 1935** Новый подвид корсака из южного Забайкалья (*Vulpes corsak skogodumovi* n. subsp.) // Сб. работ противочум. организации Вост.-Сиб. края за 1932—1933 гг. Иркутск. № 2. С. 47—54.
- Материалы для изучения систематики, географического распространения и биологии мошек (*Simuliidae*) Восточной Сибири // Паразитол. сб. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 5. С. 107—204. (Совместно с И. А. Рубцовым и Н. М. Власенко).
- 1936** Лайка // Вост.-Сиб. правда. № 105. 9 мая. С. 3.
- Гаммариды Баргузинского залива // Изв. Биол.-геогр. ин-та Иркут. ун-та. Т. 7, вып. 1—2. С. 42—50.

Основная литература о В. Ч. Дорогостайском

- Асхаев М. Г., Егоров А. Г.* К истории научной станции Иркутского университета на Байкале // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1959. Т. 91. С. 299—230.
- Беньковская И.* Дар музею (Это наша история) // Вост.-Сиб. правда. 1988. 18 июня.
- Биологическая станция на Байкале* // Землеведение. М., 1916. Т. 3—4. С. 200—201.
- В— — —ский.* Байкальский питомник чернобурых лисиц // Охотник. 1925. № 4. С. 15—16.
- Вержуцкий Б. Н.* Меж востоком и западом (О человеке, который изучал Байкал) // Ангарские огни. 1984. № 140. 22 ноября. С. 4.
- Вержуцкий Б. Н.* Пленники Сладководного моря (Отечество мое) // Там же. 1987. 20 янв.
- Вержуцкий Б. Н.* Потомки ученого на Байкале // Там же. 1987. 13 окт.
- Ветов В. В.* Байкальском питомнике // Знание — сила. 1928. № 9. С. 232—235.
- Вознесенский А. В.* Исследования области Хангайских землетрясений 1905 года в Северной Монголии // Материалы Отд. физ. географии Всесоюз. геогр. о-ва. 1962. Вып. 1.
- Гагина Т. И.* Виталий Чеславович Дорогостайский как орнитолог // Изв. Вост.-Сиб. отд. Всесоюз. геогр. о-ва. 1962. Т. 60. С. 71—74.
- Голенкова А. И.* Профессор Дорогостайский // Байкал. Улан-Удэ, 1979. № 3. С. 137—144.
- Голенкова А. И.* Виталий Дорогостайский // Следопыты Байкала. 2-е изд. Иркутск, 1986. С. 58—86.
- Гранина А.* Ученый-энтузиаст // Вост.-Сиб. правда. 1965. № 40. 19 февр.
- Гранина А.* Жизнь, отданная науке // Сов. молодежь. 1979. 8 дек. С. 2.
- Доклад* о путешествиях по Монголии и Урянхайской земле за период 1905—1910 гг. // Изв. Росс. геогр. о-ва. 1910. Т. 46. С. 63—64.
- Дорогостайская Е. В.* Как это было (Предыстория ЛИН СО АН СССР на Байкале). 1976. 69с. Рукопись. ЛО Архива АН СССР, раздел 4, оп. 6, № 146.
- Дорогостайская Е. В.* К истории исследования оз. Байкал (О переписке Б. Дыбовского с русскими учеными) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1978. Т. 110, вып. 3. С. 269—273.
- Дорогостайская Е. В.* Виталий Чеславович Дорогостайский (К 100-летию со дня рождения) // Охота и охотн. хоз-во. 1980. № 2. С. 10—11.
- Дорогостайская Е. В.* В. Ч. Дорогостайский — исследователь флоры

- и фауны Байкала // Изв. Акад. наук СССР. Сер. геогр. 1982. С. 105—114.
- Дорогостайская Е. В.* К истории организации постоянной научной станции на озере Байкал // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1988. Т. 121, вып. 2. С. 249—253.
- Дорогостайская Е. В.* Начало организации стационарных исследований на Байкале // Изв. СО АН СССР. Сер. ист. филол. и философ. 1989. Вып. 3. С. 72—75.
- Дорогостайская Е. В., Плешанов С. П.* Первое научно-исследовательское судно на Байкале // Катера и яхты. 1981. № 6. С. 22—23.
- (*Дорогостайская Е. В., Форест Г. С.*) *Dorogostaiskaya E. V., Forest H. S.* Vitaliyi Cheslavovich Dorogostaisky: a pioneer investigator of the flora and fauna of Lake Baikal // J. Great Lakes Researches. 1985. N 11. P. 512—519.
- Дорогостайский* Виталий Чеславович // Сибирская Советская Энциклопедия. 1930. Т. 1. С. 848.
- Дорогостайский* Виталий Чеславович // Липшиц С. Ю. Русские ботаники: (Биографо-библиографический словарь). М., 1950. Т. 3. С. 192.
- Егоров А. Г.* На кафедре зоологии позвоночных // Иркут. ун-т. 1978. № 19. 14 июня. С. 4.
- Егоров А. Г.* Праздник Биолого-почвенного факультета (К 100-летию со дня рождения проф. В. Ч. Дорогостайского) // Иркут. ун-т. 1979. № 34. 12 дек. С. 3.
- Егоров А. Г., Лаэров И. К., Мишарин К. И.* Научная работа кафедры зоологии позвоночных за 50 лет (1918—1968) // Изв. Биол.-геогр. ин-та Иркут. ун-та. 1971. Т. 24. С. 3—33.
- Загорский Н. П.* Классовая борьба в сибирских вузах. Новосибирск, 1929. 102 с.
- Кольцов М. С.* Зверский случай // Кольцов М. Е. Фельетоны и очерки. М., 1956. С. 325—328.
- Кузенева О. И.* Растения, собранные В. Ч. Дорогостайским на Яблоновом хребте в 1914 г. // Тр. Ботан. музея АН СССР. 1920. Вып. 18. С. 1—12.
- Мейер К. И.* По Тункинскому краю и Северо-Западной Монголии // Естествознание и география. 1917. №№ 1—4, 5—6, 8—10.
- Месяцев И. И., Зенкевич Л. А., Россолимо Л. Л.* Предварительный отчет о работах Байкальской экспедиции Зоологического музея Московского университета летом 1917 г. // Тр. Комис. по изуч. оз. Байкал. 1922. Т. 1, вып. 2. С. 162—179.
- Насонов Н. В.* К 30-летию юбилею научной работы проф. В. Ч. Дорогостайского // Вост.-Сиб. правда. 1934. № 238. 15 окт.
- Орнитологическая* экскурсия В. Ч. Дорогостайского и К. И. Мейера в Сев.-Зап. Монголию // Орнитол. вестник. 1912. № 4. С. 323.
- Палибин И. В.* Новая *Saussurea* из Северной Монголии — *Saussurea Dorogostaiskii* sp. n. // Журн. Рус. ботан. о-ва. 1928. Т. 13, № 1—2. С. 109—111.
- Семенов А.* Чайка над Байкалом (Имена в иркутской истории) // Вост.-Сиб. правда. 1989. № 225. 30 сент. С. 4.
- Скалон В. Н.* У истоков отечественного охотоведения // Изв. Иркут. с.-х. ин-та. 1970. Т. 3, вып. 26.
- Староверов Г., Куклин В., Маневич.* Руководители университета покрывают носителей буржуазной идеологии // Вост.-Сиб. правда. 1933. № 167. 22 июля. С. 2.

- Тимофеев С. И.* Виталий Чеславович Дорогостайский (К 30-летию юбилею научной деятельности) // Вост.-Сиб. правда. 1934. 29 окт. С. 3.
- Топорков Н. Н.* Байкальский питомник // Пушное дело. 1927. № 4. С. 64—76; № 5. С. 53—61.
- Трубадуры* реакции на кафедре ВУЗа // Сов. Сибирь. 1929. № 73. 31 марта. С. 2.
- Туров С. С.* В горах Забайкалья // Туров С. С. По родному краю. М., 1979. С. 101—147.
- Экспедиция В. Ч. Дорогостайского в Яблоновый хребет летом 1914* // Землеведение. 1915. Т. 22, кн. 1—2. С. 61—63.
- Cockerell T. D.* The biology of Lake Baikal // Science. 1927. Vol. 66, N 1719. P. 552—554.
- Klemm M.* Die erste staatliche Pelztierfarm in Sibirien // Pelztierzucht. 1931. Bd 7. Teil 12. S. 231—233.

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Страницы родословной. Детство и юность	7
Глава 2. Первый печатный труд. Окончание университета	15
Глава 3. Экспедиции: Монголия, Кавказ, Африка, Дальний Восток	20
Глава 4. Основание Байкальской биологической станции	41
Глава 5. Научно-исследовательская деятельность	63
Глава 6. Охота, охрана животных, звероводство	83
Глава 7. Работа по заданию Ангаростроя. Опять пушнина	99
Глава 8. Педагогическая деятельность В. Ч. Дорогостайского до открытия Иркутского университета и в нем	107
Основные даты жизни и деятельности	128
Опубликованные труды В. Ч. Дорогостайского	130
Основная литература о В. Ч. Дорогостайском	133

Научно-биографическое издание

**Евгения Витальевна
Дорогостайская**

ВИТАЛИЙ ЧЕСЛАВОВИЧ
ДОРОГОСТАЙСКИЙ
(1879—1938)

*Утверждено к печати Редакцией серии
«Научно-биографической литературы»*

Редактор издательства *Е. А. Чекулаева*
Художник *И. П. Кремлев*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректор *Г. И. Суворова*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 21.05.91.
Подписано к печати 04.07.94. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная. Фотонабор.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.56. Усл. кр.-отт. 7.78.
Уч.-изд. л. 7.45. Тираж 480 экз. Тип. зак. № 233. С 791.

Санкт-Петербургская издательская фирма ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В издательстве «Наука» готовится к выпуску книга

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЭКОСИСТЕМ ОЗЕР КРАЙНЕГО СЕВЕРА

В монографии обобщены данные исследований разнотипных озер Большеземельской тундры. Рассматриваются формирование гидрологического и химического режимов, структура и функционирование основных биологических сообществ, дается оценка состояния продукционных и деструкционных процессов и особенностей трофических связей. По натурным и экспериментальным исследованиям показаны изменение структуры экосистем тундровых озер в районах интенсивных геолого-разведочных работ, а также влияние антропогенных воздействий на процессы самоочищения в этих озерах.

Книга предназначена для лимнологов, экологов и специалистов в областях охраны окружающей среды.

В издательстве «Наука» готовится к выпуску книга

ЖЕЛЕЗНОВОЙ Г. В.

**ФЛОРА ЛИСТОСТЕБЕЛЬНЫХ МХОВ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА**

Монография является первой региональной сводкой по мохообразным европейского Северо-Востока. Приводится полный список листостебельных мхов, произрастающих на территории Республики Коми, который составлен в результате многолетней обработки коллекций. Описываются экология видов, их индикационные свойства, представлены карты распространения. Анализируются систематический состав флоры листостебельных мхов и ее основные особенности. Выделены редкие виды.

Для биологов, флористов, геоботаников, экологов.

Заказы принимаются в магазинах конторы «Академкнига».

Для получения книг почтой заказы принимаются по адресу:
197345, С.-Петербург, Петрозаводская ул., 7.

В издательстве «Наука» готовится к выпуску книга

ЛИСОВСКИЙ В. А., МУХИН И. М., ГРУХИН Ю. А.

**«ДОМАШНЯЯ ДИЕТОЛОГИЯ,
ИЛИ КАК ПРАВИЛЬНО ПИТАТЬСЯ
ВО ИМЯ ЗДОРОВЬЯ И ДОЛГОЛЕТИЯ»**

Авторы книги — крупные специалисты в области клинической медицины и гигиены питания. С учетом современных достижений медицинской науки и реальных условий жизни они предполагают читателю доступные рекомендации о разумном питании, об оптимальных условиях хранения и способах кулинарной обработки продуктов, о профилактике пищевых отравлений.

Основная идея монографии — убедить каждого в том, что правильное питание — гарантия здоровья, активного образа жизни и долголетия, что лечить заболевание значительно сложнее и дороже, чем предупредить.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, которые не имеют специальных медицинских знаний.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ**

Полянский Ю. И.

ГОДЫ ПРОЖИТЫЕ. ВОСПОМИНАНИЯ БИОЛОГА

Объем 20 л. № 311.

В книге одного из старейших биологов страны излагаются события с периода первой мировой войны до наших дней. Автор был свидетелем, активным участником многих событий, в особенности касающихся судеб биологии и преподавания ее в высшей и средней школах. Рассказывается о состоянии биологии в Ленинградском университете в 20—30-е годы. Подробно проанализированы появление лысенковщины и период сталинских репрессий, разгром биологии после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Широко освещены встречи автора с зарубежными биологами. Книга написана в форме рассказа о личной жизни, освещает многие проблемы истории биологии в нашей стране в самый тяжелый период ее развития.

Для биологов, медиков, учителей, историков науки.

Книгу можно заказать в магазинах конторы «Академкнига». Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу: 197345, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7. 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2.

В издательстве «Наука» готовится к выпуску книга

**НАСЕКОМЫЕ И КЛЕЩИ —
ВРЕДИТЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР.
Т. 3.**

Очередной том научно-справочного издания посвящен отряду чешуекрылых. Ранее выпущены тома 1 (1972 г.), 2 (1974 г.), 4 (1981 г.). По каждому из 800 включенных в книгу видов приводится важнейшая литература, касающаяся биологии и хозяйственного значения вредителей. Даются краткие сведения о повреждаемых растениях, числе поколений, фенологии и географическом распространении, зоне наибольшей вредоносности.

Для работников системы защиты растений, сотрудников отраслевых институтов.

**КНИГИ ВО «НАУКА» МОЖНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.**

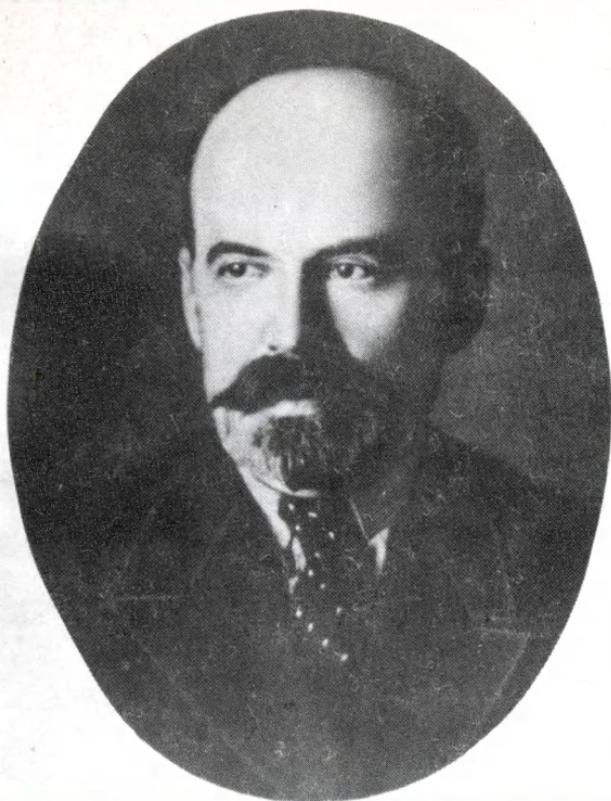
*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

- 117393 Москва**, ул. академика Пилюгина, 14, кор. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
103009 Москва, ул. Тверская, 19а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»)
443002 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4

634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин «Академкнига» в Татарстане:

420043 Казань, ул. Достоевского, 53

Е.В.Дорогостайская

**Виталий
Чеславович
ДОРОГОСТАЙСКИЙ**

1000 =

Санкт-Петербург
«НАУКА»